

АШОТ
МЕЛИК-
ШАХНАЗАРОВ

**Олимпиец
из Артаксаџь**

Ашот Зарэевич Мелик-Шахназаров

*Олимпиец
из Артаксатъ*

Физкультура и спорт
Москва, 1986

Аннотация

В этой исторической повести рассказывается о победителе Олимпийских игр древности Варздате, жившем во второй половине IV в. н. э. в Армении и удостоившемся короны армянского царства.

Читатель сможет узнать много интересного о проведении атлетических игр в Олимпии, о традициях и ритуалах, связанных с ними, о борьбе Армении за независимость и о трагической судьбе царя Варздата.

Моему отцу Зарэ Самсоновичу Мелик-Шахназарову, в прошлом боксёру, борцу и штангисту, посвящается

От автора

Победитель Олимпийских игр античности олимпионик Вараздат, сын Аноба из города Артаксаты (Арташата), бывшей столицы Армении, — лицо не вымышленное. Этот выдающийся атлет и государственный деятель жил во второй половине IV века нашей эры.

История донесла до нас немало подробностей из жизни этого незаурядного человека, удостоившегося короны армянского царства. Ему посвящено множество страниц в произведениях целого ряда древних авторов Рима, Греции и Армении, а в более поздние времена — и некоторых других стран.

В исторических трудах, упоминающих Вараздата, немало разночтений. Единодушие, наблюдающееся у историков при описании подвигов Вараздата, атлета и поединщика, исчезает при оценке его деятельности на армянском престоле. Одни считают его никудышным и недостойным царём, не сумевшим разобраться в дворцовых интригах. Другие видят в Вараздате патриота, мужественного и честного правителя, неудачи которого были predetermined обстоятельствами.

Воссоздавая образ Вараздата, автор судил о его помыслах и чувствах, руководствуясь единственно верным критерием — действиями своего героя, зафиксированными историей.

Вараздат был блестящим кулачным бойцом. Об этом свидетельствует не только факт его победы на Играх в Олимпии. Существует и косвенное, но весьма красноречивое доказательство его мастерства. Описывая Вараздата, древние авторы подчёркивают, что ему удавалось сохранить приятную наружность. А это было нелегко, так как удары кулаков, охваченных грубыми кожаными ремнями, оставляли на лице неизгладимые шрамы, уродовали его. Следовательно, он побеждал, почти не получая ударов. Так мог побеждать только атлет высокого класса. Вараздат был, несомненно, таковым.

Став царём, Вараздат проявил себя мужественным государственным деятелем, истинным патриотом. Его решения и поступки опровергают утверждения некоторых древних армянских историков о том, что он стремился поставить свою страну в зависимость от Персии. Получив трон Армении благодаря римскому императору, Вараздат неукоснительно продолжал политику своего предшественника, царя Папа. И в конечном счёте римский император сослал его на каторгу за то же самое, за что умертвил

ранее царя Папа — за стремление к независимости. Варздата можно упрекать лишь в том, что он не нашёл верного пути для достижения этой цели. Но мог ли он достичь желаемого при той расстановке сил, которая сложилась внутри страны и вокруг неё?

Горная Армения, расположенная у восточных границ Византии и зажатая между нею и Сасанидской Персией, уже много веков тщетно пыталась отстоять свою самостоятельность. Её устремления неизменно разбивались о взаимоисключающие интересы этих двух гигантских держав, находившихся в постоянной вражде. Каждая из них пыталась посулами, а чаще огнём и мечом обратить Армению в свою союзницу. Каждая требовала от Армении безусловного повиновения, каждая считала территорию армянского государства своей вотчиной.

К соображениям стратегического характера примешивались и иные: экономические, культурные, моральные. Персия не могла простить армянам принятия христианства, которое вставало неодолимой стеной между народами этих двух стран. Византия, склонившаяся к христианству, считала само собой разумеющимся союз с единой Арменией, где богослужение велось к тому же на греческом языке.

Внутри страны — и это было главной бедой Армении — отсутствовало единство. Царь, духовенство и нахарары¹ могли достичь желанной для Армении независимости, если бы вместе возглавили борьбу армянского народа, если бы действовали заодно, если бы осознали, что путь к свободе родины лежит через их объединение. Факты свидетельствуют о том, что в силу своего положения цари склонялись к этому, однако они не имели реальных возможностей для решения этой задачи. Церковь, сосредоточившая в своих руках огромные земли и угодья, пыталась встать над царём, оспаривала у него власть, стремилась сама вершить судьбами страны. Что касается нахараров, то они так дорожили своей самостоятельностью, что готовы были войти в союз с кем угодно, лишь бы не чувствовать над собой власти своего царя. В довершение ко всему армянское воинство предпочитало служить в армиях Византии и Персии, нежели в войсках своей собственной страны. Две десятитысячные армянские конницы составляли ударную силу и римских, и персидских войск, в то время как царь Армении тщетно взывал к нахарарам, прося их о выделении постоянных отрядов для регулярной армянской армии.

Тысячи армянских юношей постигали ремёсла, науки и искусства за пределами родины и оставались на чужбине. Их действиями руководили разные побудительные мотивы, чаще слава, реже деньги. Но всегда на первом месте стояли личные интересы, которые они ставили, увы, выше интересов отчизны, хотя родина остро нуждалась в них. Немало армян обосновалось в Персии, но особенно много их было в Византии. Запад с его эллинистической культурой, искусством, достижениями науки, философии, права притягивал к себе армянскую молодёжь, формируя, казалось бы, верных для себя союзников. Способные чужестранцы из Армении становились видными военачальниками, известными зодчими, блестящими ораторами, лауреатами различных конкурсов, победителями атлетических состязаний. Оставаясь на чужбине, они быстро адаптировались, но вернувшись при случае на родину, снова чувствовали себя частицей своего народа и доказывали это всеми своими поступками.

Жизненный путь олимпийщика из Артаксаты — яркое тому подтверждение.

Повествуя о короткой, но волнующей жизни своего героя, автор стремился сохранить по возможности верность исторической правде, шире использовать имеющиеся сведения о современной Варздату исторической эпохе, особенно об Олимпийских играх античности. Центральное место в повествовании занимает Олимпия и её атлетические

¹ Нахарары — крупные княжеские роды и князья ней и средневековой Армении, имевшие собственное и вассалов.

игры, участие Варздата в кулачных состязаниях и победа в них, позволившая ему приобрести широкую известность не только в своей стране, но и далеко за её пределами.

Историческая эпоха, в которую происходят описываемые события, отмечена победами новой христианской религии над язычеством, хотя борьба между ними продолжалась потом ещё не одно столетие. Христианство, восторжествовавшее в Армении в начале IV века и утвердившееся в Риме в конце того же столетия, выступило фанатичным врагом язычества во всех его проявлениях. Игры в Олимпии, возникшие в незапамятные времена, были ярким языческим праздником, связывавшимся в представлении эллинов со священным браком Луны и Солнца.

Новый император Феодосий I, стремившийся воссоздать Великую Римскую империю, объединить обе её части — Западную и Восточную, использовал в качестве опоры христианскую религию. Приняв в силу обстоятельств христианство и оказавшись в зависимости от новой церкви, Феодосий Великий стал гонителем всего языческого, и в частности Олимпийских игр. Различные атлетические состязания и празднества, и особенно Игры в Олимпии, проводившиеся к тому времени уже более тысячи лет, представлялись христианам прочным оплотом языческой веры. Разрушить её значило подорвать язычество, утвердить новую религию.

Олимпийские игры были гимном физической красоте и физическому совершенству, триумфом здорового тела и здорового духа. Однако это-то как раз и противоречило канонам христианского учения, ставящего превыше всего величие духа и стремящегося одновременно к унижению плоти, этой греховной, по убеждению церкви, субстанции, подлежащей подавлению. Таким образом, с утверждением христианства Игры в Олимпии были обречены на исчезновение.

К счастью, история сохранила до наших дней имена абсолютного большинства победителей Олимпийских игр древности. Атлет из Армении Варздат был последним известным нам олимпиоником и единственным чужестранцем, вписавшим своё имя в античную летопись олимпийских побед.

Глава I

Священная дорога

Время приближалось к полудню. Диск солнца висел над Олимпией, освещая лесистые склоны холма Крона, величественные храмы и памятники Альтиды и многотысячную толпу, заполнившую последний участок Священной дороги перед въездом в город. Шёл пятый день гекатомбеона. В этот месяц, восьмой после зимнего солнцеворота, вот уже более тысячи лет подряд раз в четыре года проводились атлетические состязания. Это событие ожидалось, как всегда, с большим нетерпением.

Прошло уже много месяцев с тех пор, как гонцы-спондофоры отправились из Олимпии во все концы огромной Римской империи и даже за её пределы, чтобы возвестить о предстоящих олимпийских торжествах. Одна группа пошла на северо-запад, в Галлию, пересекая континентальную часть бывшей Греции. Некогда цветущее эллинское государство именовалось теперь, после присоединения его к Римской империи, просто провинцией Ахайя. Вторая вышла на судах в Эгейское море, чтобы принести долгожданную весть сначала жителям Крита, других островов, а затем — Малой Азии, Египта, Туниса и прочей Африки. Третья двинулась на запад, через Адриатическое море, в сторону Рима и далее — в Сардинию, Корсику и Сицилию. Ещё две группы спондофоров отправились на восток. Одна — чтобы совершить далёкое мореплавание и оповестить жителей бывших греческих колоний, расположенных на северном и восточном побережьях Понтийского моря. Другая — чтобы проделать конный переход к восточным границам страны и сообщить о предстоящих состязаниях гражданам этой части империи и жителям вассальной Риму горной Армении.

Выделенные, как того требовала традиция, из числа наиболее знатных и авторитетных семей, спондофоры объявляли одновременно и экехерию — священное перемирие. Этот обычай восходил к незапамятным временам и был непосредственно связан с возникновением Игр в Олимпии. Когда-то элидский правитель Ифит, стремившийся положить конец междоусобным войнам в Элладе, обратился за помощью к оракулу. Тот посоветовал возродить Олимпийские игры. Регламент состязаний, составленный спартанским законодателем Ликургом, предписывал в числе прочего отмену военных действий на период проведения Игр. В те далёкие времена перемирие длилось немногим более месяца. Позже оно было продлено до ста дней.

Сюда включались период месячной тренировки в Элиде, дни, отводимые на Игры и празднества, и время, необходимое на дорогу в Олимпию и обратно, к месту жительства. Правда, с тех пор как Греция потеряла свою независимость, её города давно уже жили в мире между собой. Если они и помышляли о войне, то о войне освободительной, которая избавила бы их от римской тирании. Однако военная мощь Рима не оставляла им никаких

надежд на этот счёт. Поэтому объявление экехерии было лишь символическим актом, данью традиции, не более. Зато сами Игры давно уже приняли широкий характер, и в них всё чаще участвовали варвары — чужестранцы, поклонявшиеся своим, только им известным богам...

Люди заполнили всё пространство от моста, перекинутого через горную речку Кладей, до того места, где начиналось тройное разветвление дорог. Путь посередине шёл на Пруву, две другие дороги вели в Элиду: одна карабкалась вверх, в горы, другая бежала понизу, изгибаясь вдоль русла полноводной реки Алфей. Эту нижнеэлидскую дорогу издревле именовали Священной. По ней в конце каждой олимпиады в торжественном марше шествовали участники главного языческого праздника эллинов — Олимпийских игр.

Весь предыдущий месяц атлеты провели в гимнастических школах Элиды — палестрах и гимнасиях, где усиленно тренировались под руководством учителей-педотрибов. И вот теперь после тридцатидневной подготовки они пустились в дорогу, получив традиционное напутствие: «В Олимпии вступите на стадион и покажите себя мужами, победителями, а кто не подготовлен — пусть идёт куда хочет».

Но редко кто, сломленный неожиданной хворью или страхом перед состязаниями, отсеивался на этом пути, который мог привести к бессмертию. Да, именно к бессмертию, потому что имя победителя Игр заносилось на мраморную плиту и сохранялось для потомков на многие века. Ему ставили скульптурный памятник с кратким описанием совершённого им подвига. Лучшие поэты страны сочиняли в его честь хвалебные оды. Через годы и века проносила история имена выдающихся состязателей и поединщиков прошлого, начиная от самого первого, молодого элидского повара по имени Коройб.

Путь от Элиды до Олимпии был не близок. Триста стадий¹, которые разделяли эти города, участники проходили пешком в два дня с ночёвкой в Летрине. Они держали путь берегом моря, проходя из конца в конец всю Священную дорогу. Но ещё до того, как процессия, растянувшаяся на длину доброго дромоса — так называли бег на один стадий, — подходила к месту отдыха и ночлега, её участники делали небольшой привал там, где находился священный источник Пиеры. Здесь они приносили богам свою первую жертву. Как того требовал многовековой обычай, это был хорошо откормленный кабан. Жертвоприношение должно было снискать участникам будущих состязаний благосклонность богов.

Эти сведения сообщал окружающим немолодой человек, по виду бывший атлет, может быть, даже олимпиец — победитель состязаний в Олимпии. Один из юношей робко спросил:

— Правда ли, что и элланодики проходят церемонию очищения?

— Конечно! Ведь те, кому доверено судейство состязаний, — элланодики, — остаются людьми со всеми своими недостатками и слабостями, — отвечал рассказчик. — Они совершают омовение водой из родника Пиеры, чтобы честно исполнять свои обязанности в период Игр, полностью освободиться от симпатий и антипатий, возникших у них к тому или иному участнику состязаний во время тридцатидневной тренировки в Элиде, где они живут бок о бок с атлетами.

— А в чём роль номофилаков? — спросил юноша.

— Номофилаки — знатоки олимпийских правил. Они готовят элланодиков к их миссии. Однако досконального знания правил всё же недостаточно. От элланодиков требуется полная беспристрастность. Это чрезвычайно важно, ибо решение элланодика окончательно.

¹ Стадий — расстояние в шестьсот ступней Геракла, равное длине олимпийского стадиона, или 192,27 м. По преданию, именно столько шагов успел сделать Геракл с того момента, как первые солнечные лучи появились над холмом Крона в Олимпии и до того, как солнце поднялось над землёй.

— Разве не может участник Игр обжаловать решение элланодика? — поинтересовался старик с посохом, стоявший рядом с юношей.

— Разумеется, может, — отвечал бывший атлет. — Но редко кто осмеливается сделать это. Ведь в этом случае олимпиец действует на свой страх и риск. И если его просьбу отклонят, он может быть подвергнут очень суровому наказанию.

— Ишь ты, — возмущился старик. — Когда-то олимпийцами называли богов, живущих на горе Олимп, а теперь, видно, всякого, кто допущен на атлетические игры в Олимпии! Ну и времена!

— Некоторые из них, те, что победят, — мягко возразил атлет, — и впрямь станут вскоре сродни богам.

— Просвещай невежд, Ликас, — насмешливо бросил говорившему атлету подошедший мужчина средних лет, тоже, по всей видимости, в прошлом состязатель.

Имя Ликаса из Спарты было известно каждому. В его честь были названы Игры 287-й Олимпиады, на которых он победил в беге на стадий. Что же касается насмешника, то им оказался менее счастливый атлет, соперник Ликаса — Филумен из Аркадии.

— Когда же мы наконец увидим олимпийцев и элланоδικов? — спросила пожилая женщина, приехавшая, судя по одежде, из восточных областей Римской империи.

— Скоро мы услышим конский топот, — отвечал Ликас, — и верховой воин, отправившийся с самого утра навстречу шествию, появится перед нами и возвестит о приближении колонны, в рядах которой идут будущие олимпионики.

Последнее слово Ликас произнёс с особой торжественностью.

Олимпионик! Этот желанный титул давался вместе с оливковым венком тому, кто побеждал в одном из видов олимпийского состязания — агона. Победитель прославлял свой родной город, свой род. Он прославлял себя. К заветному слову «олимпио», указывающему на участие в Олимпийских играх, он мог прибавить имя богини победы — крылатой Ники.

К обладанию этим титулом стремились все: и представители демоса — простого люда, и власть имущие. Богачи, которые имели средства, чтобы объехать весь свет, купить любые драгоценности, арабских скакунов или чёрных нубийских рабов, не могли сделать лишь одного — купить благосклонность крылатой богини Ники. Неподкупная, она дарила удачу лишь тем, кто мог завоевать её расположение своей настойчивостью в агонистике¹, своей смелостью в состязаниях или поединках.

Между тем солнце пригревало. Оно отражалось в до блеска начищенных щитах и шлемах воинов, охранявших мост через Кладей, играло на пёстрых одеждах разноязыкой толпы пеших и конных, простолюдинов и аристократов. Оно сверкало на убранстве коней, на расшитых серебром одеяниях заморских купцов и путешественников, прибывших издалека, чтобы насладиться редким зрелищем, которое представляли собой Игры.

В этой толпе нельзя было не заметить красивую статную гречанку. Держа в левой руке вожжи, она стояла в колеснице, запряжённой четвёркой прекрасных коней, — в одной из тех квадриг, на которых выступают в ипподромных гонках. Дерзкий взгляд, непринуждённая поза, гордая осанка — всё в ней привлекало внимание.

В толпе то и дело слышалось:

— Смотрите! Это Деметра, дочь Никоса!

— Красота Деметры сродни её отваге. Приехать на встречу в олимпийской квадриге — это может далеко не всякая женщина!

— Да, но она божья избранница! Боги даровали ей победу на Герейских играх!²

¹ Агомистика — система тренировок и соревнований, (от греч. «агон» — соревнование).

² Герейские игры — состязания женщин в Олимпии в честь богини Геры, главной греческой богини.

— Одно дело побеждать в состязаниях по бегу, другое — управлять квадригой!

— При такой красоте быть ещё и прекрасной атлеткой — не слишком ли много для одной женщины?

Обрывки этих фраз, несомненно, доносились до Деметры, но она не прислушивалась к ним. Привыкнув к славе, она относилась к ней спокойно. Молодая эллинка была одета в лёгкую короткую тунику, оставлявшую открытыми ноги, неожиданно сильные для хрупкого девичьего торса. В чёрных волосах — белая лента, точно такая, как у состязательниц на Играх.

— Гляди-ка, Деметра пожаловала на встречу в квадриге. И зачем это ей?

— Зато все обращают на неё внимание. Пешая, она затерялась бы в толпе среди других красавиц!

— Победительница Герейских игр не может затеряться!

— Скромность не помешала бы даже победительнице. Ведь ей наверняка пришлось явиться сюда чуть свет. Хоть лошадей пожалела бы...

В этих репликах была немалая доля правды. Для того чтобы оказаться поближе к мосту, перед развилкой, где путь на Пруву сливался со Священной дорогой, ей пришлось, несомненно, приехать сюда ещё затемно, иначе из-за огромного скопления людей, собравшихся здесь с наступлением рассвета, квадриге вряд ли нашлось бы моего...

Осуждая Деметру за нескромность, люди тем не менее восхищались ею. Многие из проходивших мимо стремились поймать взгляд красавицы, привлечь к себе её внимание.

— Олимпионик приветствует гереонику! — сказал Ликас, поравнявшись с квадригой. Он давно был поклонником красоты и атлетического таланта молодой гречанки.

— Запишись на гонку квадриг, Деметра, ты и там станешь первой! — кричали из толпы. — Добьёшься того, чего не смог Никандр!

При этих словах все, кто стоял рядом с квадригой, стали оглядываться, ища взглядом Никандра, брата Деметры. Ходили слухи, что Никандр, оправившийся от травм, уже несколько месяцев готовил к соревнованиям новую квадригу. Все знали, что, участвуя в прошлых Играх, он был сбит недалеко от поворотного столба при столкновении четырёх квадриг, в котором двое возникли погибли, третий был искалечен до неузнаваемости, а сам Никандр отделался переломами ног.

Но Никандра нигде не было. Да это и понятно. Ведь участники гонок на ипподроме были освобождены от обязательной месячной тренировки в Элиде. Они готовились к гонкам в своих родных городах, приезжали в Олимпию лишь незадолго до открытия Игр и предпочитали проводить время до начала состязаний в заботах о своих лошадях.

Кроме Деметры, никто не приехал встречать состязателей на колеснице. Зато в числе встречающих было немало всадников. Два конных воина стояли у въезда на мост рядом с пешими стражниками. Ещё трое застыли на другой стороне моста. Официальные представители Олимпии, одетые с роскошью, на щедро убранных конях, расположились недалеко от моста спиной к шумной речке Кладей. На той же стороне, левее этой группы, почти напротив квадриги, остановились ещё двое всадников, обращавших на себя внимание толпы. Причин тому было две. Они сидели на красивых конях, песчано-жёлтых, с чёрными гривами и хвостами и такими же чёрными ногами. Необычной была и одежда всадников. Короткие тёмно-серые кафтаны с откидывающимися от локтей рукавами выдавали их чужеземное происхождение. Впрочем, если бы не одежда, они вполне могли бы сойти за византийцев. У обоих были тёмные вьющиеся волосы, ниспадающие на ворот кафтана. И хотя они не были близнецами, всё же с первого взгляда в них можно было безошибочно распознать братьев. Всадники беседовали вполголоса, наклоняясь друг к другу и поглядывая в сторону квадриги Деметры. Стоявшие рядом обратили

внимание на их греческий говор: он был чист и правилен. Но всадники говорили не о Деметре, а о её конях:

— Скажи, ты узнал коней, впряжённых в квадригу этой гордой красавицы?

— Конечно. Это армянские кони арцахской породы. Выносливые и сильные, как и те, что под нами.

— Да, по вряд ли стоило подвергать их выносливость такому испытанию. Эти кони хороши в деле. Держать их запряжёнными недвижно несколько часов кряду — преступление.

— Не волнуйся, Арсен, это не наша с тобой забота.

— Ты прав, брат, но мне всё же жаль коней. Ведь это наши земляки.

При этих словах братья расхохотались. Посмотрев на дорогу, старший из братьев заговорил снова:

— Скорее бы увидеть Вараздата. Я соскучился по нему, как по родному брату.

— Он и мне как брат. Так хочется, чтобы он победил на Играх. Это была бы победа всей нашей страны!

— Кулачный бой — дело серьёзное. Вот если бы на Играх в Олимпии проводились состязания по стрельбе из лука, тогда он наверняка стал бы олимпийщиком.

— Ну, знаешь, Карен, если бы устраивали состязания лучников, то победителем вышел бы я! — И младший из братьев попытался смягчить смехом невольную нескромность.

— Ты и впрямь мог бы победить в этом виде агона, — серьёзно произнёс старший.

Мужественная, полная достоинства осанка чужестранцев выдавала в них воинов, хотя при них не было никакого оружия. Впрочем, среди присутствующих оружие — короткие мечи за поясом — имели лишь стражники, которым было поручено охранять порядок в городе. Таков был строгий закон Олимпии: никто, кроме стражи, не имел права показываться вооружённым в период Игр.

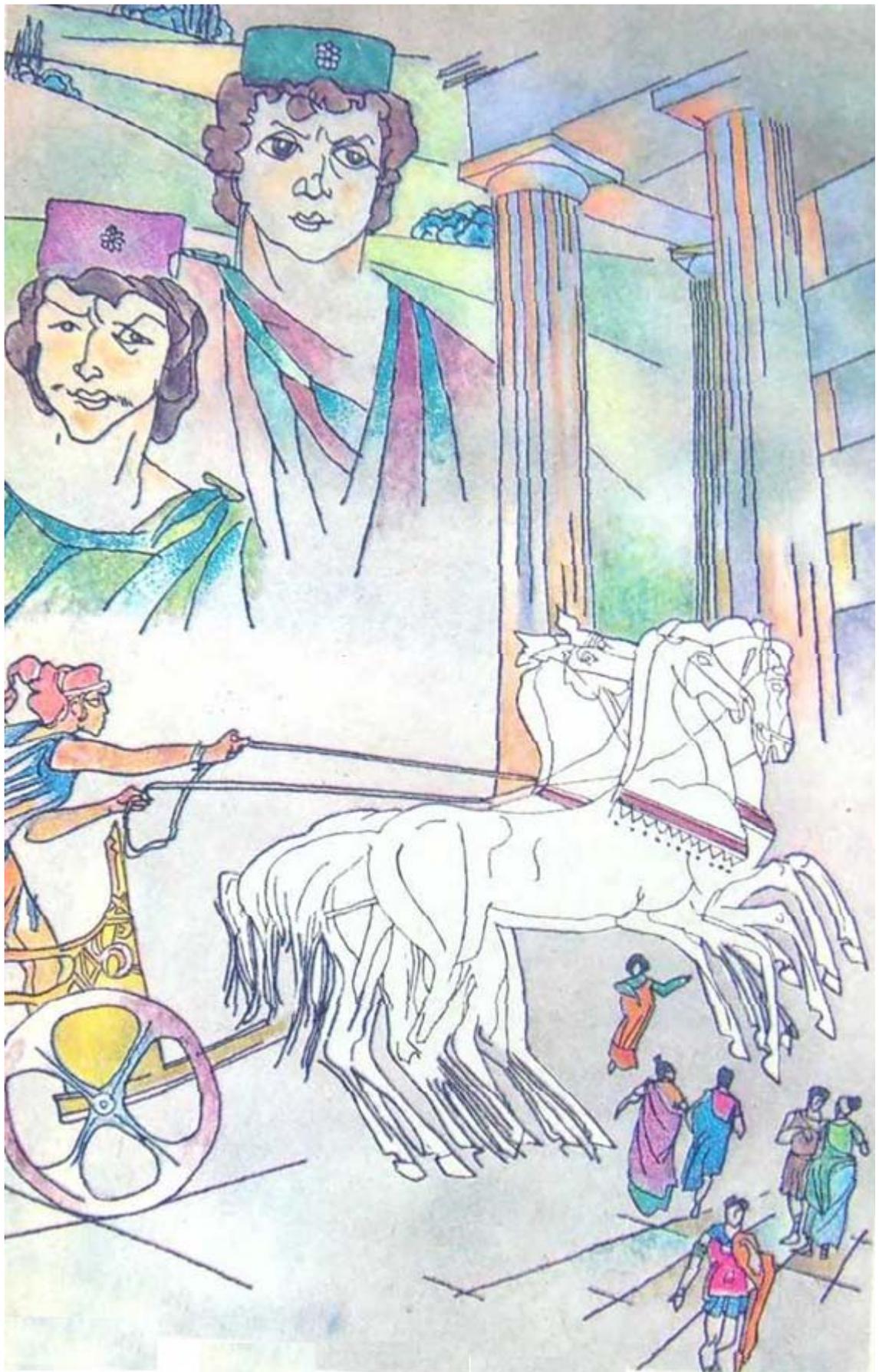
Неожиданно сквозь гомон толпы стал различим конский топот. Шум и разговоры тотчас же стихли. И тогда цокот копыт стал ещё явственнее. Сомнений быть не могло. Это долгожданный гонец, спешащий сообщить о приближении элланодиков и атлетов. Ещё мгновение, и вот уже на Священной дороге, в том месте, где от Алфея она делала крутой поворот и шла вдоль Кладея, показался скачущий во весь опор всадник.

С трудом успокоив разгорячённого коня, седок поднял руку и произнёс лишь одно слово: «Идут!» Радостный шум толпы был ему ответом. В то же мгновение, повинувшись действием всадника, серый в яблоках конь взял с места в карьер и помчался дальше через мост, а затем направо, к расположенному вне Альтиды величественному зданию Леонидайна, чтобы сообщить ту же весть римскому проконсулу¹ и старейшинам.

Но прошло ещё немало времени, прежде чем из-за поворота показался авангард процессии. пышные пурпурные одеяния элланодиков на какое-то время заслонили собой всё шествие. Десять элланодиков шли в один ряд торжественной поступью людей, ощущающих всю важность возложенной на них миссии.

Следом за ними небольшими группами двигались олимпийские состязатели и поединщики. Здесь были все, кроме участников конных состязаний. Атлеты шли в том же порядке, в котором им предстояло выступать на Играх. Сначала бегуны на один стадий — дромос. Это были сильные, крепкие атлеты, одетые в лёгкие одежды и обутые в сандалии, — поистине гармоническое соединение силы и красоты.

¹ Проконсул — высшее должностное лицо в провинциях Римской империи.

За ними следовали бегуны на два стадия — диавлос, тоже мощные, крепкие. Зато бегуны на двадцать четыре стадия — долихос — заметно отличались от атлетов, выступавших на коротких дистанциях. То были сухопарые, худые состязатели, тёмные от загара, с мягкой, тигриной поступью. В них угадывались огромная выносливость и стойкость духа, умение терпеть длительные усилия, которых требовал бег на столь длинное расстояние.

Далее следовали прыгуны и метатели. Затем шли поединщики. Их можно было узнать сразу же по многочисленным повреждениям на лице, мощным мускулистым рукам и сильным ногам. В основном это были люди зрелого возраста, имеющие многолетний опыт выступления в поединках.

Здесь были панкратисты, поединок которых сочетал в себе приёмы борьбы и кулачного боя и оставлял неизгладимые следы: шрамы, ссадины, царапины, синяки на всём теле. Значительно лучше выглядели борцы, но и среди них многие были со сплюснутыми ушами. У большинства же кулачных бойцов вид был прямо-таки устрашающий. Сломанные носы, сплюснутые уши, шрамы и нависшие надбровные дуги придавали их лицам отталкивающее выражение. Лишь трое или четверо молодых бойцов не были так изуродованы. Впрочем, это скорее всего свидетельствовало о том, что их опыт в кулачных поединках был невелик.

Перед ними шла ещё одна группа атлетов — пентатлы. Рослые, с хорошо развитой мускулатурой, они одинаково успешно выступали в соревнованиях по бегу, в прыжках в длину, метаниях диска и копья, а затем, в заключительный день, в решающем поединке по борьбе, который и определял олимпионика в этом увлекательном виде состязаний.

Шествие замыкали жрецы. Это были сухощавые старики в одинаковых длинных белых хитонах, многие — с белоснежными бородами. Они ступали горделиво и величественно, несмотря на длинный путь, который им пришлось проделать от Элиды до Олимпии вместе с молодыми, полными сил атлетами.

Сейчас, когда до Игр оставалась ещё целая декада, все состязатели находились в одинаковом положении — их шансы были равны. Победителем мог стать любой из них, и потому толпа почти с одинаковым радушием встречала каждого участника процессии. Исключение составила лишь первая группа бегунов. Дело в том, что по заведённому исстари обычаю каждые Игры получали своё название по имени одного из олимпиоников — того, кто побеждал в беге на один стадий. Этот неизвестный пока герой шёл сейчас в первой группе состязателей. Сегодня — равный среди равных, а завтра — олимпионик, получеловек-полубог, имя которого будет напоминать людям об Играх. Вот почему встречающие особенно восторженно приветствовали именно первую группу атлетов.

Когда строгие, величественные в своих пурпурных одеяниях элланодики, подняв в знак приветствия левую руку, вошли в широкий живой коридор, образованный встречающими, наступила благоговейная тишина. Она длилась недолго. Уже в следующее мгновение, в тот самый миг, когда бегуны на один дромос тоже подняли левые руки, чтобы поприветствовать жителей Олимпии и гостей, терпеливо дожидавшихся этого момента, толпа возликовала.

Восторженные крики прокатились по Олимпии и достигли самого Леонидайна, послужив знаком к выступлению проконсула и его свиты. Предупреждённые конным гонцом, они уже стояли возле своих коней и ждали этого своеобразного сигнала, чтобы двинуться в путь. В короткий путь, который начинался у резиденции проконсула и заканчивался на правом берегу Кладея, у самого выезда на мост со стороны города.

Неожиданно все звуки перекрылись диким ржанием и воплями. Четвёрка взбешённых коней раз за разом вздымалась на дыбы, приводя в ужас окружающих.

— Горе нам! Зевс разгневался на Олимпию и её Игры!

— При чём тут Олимпия? Громовержец хочет наказать только высокомерную Деметру!

— Явиться на встречу атлетов на квадриге!.. С такими конями не всякий олимпиец может совладать!

— Спасайся кто может!

— Куда спасаться? Людская стена крепче стен Альтиды!

— Зевсу не угодны нынешние Игры! Он решил наказать нас! А виной всему Деметра и её кони!

— При чём тут Деметра? Да и её ли это кони?

Кони, конечно, не принадлежали Деметре. Это были гнедые её отца, богатея Никоса, запряжённые в её квадригу. Застоявшиеся в долгом ожидании, успевшие сначала продрогнуть на утреннем холоде, а затем испытать дремотное воздействие жаркого летнего солнца, разбуженные неожиданным рёвом толпы, они словно очнулись от глубокого сна и теперь, дрожа от охватившего их страха и возбуждения, попытались унести прочь.

Им ничего не стоило пересечь в несколько скачков Священную дорогу, снести живую изгородь людей на противоположной стороне, раздавить её и, увлекая за собой искалеченных, раненых и убитых, сорваться с высокого берега вниз, к водам Кладея.

И если этого пока не случилось, то лишь потому, что Деметра не потеряла присутствия духа. Натянув что есть силы вожжи, она искусно перебирала их, пытаясь удержать испуганных коней. Удержать, потому что успокоить их не было уже никакой возможности. Люди, стоявшие вокруг квадриги, шарахнулись в сторону. Были слышны стоны и крики раненых.

— Держи их, Деметра! Не дай нам умереть, не увидев Игр! — с мольбой заклинали гереонику люди, которым некуда было деваться из-за напиравшей сзади толпы.

Невероятным усилием Деметра заставляла себя передёргивать вожжи поочерёдно то правой, то левой рукой. И в такт им дёргались железные удила. Они оставляли кровавые следы на губах коней, которые с храпом вскидывали головы. Гладкие коричневые крупы гнедых потемнели от пота, и красивые ещё недавно конские морды, сейчас оскаленные, покрытые пеной, казалось, принадлежали какому-то четырёхглавому чудовищу.

Ужас сковал присутствующих. От неожиданности опешили даже многоопытные и немало повидавшие на своём веку элланодики. Правда, к чести большинства из них, они не потеряли олимпийского спокойствия и остались стоять на своих местах в десятке шагов от юной гречанки, которая пыталась сладить с четырьмя лошадьми.

— Берегись, Деметра! Прыгай с квадриги! Ещё не поздно! — Это кричал Ликас, которого больше беспокоила судьба красавицы, чем людей, могущих погибнуть под копытами. Двое или трое элланодиков скрестили руки на груди, собираясь достойно встретить смерть под копытами взбешённых коней. Ещё четверо застыли в разных позах, готовые разделить участь своих товарищей. Остальные закрыли лица руками или отвернулись, покрыв головы пурпуром плащей.

Кровь сочилась по рукам Деметры, изрезанным узкими вожжами, силы покидали её. Хотя прошло ничтожно мало времени, было ясно, что развязка, ужасная, кровавая развязка, близка — слишком уж неравными были противоборствующие силы! Вдруг среди атлетов произошло какое-то движение. Один из них пролетел сквозь всю процессию, пересёк багрово-красный барьер элланодиков и, сделав ещё пять-шесть стремительных шагов, прыгнул. Это был восхитительный прыжок. Атлет ловко рассчитал момент. Он прыгнул, когда лошади опустили на мгновение передние ноги, чтобы, оттолкнувшись от земли, вновь вздыбиться. Благодаря храбрости, необыкновенной

ловкости и мощности прыжка атлет вознёсся над первым конём, опёрся руками о круп второго и опустился на четвёртого.

В затихшей на мгновение толпе, поражённой отважным поступком неизвестного, который рисковал быть сброшенным и растоптанным под копытами, отчётливо раздались какие-то гортанные выкрики на незнакомом языке. «А-а-а...» — пронеслось над толпой. Те, кто находился в первых рядах и сохранял ещё способность воспринимать происходящее, увидели, как рядом с квадригой очутились два золотистых коня, как сидевшие на них всадники вскочили ногами на сёдла, оттолкнулись от них и опустились почти одновременно на крупы двух лошадей в колеснице. Кони ещё пытались бороться с невесть откуда свалившимися на них всадниками, но их уже держали под уздцы набежавшие люди, уже снимали бережно с колесницы Деметру и, освободив её руки из окровавленных ремней, осторожно несли прочь.

Подхватив своих лошадей, двое всадников направились к атлету, находчивость которого позволила усмирить коней Деметры, Подойдя, они поочерёдно приветствовали его, положив левую руку на его правое плечо. Слов, которыми они обменялись при этом, никто в толпе не разобрал — это был чужой язык.

Те, кто стоял поблизости, старались разглядеть смельчака. Это был молодой человек довольно высокого роста, крепкого телосложения. Бритое, безусое лицо с правильными чертами обрамлено густыми курчавыми волосами, спускавшимися от висков почти до подбородка. Взгляд — мужественный и открытый. Его красивые, цвета меди, волосы горели огнём в лучах солнца, а светлые голубые глаза казались бездонными. Отвечая тем же жестом на приветствия, он улыбался. Затем он обвёл взглядом окружающих, круто повернулся и быстро зашагал сквозь строй элланодиков и состязателей к концу колонны, туда, где белели хитоны жрецов. И все почтительно расступались, уступая ему дорогу.

Звук трубы, резко прозвучавший в наступившей тишине, вернул всех к действительности. Переговариваясь между собой, обсуждая происшедшее, люди подравнивали живой коридор, пропуская шествие в сторону моста, где его по традиции должен был встретить римский проконсул.

Элланодики двинулись торжественным шагом вперёд. За ними последовали состязатели. Вскоре ничто уже не напоминало о драме, которая разыгралась здесь и легко могла бы превратиться в трагедию, если бы не смелость и отвага трёх чужестранцев.

Процессия приближалась к мосту. Тут уже стояло несколько всадников. Впереди проконсул Элиды, гордо восседавший на белоснежном скакуне, сзади — его свита и телохранители. Люди радостно приветствовали атлетов, проходивших мимо с поднятой вверх левой рукой. Прошли бегуны, панкратисты, борцы. Наконец показали кулачные бойцы, и среди них тот, кого зрители искали глазами.

Он шёл среди поединщиков. Шёл с достоинством, но легко, непринуждённо, поднимая, как и все, левую руку в знак приветствия. Красивое лицо поединщика было уже совершенно спокойным. У всех, кто мог хорошо разглядеть незнакомца, возникал один и тот же недоуменный вопрос: неужели этот молодой человек занимается кулачным боем? Разумеется, раз элланодики допустили его к Играм, он умеет драться. Но почему же у него не сплющены уши, не сломан нос? Почему не видно шрамов над бровями? Очевидно, по молодости лет он не имеет большого опыта в поединках. Но тогда горе его красоте! На Олимпийских играх нет поединщиков с лёгкими кулаками. Удары лучших из кулачных бойцов способны сбить с ног буйвола.

Снова прозвучала труба. Шествие остановилось. Над толпой ещё витал гомон, когда проконсул, важный и напыщенный, начал свою речь. Он заговорил, уверенный, что при первых звуках его голоса установится полная тишина:

— Именем божественного цезаря, императора Феодосия Великого, самодержца Восточной Римской империи, я приглашаю вас в священный город Олимпию, где по заведённому многовековому обычаю атлеты покажут своё мастерство, свою силу, ловкость, отвагу и выносливость на Играх, родившихся в честь бесподобного Зевса.

Толпа жадно ловила слова проконсула. И хотя каждую олимпиаду они повторялись почти без изменений, слушали его так внимательно, как если бы это происходило впервые. Проконсул приветствовал элланодиков, жрецов и атлетов, он желал им всяческих успехов на Играх в Олимпии — столице мира, молодости, бодрости тела и духа. Затем под восторженные крики толпы он повернул коней, проехал со своей свитой мост и остановился у въезда в город на левом берегу Кладея.

Первыми на мост вступили элланодики, за ними — атлеты и жрецы. Проконсул вновь приветствовал их, на сей раз молча, подняв левую руку. Участники процессии отвечали ему мимолётным взмахом руки и шли вперёд, мимо находившихся неподалёку терм. Термы появились в Олимпии много веков назад. Позже, в римские времена, они были значительно расширены и благоустроены. Здесь находились сами бани, а также купальные сооружения, главной частью которых были бассейны для состязаний в плавании.

Обогнув термы, шествие направилось к Феоколеону. Одно из новейших зданий Олимпии, оно поражало своим смелым архитектурным решением. Удобные помещения, большой внутренний двор предназначались для проживания олимпийских жрецов. Подойдя к Феоколеону, процессия остановилась и по знаку элланодиков разделилась надвое. Часть атлетов отошла влево, другая — вправо. Образовался коридор, в который вступили жрецы, находившиеся до того времени в конце процессии.

Жрецы двигались вперёд в полном молчании, невозмутимые, закутанные в свои просторные белоснежные хитоны, и казалось, будто они не шли, а плыли в тишине, словно облака по небу. Поединщики и состязатели, мимо которых проходили жрецы, поднимали в приветственном жесте руку и держали её так, пока последний из жрецов не скрылся за массивными, окованными железом дубовыми воротами Феоколеона. Вход сюда непосвящённым запрещался под страхом смерти. Это было справедливо, ибо боги общались со жрецами именно в этом храме, и негоже, чтобы люди, не посвящённые в таинство жертвоприношений, нарушали беседы жрецов со всемогущими.

Элланодики снова сомкнули свой ряд и, пройдя в обратном направлении от ворот Феоколеона к баням, повели за собой атлетов. Последние перестраивались на ходу так, чтобы восстановить прежний порядок шествия.

Теперь путь их лежал к палестре и гимнасию, где во время Игр размещались обычно атлеты и проводили в тренировках последние дни, оставшиеся до олимпийских состязаний.

Процессия направилась в узкий проход между термами и Герооном — небольшим храмом, построенным специально для чествования героев Олимпии. Затем все двинулись вдоль Кладея, не различимого, впрочем, за спинами множества людей, собравшихся на его берегу, чтобы посмотреть на атлетов.

Слева находилось квадратное здание палестры. Сейчас же за нею виднелись ворота гимнасия. Эти ворота были встроены в юго-западный угол здания между Южным портиком, примыкающим вплотную к палестре, и Западным портиком, тянущимся вдоль левого берега Кладея.

Подойдя ко входу в палестру, процессия остановилась. От неё отделились пятеро элланодиков, а также борцы, панкратисты и кулачные бойцы. Они вошли в здание, которое должно было стать им на время Игр домом и местом подготовки к состязаниям. Здесь было всё необходимое для агонов по борьбе, кулачному бою и прыжкам:

просторные спальни, классные комнаты, помещения для переодевания, бани, места для тренировок. Главной достопримечательностью палестры являлся её открытый внутренний двор, окружённый колоннадой. В самом центре двора располагалась арена, предназначенная для поединков. Она была покрыта мелким морским песком, слегка желтевшим под лунным светом или ярко сверкавшим на солнце, словно дорогой ковёр, вытканый из белой шерсти тонкорунных овец Колхиды.

Между тем другая часть элланодиков и остальные атлеты — состязатели и пентатлы — пошли дальше, до ворот гимнасия. Здесь также имелось всё необходимое для размещения атлетов. Но самой полезной частью гимнасия был портик, протянувшийся с юга на север на длину целого стадиона и имевший в ширину около пятнадцати шагов. Таким образом, длина портика включала в себя расстояние, равное дромосу. Благодаря портику эта часть гимнасия находилась под крышей и давала атлетам возможность упражняться в беге при любой погоде.

Последний из состязателей скрылся в воротах гимнасия, и лишь по два вооружённых воина в коротких туниках и боевых шлемах, с предохранительными кожаными наколенниками и короткими мечами в ножнах за поясом остались стоять недвижимо у входа в палестру и гимнасий. Ничто не должно было нарушать покой тех, кому предстояло вскоре оспаривать титул олимпионика в упорной борьбе на олимпийском стадионе в честь верховного, наиболее почитаемого из эллинских богов — олимпийского Зевса.

Его называли олимпийским, потому что считалось, что он обитает на Олимпе. Древние эллины нарекли его «громовержцем» и «собирателем туч», потому что его оружием, по преданию, была молния. Он был самым любимым из греческих небожителей, потому что воплощал в себе исключительно важные качества: слыл блюстителем справедливости, гостеприимства и клятв.

Именно перед его статуей приносили клятву судьи, состязатели и поединщики. Перед его храмом победители получали высшую награду Игр — оливковый венок.

И в этот жаркий летний вечер к нему обращали свои молитвы атлеты и элланодики, готовясь ко сну после утомительного пешего перехода по Священной дороге и волнений, пережитых при встрече процессии у въезда в Олимпию.

Глава II

Праздник в Олимпии

Олимпия ещё спала, хотя на восточной её окраине, там, где кончалась ипподромная дорожка, уже пробивался рассвет. В этот утренний час лёгкая дымка смягчала строгие линии величественных храмов и придавала им нереальные, расплывчатые очертания.

Но с первыми лучами солнца контуры храмов, жертвенных алтарей и скульптур стали вырисовываться яснее. Олимпия словно сбрасывала с себя покров таинственности, обретая реальные очертания и покоря красотой и великолепием, воспетыми в поэмах лучших стихотворцев Эллады.

Впрочем, во время Игр Олимпия надолго меняла своё привычное обличье. Сюда, на Игры, группами и в одиночку, пешком и на повозках, запряжённых лошадьми и волами, верхом на конях и мулах приезжали тысячи любителей состязаний. Многие добирались водным путём на судах, часто издалека — с побережья Понтийского моря или из Малой Азии, с островов Эгейского моря или берегов Африки. Жители Галлии и западной части империи пересекали Ионическое море, бросали якорь в самом устье Алфея и продолжали оставшуюся часть пути до Олимпии сушей.

Для размещения прибывших Олимпийский совет выделил специальные участки по соседству со священной рощей Альтис, возвёл целый палаточный городок. Как правило, земляки стремились поселиться вместе.

Рядом с палатками иноземцев вырос торговый городок из лёгких, временных строений, обтянутых цветной тканью. Здесь можно было утолить голод и жажду.

- Кому рыбу? Сладкую рыбу из Эгейского моря?
- Купите мясо, пищу борцов, пентатлов и кулачных поединщиков!
- Продаю самый свежий хлеб в Олимпии! Вкусно, недорого!
- Яблоки, груши! Яблоки, груши!
- Орехи, финики! Орехи, финики!
- Кто хочет чистой ключевой воды? Подходите! Подходите!

Над некоторыми строениями курился дым. В них на жаровнях готовили разнообразную пищу и тут же предлагали её покупателям.

Лавочники готовились к Играм в Олимпии с не меньшим рвением, чем атлеты. Они загодя запаслись товарами. И теперь на прилавках красовались искусно сделанные глиняные горшки, бронзовая и деревянная утварь, одежда, пёстрые ткани и знаменитое льняное полотно — предмет особой гордости Элиды. Это полотно выделялось из тонкого льна, который рос только здесь и нигде больше, и не уступало по своему качеству египетскому, хотя и не было так золотисто.

За покупки платили самыми разнообразными монетами. Менялы оценивали достоинство монет и производили обмен. Толпа обступила одного из менял, который попутно приторговывал старинными монетами с вычеканенными изображениями богов и животных и, что особенно ценилось, с игровыми сюжетами: моментами борьбы, кулачного боя, бега или прыжков. Многие покупали эти монеты, хотя почти не сомневались, что приобретают подделки: запасы этих якобы древних монет нисколько не убавлялись, да и стоили они не очень дорого.

Празднй люд толпился на опушке Священной роши, где раскинулись великолепные палатки богачей и стояли причудливые повозки, на которых их владельцы совершили путь до Олимпии. Однако наиболее знатные и богатые гости города расположились не здесь, а в Леонидайоне. В его просторных и удобных помещениях можно было встретить представителей самых разных стран и городов.

Для богатых путешественников и купцов Игры представляли счастливую возможность совершить выгодные торговые сделки, купить редкие товары, а то и просто завести знакомства, которые могли пригодиться в будущем. Время от времени раздавались громкие выкрики глашатаев, сообщавших народу важные известия: от объявлений о подписании государственных договоров до сведений о прибытии заморских купцов или местонахождении лавок, выделенных им для продажи товаров.

Много зрителей собралось у лагеря, где жили участники состязаний квадриг. Здесь с утра до вечера шла деятельная подготовка к Играм. Часть колесниц была укрыта в небольших палатках, другие оставались под открытым небом. Мастерские подновляли их, красили, ремонтировали. Колесницы всех цветов — строгого чёрного, травянисто-зелёного, ярко-жёлтого, тёмно-вишнёвого — ждали своего часа. Иногда к ним подводили четвёрки коней, как правило одной масти, и запрягали. Затем квадриги уводили за лагерь, к месту тренировок.

У ипподрома и стадиона также было многолюдно. Но только снаружи. Никому из участников, а тем более зрителям не дозволялось ступить ногой туда, где вскоре должны были состояться схватки и поединки. Лишь несколько городских рабов подметали мраморные трибуны стадиона, посыпали золотым морским песком арену, отведённую для борьбы и кулачного боя. Ворота стадиона должны были открыться не раньше полуночи.

За каменной оградой Альтиды — священной территории города — над многочисленными жертвенниками и алтарями курился дымок. Там сжигали животных, принесённых в жертву богам. Над городом кружили хищные птицы, надеявшиеся поживиться куском мяса. Однако это было бы плохим предзнаменованием для тех, кто приносил жертву, так как означало бы, что боги отвергают подношение. Правда, птицам, парившим в небе, редко удавалось выхватить добычу — их отпугивало скопление людей. К тому же они могли без всяких помех полакомиться внутренностями, выброшенными тут же в воды Алфея.

В эти дни в Альтиде было особенно многолюдно. Приезжие рассматривали скульптуры, установленные вокруг храма Зевса, восхищались мастерством их создателей. Из-за толпившейся публики не так-то легко было попасть внутрь храма, где находилась огромная скульптура бога богов, громовержца Зевса.

Выйдя из Альтиды, люди разбрелись по окрестностям Олимпии, по торговым рядам, собирались у площадок для увеселений, где наиболее смелые соревновались в силе и меткости, поднимая тяжёлые камни и метая в цель небольшое копьё.

Мимо одной из таких площадок прогуливались, о чём-то беседуя, двое чужестранцев — те самые, что помогли укротить коней Деметры. Вдруг старший из братьев, Карен, остановился как вкопанный, резко преградил левой рукой дорогу младшему, а правой

схватил на лету пролетавшее рядом копье, которое незадачливый метатель пустил мимо цели. Подойдя к барьеру, Карен поднял руку и, почти не целясь, гневно метнул копье в деревянный щит, укрепленный на бревне. Острие вонзилось в центр круга. Служитель с трудом вынул копье и молча подал его чужестранцу. Новый бросок, ещё сильнее прежнего, — и копье со свистом воткнулось в прежнее место.

— Клянусь Зевсом, этот варвар вполне мог бы стать участником Игр, — с удивлением сказал один из зевак своему приятелю, широколицему простолюдину.

— Разве только через четыре года, — отвечал тот. — Ведь желающим следует записываться за двенадцать месяцев до Игр.

Между тем братья продолжили свой путь, который привёл их к воротам палестры. Двое вооружённых стражников охраняли вход в здание.

— Мир и успех благородным деяниям славной Олимпии, — произнёс старший. — Мы с братом — земляки поединщика Вараздата и хотели бы повидаться с ним.

— Боги Эллады хранят Олимпию! — ответил один из воинов, подняв глаза к небу. — Время агонев священно. Никто не может прерывать их, даже друзья и близкие поединщиков. Но ты не беспокойся, чужестранец. Я узнал тебя и выполню твою просьбу. Подожди до полудня. В это время атлеты делают перерыв в упражнениях. Я предупрежу твоего друга, и он выйдет к тебе.

Сказав так, воин выпрямился и прижал на мгновение правый кулак к груди, давая понять, что разговор окончен и что он и так недозволенно долго говорил на посту.

Карен молча кивнул ему и вернулся к брату:

— Мы скоро увидим Вараздата. В полдень он выйдет к нам.

Разговор братьев был прерван появлением небольшой колесницы, которой правил черноволосый юноша. Рядом с ним сидела девушка. Богатая одежда, великолепное убранство двух игренивых коней, изысканные жесты, манера держаться подчёркивали их знатное происхождение. Оставив коней на попечение мальчишек, надеявшихся на вознаграждение за свой труд, они легко соскочили с колесницы.

Подойдя к братьям, Деметра — а это была она — без всякого предисловия сказала:

— Я была уверена, что увижу вас здесь. А это мой брат Никандр.

— Почёт и уважение доблестным гостям Олимпии, — приветливо произнёс юноша. И тут же добавил, не дожидаясь ответа на приветствие: — Деметра и я пришли, чтобы выразить свою благодарность вам и поединщику, который спас мою сестру от гибели, а всю Олимпию — от несчастья и позора. Видели ли вы его сегодня? Нам сказали, что он в палестре.

Деметра перебила брата:

— Все говорят о его смелом и благородном поступке. То, что могло стать плохим предзнаменованием, расценивается теперь всеми как хороший признак, как добрый жест богов. Но кто этот храбрец? Не могли бы вы сказать о нём что-нибудь?

— Тот, кем восхищается Олимпия, наш соотечественник, выходец из горной страны Армении. Имя его Вараздат. Вараздат из Артаксаты, древней столицы нашего государства. Он храбрый воин и известный атлет, — сообщил старший из братьев, Карен.

— Чем же прославился Вараздат как атлет? — спросила Деметра. — Если он действительно поединщик, то, видимо, новичок в этом виде агона. Ведь его мужественное лицо не носит на себе никаких следов кулачного боя!..

В голосе Деметры звучали нотки недоверия.

— Вараздат не новичок в кулачных боях. Ведь к Играм в Олимпии допускают лишь наиболее достойных — тех, кто подтвердил это право в других состязаниях с сильными противниками. Ты, наверное, слышала о варваре — так ведь называют у вас чужеземцев? — который побил в прошлом году всех поединщиков на состязаниях в

Дельфах. Так вот, это был Вараздат! — отвечал несколько запальчиво младший, Арсен, хранивший до того молчание. — Но и это не всё. К кулачным состязаниям в Дельфах он был допущен потому, что отличился до этого в Гелиополе, где на арене городского цирка сражался с двумя голодными и свирепыми львами. Это были сильные животные. Но Вараздат одолел их. Правда, в схватке со львами он получил глубокую рану — о ней и сегодня напоминает шрам на его спине.

— Да он настоящий герой! — примирительно произнесла Деметра. — Впрочем, достаточно вчерашнего, чтобы понять — ваш друг действительно человек исключительной находчивости и решительности.

— А вот и он! — воскликнул Карен.

Увлечённые беседой, они не сразу заметили Вараздата. Он остановился рядом с Деметрой. Возле такого богатыря девушка казалась особенно хрупкой. Вараздат слышал, очевидно, последние слова Деметры, потому что сказал, обращаясь к ней:

— Стоит ли преувеличивать? Если ты имеешь в виду вчерашнее, то я сделал то же, что через мгновение бросились делать многие другие. И вообще, героев рождает случай. «Правда, к нему надо быть готовым в любой момент. Но это вовсе не означает, что такой случай обязательно представится», — договорил он про себя.

Наконец Вараздат мог разглядеть Деметру. Вчера он видел её мельком, успел лишь отметить, что она хороша собой. Деметра без смущения встретила его взгляд и сказала коротко, но весомо:

— Благодарю тебя, чужестранец!

Она готовила для благодарности целую тираду. Но что-то в облике Вараздата заставило её ограничиться этой лаконичной фразой.

— Деметра тоже атлетка, — вступил в разговор Никандр. — На прошлых Герейских играх она победила в беге на один стадий.

Вараздат быстро оглядел стройную фигуру элинки, её сильные, красивые ноги, обвитые тесёмками крест-накрест почти до самых колен.

— Никандр, мой брат, — сказала, в свою очередь, Деметра. — Олимпийский состязатель. Наследник Никоса, знатного гражданина Пизы, владельца множества табунов прекрасных лошадей.

— Четырёх из них мы оценили вчера по достоинству, — серьёзно вставил Вараздат. Братья согласно кивнули.

— Перед прошлыми Играми отец подарил Никандру четвёрку очень резвых коней, на которых он выступил в гонках квадриг. Но богам было неуютно, чтобы они пришли тогда к финишу. При столкновении колесниц два коня оборвали себе сухожилия, а третий сломал ногу, — объяснила Деметра. При этом она умолчала о том, что и Никандр сломал обе ноги. Возможно, Деметра считала потерю коней большей бедой. А может, и действительно не стоило вспоминать о ранах, которые получил её брат, если теперь он совершенно здоров и готов снова выступать в гонках квадриг.

— Отец подарил мне четвёрку белых коней, на которых я ещё раз собираюсь попытать счастье, — объявил Никандр.

— Отец считает несправедливым оставлять без награды возничего, приехавшего первым в трудных гонках. Ведь оливковый венок победителя вручается только владельцу коней, а возничий получает лишь ленту и пальмовую ветвь, — пояснила Деметра. — Гонка квадриг — опасное состязание, но очень увлекательное. Я обязательно пойду на ристалище и буду перебивать за Никандра.

— Мы тоже будем на трибунах ипподрома в этот день, — сказал Вараздат.

— И надеемся стать очевидцами того, как хозяин четвёрки белых коней будет увенчан оливковым венком, — добавил старший из братьев.

Деметра поспешила перевести разговор на другую тему. В Олимпии было не принято заранее предсказывать победу. Её можно было пожелать или испросить у богов, склоняя их на свою сторону богатым жертвоприношением. Но приняли ли боги эту жертву, становилось известно лишь после состязаний. Жертву приносили все состязатели, все участники Игр. Но избранниками богов признавались лишь победители. Все остальные — заняли они второе место или последнее — были обречены на забвение. Всё или ничего — таков был закон Игр.

— Я никогда не видела, как готовятся к кулачным боям поединщики. Нельзя ли взглянуть? — Деметра прекрасно знала, что нельзя: вход в палестру закрыт для посторонних. Но этот чужестранец заинтересовал её, и ей хотелось немедленно убедиться, так ли уж он силен в бою. А свои желания Деметра привыкла исполнять.

Вараздат был озадачен. Но после небольшого раздумья нашёл выход:

— Завтра, часа через два после трапезы, когда солнце покинет зенит, будь возле ворот палестры. Я попрошу стражника, чтобы он оставил их приоткрытыми.

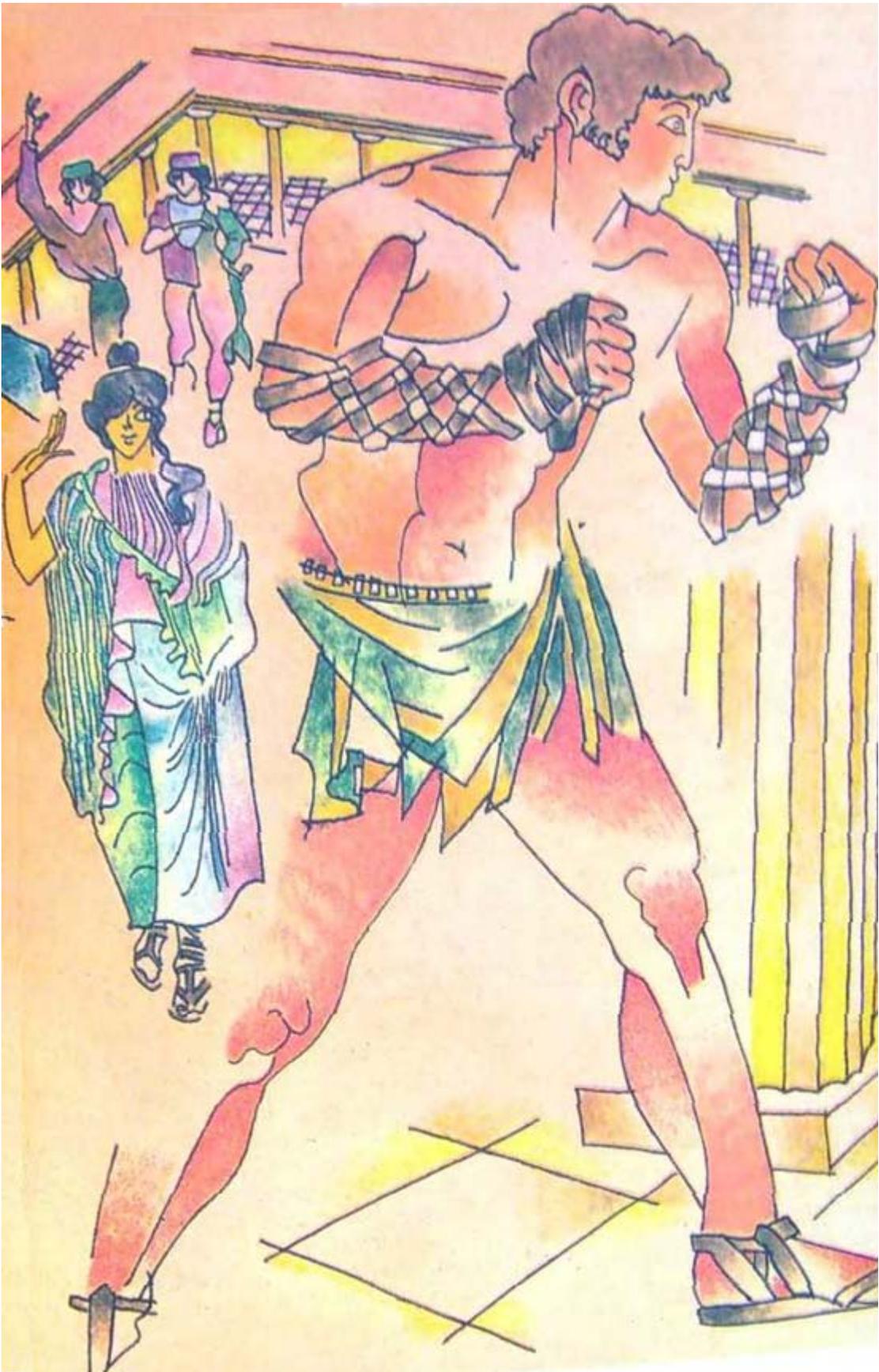
Деметра не раз присутствовала на кулачных поединках. Несмотря на молодость, она была свидетельницей трёх Олимпийских игр. Опыт позволял ей довольно точно определить возможности бойцов, и сейчас ей не терпелось увидеть Вараздата в деле.

В этом чужестранце было много такого, что соответствовало идеальному образу, существовавшему в её воображении. Но, как истинная представительница своего народа, Деметра умела обуздать чувства разумом и прежде всего разобраться, насколько юноша достоин её внимания. Что ждёт Вараздата на предстоящих Играх? Деметра желала ему успеха и готова была сама принести жертву, чтобы испросить у богов победу, но она понимала, что такая жертва может помочь лишь тому, кто сам себе в состоянии помочь.

Через приоткрытые ворота Деметра разглядывала двор палестры. Она бывала в ней раньше, но лишь теперь её заинтересовала площадка для поединщиков — кулачных бойцов, борцов и пентатлов. Прямо под портиками висели большие мешки из свиной кожи. Деметра знала, что они были набиты фиговыми косточками, мукой или песком. У одного из мешков уже упражнялся поединщик с мощной шеей, длинными руками, массивным торсом. Удары, которые он наносил правой рукой, рождали такой звук, как будто мешок стонал от боли. Ко второму мешку подошёл ещё один поединщик. На левой лопатке его обнажённой загорелой спины резко выделялся большой розовый рубец. Но и без этого рубца Деметра узнала Вараздата. Руки его были в сфайрах, сплетённых из грубых кожаных ремней, которые скреплялись сверху кожаными же кольцами. Деметра не раз видела такие ремни на руках кулачных бойцов и знала, какие следы они оставляют на коже атлетов.

Глядя на красивое лицо Вараздата, Деметра не могла понять, как мог он стать победителем кулачных состязаний в Дельфах. Ведь там мерились силами лучшие из лучших. В течение многих веков Дельфы тщетно оспаривали у Олимпии честь проведения всеэллинских состязаний. И сейчас Дельфы всё ещё оставались местом наиболее представительных кулачных поединков. Именно в Дельфах проводились самые популярные после олимпийских состязания. Победа в Дельфах была весьма почётной и служила пропуском для участия в Олимпийских играх.

Между тем тяжёлый мешок раскачивался под резкими, быстрыми ударами Вараздата. Он останавливал качающийся снаряд едва уловимым прикосновением плеча и тут же наносил быстрый, как молния, новый удар. При этом он часто передвигался вокруг воображаемого соперника, менял направление ударов, их темп.

Другие поединщики оставили свои мешки и наблюдали за Вараздатом. Насмешливые улыбки появились на их лицах. Не только Деметра, но и другие с трудом пытались представить себе, как мог победить Вараздат в кулачных состязаниях при такой архаической манере ведения боя. Да, именно архаической. Насколько можно судить по описаниям и рассказам, передаваемым из уст в уста, так дрались в давние времена. Ныне стиль кулачного боя стал значительно проще и в то же время эффективнее. Конечно, и теперь высоко ценились изворотливость, умение ловко избегать ударов соперника. Но победу давал прежде всего удар. А он прямо зависел от веса бойца. Поединщики уже давно старались есть побольше мяса, чтобы увеличить мощь и вес своего тела. Овсяная каша, козий сыр, фиги и другая пища, составлявшие основу питания кулачных бойцов древности, теперь стали лишь ничтожным дополнением в их рационе. Знаменитый эллинский трагик Еврипид сказал как-то, что «поединщики стали рабами своего рта и своего желудка».

Увеличивая вес своего тела, атлет становился менее подвижным. Но ведь именно вес давал силу ударам! И именно удары приносили победу! Лево́й рукой поединщик держал соперника на дистанции, не давая ему подойти, а правой бил в челюсть и в висок — в самые уязвимые места.

Эта общепринятая манера боя неизменно приносила победу тем, кто успешнее других овладевал ею.

Лишь один из поединщиков следил за действиями чужестранца серьёзно, даже с восхищением. Смуглая кожа и иссиня-чёрные волосы выдавали в нём южанина. Это был Иккос, потомок тех эллинов, что расселились с незапамятных времён по всему миру в городах-полисах, созданных Грецией. Он приехал с побережья Африки, точнее, из небольшой деревушки Карфаген, расположенной по соседству с процветающим городом Тунисом. Гордясь легендарным городом-государством своих предков Карфагеном, разрушенным до основания римлянами почти пять веков назад, Иккос, как и другие жители этой деревушки и даже многие выходцы из возникшего позднее Туниса, продолжал гордо именовать себя карфагенянином.

Южанин видел своими глазами поединки Вараздата на состязаниях в Дельфах и по достоинству оценил его мастерство. Сам Иккос выступил там неудачно, проиграв в первом же бою. Причиной тому был шторм, разыгравшийся в море, из-за которого он прибыл в Дельфы лишь в день состязаний и не успел отдохнуть. Иккос был молодым, но уже известным поединщиком. Силу его кулаков испытали многие атлеты. Его мастерство было известно элладикам: он был победителем крупного состязания. Поэтому, несмотря на неудачу в Дельфах, его включили в число участников тридцатидневной тренировки в Элиде. Там Иккос сдружился с Вараздатом. Его притягивал этот чужестранец, хорошо знавший историю и оказавшийся прекрасным рассказчиком. Когда же выяснилось, что родной город Вараздата — Артаксата, которую в прежние времена называли армянским Карфагеном, друзья стали называть друг друга не иначе как земляками. Впрочем, это была, конечно, шутка.

Деметра любовалась Вараздатом, его мощным торсом, сильными руками. Но она считала, что против грузных и тяжёлых соперников, к тому же легко переносящих удары, его шансы ничтожны. А потому заранее жалела его. Даже успех в сражении, где Вараздат одолел двух львов, не мог поколебать её мнение. Вараздату с его реакцией, резкостью и силой было легче справиться с царями зверей, чем с закалёнными в кулачных боях поединщиками. И победа в Дельфах могла быть просто случайной. Собственно, успех варвара на этих состязаниях так и был расценён большинством зрителей. И хотя чужестранец не раз вызывал симпатии толпы благодаря одержанным победам, всё же

его непривычная манера боя была малопонятной большинству зрителей, а потому и победы его считались неубедительными.

Между тем стражник закрыл ворота палестры.

И только тут Деметра заметила друзей Вараздата — Карена и Арсена. Они стояли чуть поодаль, стараясь не мешать ей. Братья были в своих неизменных кафтанах. Однако на этот раз кафтаны были подпоясаны тяжёлыми кожаными поясами, украшенными множеством серебряных монет с изображениями царственной особы в тиаре. Деметра, смеясь, показала на висевший у неё на шее серебряный медальон в виде монеты. Собственно, это и была монета. Армянская, почти такая же, как те, что были вделаны в пояса.

— Наши монеты отчеканены около четырёх веков назад, — сказал Арсен. — На них изображён царь Тигран. А на оборотной стороне — богиня плодородия Анаит. Твой медальон тоже сделан из армянской монеты, но отчеканенной чуть позже. Видишь, это профиль армянского царя Артавазда, сына Тиграна Великого. Артавазд прославился тем, что при нём расцвели культура и искусство Армении. По примеру эллинов он ставил у себя во дворце спектакли греческих авторов. Да он и сам сочинял драмы.

— А теперь взгляни, — продолжал Арсен, — на оборотную сторону твоего медальона. Ты видишь квадригу с четвёркой коней и возничего. И надпись: «Царь царей». Этот титул Артавазд унаследовал от своего отца, победившего царя Парфии. В жизни Тиграна был эпизод, объясняющий, почему Артавазд велел отчеканить на монетах колесницу с конями вместо изображения богини Анаит.

— Видимо, потому, что квадрига имеет отношение к культу солнца, — живо перебила его Деметра.

— Не только, — ответил Арсен, — хотя армяне в ту пору были действительно язычниками. Главным же было то, что Артавазд хотел увековечить участие своего отца в Олимпийских играх. В гонке квадриг Тигран оказался вторым. И вот тебе доказательство моего утверждения. Смотри! На правой руке возничего изображена богиня победы — крылатая Ника. Это эллинская богиня. Среди языческих богинь Армении не было подобной ей. Артавазд сменил изображение на оборотной стороне монеты, чтобы воздать должное отцу, первому армянскому царю, объединившему всю страну от Понтийского до Внутреннего моря, и выразить своё восхищение его атлетическим подвигом в Олимпии, где он первым из чужестранцев был столь близок к победе.

— История знает об успехах на Играх в Олимпии и другого самодержца, императора Нерона, — вставила Деметра.

— Ну нет! — запротестовал Арсен. — Успех, которого добился на Олимпийских играх Тигран, нельзя сравнивать с победами, которые были присуждены в Олимпии Нерону. Тщеславный Нерон мнил себя не только великим актёром, но и атлетом. Домогаясь оливкового венка, он пошёл на неслыханное преступление: велел отложить на два года очередные Игры, чтобы подготовиться к ним. Зная мстительный нрав императора, никто не решился оспаривать у него титул олимпийщика. Это было на Играх 211-й Олимпиады. На состязаниях Нерона ожидала аконити-победа, то есть победа, одержанная в отсутствие соперников. Нерон был провозглашён победителем в гонках квадриг и в специально проведённых по его приказанию состязаниях колесниц с десятью жеребьями. Во время этой гонки царственный возничий выпал из повозки. И хотя не закончил дистанцию, был всё же признан победителем и увенчан оливковым венком. Но и этого ему показалось мало, — продолжал с неприязнью Арсен. — Он выступил ещё в трёх видах состязаний: конкурсах чтецов, музыкантов и трагиков. И вновь без борьбы стал обладателем высших наград.

— Увы, — сказала со вздохом Деметра, — этим он нанёс непоправимый ущерб Олимпийским играм...

— Кстати, — продолжал Арсен, обращаясь к Деметре, — в решении Нерона участвовать в Играх решающую роль сыграл факт выступления на состязаниях в Олимпии Тиграна. Но Тигран участвовал в гонках, назвавшись возничим квадриги армянского царя. Лишь после Игр он открыл своё имя, хотя и не добился победы. А Нерон, злоупотребив властью императора, надругался над честным олимпийским соперничеством.

— Нерон, — вставил Карен, — вошёл в историю Армении тем, что великодушно велел отстроить тогдашнюю столицу страны Артаксату, разрушенную римским полководцем Корбулоном. И назвал город в свою честь Неронией. Однако это название у нас не прижилось.

— Да, — поддержал брата Арсен, — он и здесь остался верен своей тщеславной натуре. Мне по душе другой римлянин — Тиберий Клавдий, который в честной борьбе добился на Играх 194-й Олимпиады победы в гонках квадриг, а много позже, почти пять олимпиад спустя, стал римским императором под именем Тиберия.

Деметре был интересен этот разговор. Много она слышала впервые.

— Признаться, я избрала талисманом эту армянскую монету именно из-за изображения квадриги с победоносной Никой на руках возничего. А ты, Арсен, оказывается, отличный знаток истории!

— Не только истории, — произнёс Карен с гордостью за брата. — Он хорошо играет на таре, прекрасно рисует, лепит из глины и вырезает из дерева. Когда тебе доведётся приехать в Артаксату, ты увидишь при въезде в город восхитительную скульптурную группу из бронзы: четвёрку запряжённых в колесницу коней, скачущих во весь опор к солнцу. На квадриге — мужественный возничий с тиарой на голове. В его правой руке небольшая статуэтка богини Ники. В левой — длинный хлыст. А на цоколе надпись: «Тигран Великий. Царь царей. Олимпиец». Эту группу изваял мой брат. Я молю бога, чтобы выступления Вараздата увенчались победой, и мы могли бы отлить и поставить у храма Зевса статую первого олимпийщика из Армении. — И, словно испугавшись своих слов, Карен быстро перекрестился.

Деметра с сожалением вздохнула. Она от всего сердца желала того же, но считала это неосуществимым. Что же касается истории, рассказанной Арсеном о монете Артавазда, то молодая гречанка восприняла её как счастливое предзнаменование для Никандра, которому предстояло выступить в гонках квадриг.

Деметре хотелось побольше разузнать о своих новых друзьях, и прежде всего о Вараздате, к которому она испытывала отнюдь не только чувство благодарности за своё спасение. Так Деметра узнала, что братья побывали в Персии и Египте, Эфиопии и Риме, в некоторых других городах и странах. Старший увлекался ремёслами и кузнечным делом. Он пропадал часами в мастерских оружейников, следя за каждым жестом мастеровых, научился лить железо и медь, ковать подковы и мечи. Скульптурную группу, которая изображала Тиграна на квадриге, отливал Карен с помощью мастеров из артаксатских кузниц. Младшего больше привлекали науки и искусство. Пока Карен учился мастерству выделки стали в Сирии и Египте, Арсен проводил время в библиотеках, изучая историю Рима, Эллады и других стран. Оба брата свободно говорили на нескольких языках.

В отличие от множества других армянских юношей, нанимавшихся на службу в византийскую или персидскую конницу и помогавших отстаивать интересы, чуждые родине, братья воевали только тогда, когда приходилось защищать край отцов, горный Арцах, или когда царь Армении созывал под свои знамёна войско для защиты от нашествия иноземцев. Войны в то время шли почти постоянно: то римляне нападали на

Персию, то персы выступали против грозного Рима. Находясь между двух огней, маленькая Армения выбивалась из сил, чтобы сохранить свою самостоятельность, часто призрачную, и не допустить разорения своего народа.

Но однажды и братьев не миновала общая судьба армянских юношей. Горному Арцаху, поддерживавшему по традиции связи с Персией, было предписано поставить воинов для персидской конницы. Так братья оказались в Персии. Здесь они познакомились с Вараздатом, который с детства жил в этой стране. Пять олимпиад назад персидский царь Шапук напал на Армению, разграбил её и увёл с собой в качестве заложников детей наиболее знатных нахараров и некоторых отпрысков царского рода Аршакуни. Это делалось для того, чтобы держать в повиновении побеждённых и предотвратить возможное восстание против персидского трона. Среди заложников был и Вараздат. Как требовали обычаи того времени, пленники из знатных семей получали при персидском дворе подобающее их положению образование. Вараздат обучался различным наукам и языкам, стал отличным наездником и стрелком из лука. А когда вырос крепким воином, был определён в армянскую конницу, входившую в состав персидской армии, где ему поручили командование одним из отрядов.

Соотечественники прониклись друг к другу симпатией. Известно, что дружба, рождённая в боях, крепче всякой иной. Однажды произошёл случай, окончательно сблизивший молодых людей. Преследуя остатки кушанской армии, армянская конница достигла Белха, сильно укреплённой крепости, стоявшей на самой границе кушанского царства. Выпуская град стрел, защитники крепости заставили нападающих держаться на почтительном расстоянии. И тут и там воины были на виду. Правда, они не могли причинить друг другу урона, так как стрелы, выпущенные даже самой сильной рукой, не долетали локтей двадцать-тридцать до противной стороны. Положение нападающих было затруднено ещё и тем, что им приходилось выпускать стрелы вверх, то есть с большей силой, чем защитникам крепости, направлявшим стрелы сверху вниз.

Вот тогда-то Карен, который на досуге всегда что-нибудь мастерил, строгал или обтачивал, подошёл к Вараздату с луком необычных размеров и устройства. Он уверял, что если выпустить стрелу из его лука, то она легко долетит до крепостной стены и поразит находящихся на виду врагов. Вараздат с трудом натянул тетиву, но тут же отпустил её — стрелять из такого лука было бесполезно. Чтобы прицелиться, нужно иметь в запасе хотя бы несколько мгновений, а тугая тетива такой возможности не давала. Тогда Карен показал Вараздату дубовую палочку размером чуть короче стрелы. Он попросил натянуть тетиву, опираясь стрелой в землю, а затем быстро вставил эту палочку так, что конец её упёрся в основание лука. Зарядив лук стрелой, он показал, как надо, целясь, сбивать осторожно палочку с основания лука большим пальцем левой руки. Когда Вараздат, последовав совету Карена, сбил палочку, освобождённая вмиг тетива со страшной силой послала стрелу на крепостной вал. И тут же один из вражеских воинов, схватившись за грудь, со стоном полетел с огромной высоты на землю. Это произошло так неожиданно, что опешили не только кушаны, стоявшие на стене, но и Вараздат с окружавшими его воинами.

Карен обратил внимание Вараздата на то, что из-за толщины башен и их ширины воины, находившиеся на одной крепостной стене, не видят, что творится на соседней.

Вараздат сразу понял, что если выпускать стрелы поочерёдно в воинов, стоящих на разных крепостных стенах, то защитники не скоро догадаются о грозящей им смертельной опасности. Оба брата заряжали луки и передавали их Вараздату. А тот выпускал стрелы в ничего не подозревавших и даже насмехавшихся над ними кушанов. Им казалось, что одинокий лучник, посылавший стрелы в сторону крепости, занимается пустой тратой сил. Между тем то с одной, то с другой стены, словно скороспелые фиги от сильной бури,

хватаясь руками за пронзённую грудь, валились вниз кушаны. После каждого попадания братья хором считали:

— Двенадцать!

— Тринадцать!

— Четырнадцать!

И когда наконец защитники поняли, какая им грозит опасность, и спрятались за крепостные стены, внизу у рва хрипели в предсмертных судорогах семнадцать вражеских воинов, поражённых стрелами из этого дальнобойного лука...

Однако Вараздат тяготился своим положением на чужбине, мечтал вернуться в малознакомую, но родную Армению. В дни, свободные от переходов и сражений, друзья находили радость в долгих беседах об Армении и её соседях, строили планы. Вараздата очень заинтересовал рассказ братьев о проводившихся в Олимпии атлетических играх, о которых он был наслышан и раньше. Решение пришло само собой: бежать из Персии. Тем более что братья не видели смысла воевать за интересы персидского царя. У них нашлись единомышленники. И однажды отряд смельчаков пустился в долгий путь.

— Вот так мы и оказались в Ахайе. Вараздат быстро подучил греческий, которым занимался ещё в Персии. Здесь он одержал свои первые, но такие убедительные атлетические победы — над львами в Гелиополе и в кулачных боях в Дельфах, — так закончили братья свой рассказ.

— Интересно, что ждёт Вараздата на соревнованиях?.. — Деметра вопросительно посмотрела на братьев.

— Победа! — ответил Карен.

— Только победа! — подтвердил Арсен.

Деметра нахмурилась: и как это чужестранцы не боятся предсказывать победу? А ну как разгневают богов? Она поймала себя на мысли, что исход состязаний по кулачному бою занимает её ничуть не меньше, чем результаты гонки квадриг. А ведь в этих гонках предстояло выступить её горячо любимому брату Никандру. «Неужели я влюбилась? — повторяла про себя гордая гречанка. — И в кого? В чужестранца!»

Глава III

Храмы Альтиды

Варздат не раз бывал в Олимпии, видел её храмы и памятники. Но прогулка, предложенная Деметрой, показалась ему весьма заманчивой. К тому же его друзьям, приехавшим в Олимпию впервые, не терпелось познакомиться с памятниками Альтиды поближе.

Несмотря на утверждение христианства, интерес к языческим богам по-прежнему сохранялся. Атлеты продолжали участвовать в церемониях жертвоприношений, воспринимая богов прежде всего как покровителей атлетических состязаний. К тому же многие участники Игр оставались в душе язычниками, и лишь страх перед наказанием за нарушение принятого накануне прошлой Олимпиады императорского эдикта о признании христианства государственной религией, заставлял их выдавать себя за добрых христиан.

В назначенный час Деметра была у палестры. Братья уже дожидались её. Не пришёл лишь Никандр. Сегодня он должен был заняться своей колесницей: осмотреть и смазать перед состязаниями ось и колёса, проследить за тем, как рабы окрашивают её в цвет солнца.

Вместе с Деметрой пришла её рабыня, нубийка Фату, стройная девушка с тонким, гибким станом, несколько крупными, но красивыми губами и озорными глазами. Тёмно-шоколадный цвет кожи и шапка вьющихся волос выдавали её африканское происхождение. Фату была одета почти так же изысканно, как её хозяйка, и скорее походила на подругу, чем на служанку. Это впечатление усиливалось тем, что отношения между двумя девушками ничуть не указывали на неравенство их положения в обществе. Впрочем, в ту пору в Византии свободные граждане из бывших рабов не были редкостью. И Деметра не раз предлагала свободу нубийке, с которой росла с самого детства, но Фату отказывалась, не желая расставаться с хозяйкой. Девушка любила Деметру, которой была обязана своим образованием и воспитанием. Братья приветливо встретили Фату, а Арсен стал разглядывать её с нескрываемым восхищением. Вскоре из Палестры вышел Варздат. Лицо его казалось усталым, даже суровым. Он был одет на греческий манер. Строгая серая туника, подпоясанная чёрным поясом, и такие же чёрные сандалии составляли весь его наряд. При виде Деметры, Фату и обоих братьев выражение его лица изменилось. Теперь оно вполне соответствовало погоде: на голубом небе не было ни облачка.

Молодые люди направились к Альтиде. Пройдя величественные здания Героона и Феоколеона, расположенные у внешних стен Альтиды, они остановились возле небольшого строения.

Это была знаменитая мастерская Фидия, выдающегося ваятеля древности, создателя статуи олимпийского Зевса. Хотя Фидий жил и творил восемь веков назад, его мастерская и ныне процветала. Право работать в ней предоставлялось лучшим скульпторам Эллады. Здесь витал дух фидиева творчества. В нише стояла огромная, почти в рост человека, пелика — глиняный кувшин с двумя ручками, изваянный и расписанный самим Фидием. Краски на кувшине не тускнели от времени, а словно разгорались всё ярче. В игре цветов была такая притягательная сила, что у входа в мастерскую почти всегда толпились поклонники искусства. И хотя они мешали работать, заслоня свет, никогда ещё ни один из мастеров не выказал своего недовольствия. Напротив, они гордились тем, что работают в мастерской бессмертного Фидия, рядом с одним из его простых, но гениальных творений. Разные люди подходили к мастерской. Некоторые, восхищаясь дивной пеликой, как будто только что созданной, выражали сомнение в том, что она сотворена руками знаменитого скульптора. Словно нарочно для таких неверующих, на нижней части пелики великий мастер оставил свою подпись. Приглядевшись, можно было прочесть: «Меня создал Фидий».

Особенное впечатление всё здесь производило на Арсена. Он, казалось, не столько следил за работой скульпторов, сколько вдыхал атмосферу творческой приподнятости, царившую в мастерской.

— Пойдём, Арсен, — позвала Деметра. — Варздату скоро возвращаться в палестру, а нам ещё так много надо посмотреть!

Напротив мастерской Фидия высилось квадратное здание Леонидайна — самое большое строение Олимпии, расположенное вне стен Альтиды, дар известного в прошлом богача Леонида. Это здание предназначалось для римского проконсула.

Обойдя Леонидайн, путники вошли через Парадные ворота в Альтиду — священный участок Олимпии, расположенный у подошвы холма Крона, с вершины которого, по преданию, Зевс наблюдал за олимпийскими состязаниями.

Альтида имела форму неправильного прямоугольника, стороны которого приближались по длине к стадию. На небольшой территории разместилось множество выдающихся творений зодчих и художников разных эпох. Время было невластно над ними. И если многие из них носили следы видимых разрушений и последующих восстановительных работ, то причиной тому был разгром, учинённый за шесть олимпиад до описываемых событий варварами-герулами, вторгшимися в Ахайю и не пощадившими святынь Олимпии. Правда, большинство построек удалось восстановить, но часть их была утеряна безвозвратно: камни некоторых строений были использованы для возведения крепостной стены.

Благодаря усилиям жрецов прежде всего удалось восстановить жертвенники. Они располагались в основном на террасе, которая тянулась вдоль южной стены Альтиды. Стена оканчивалась Римскими воротами. За ними находился Дом Нерона. Это пышное здание было выстроено в кратчайший срок специально для повелителя Рима в период, когда он принял решение участвовать в Играх Олимпии.

Молодые люди пошли вдоль стен террасы мимо треугольной колонны, которую венчала победоносная скульптура крылатой богини Ники. Слева высилась стена самого крупного строения, находящегося внутри Альтиды, — храма Зевса, бывшего в то же время одним из самых древних сооружений Олимпии.

Пройти ко входу в храм оказалось нелегко — вся Альтида была заполнена разноязыкой, пёстрой толпой. Гости бродили по Альтиде, восторгались её красотами, не

забывая при этом принести жертву богам, чтобы испросить у них исполнения своих сокровенных желаний.

Пока молодые люди рассматривали священные строения, любовались росписью храмов, рельефными изображениями, Арсен, заглядывая в какой-то таинственный манускрипт, сообщал им любопытные подробности обо всём, что они видели.

Храм Зевса был сооружён в дорическом стиле из местного камня, именуемого порос, и покрыт черепичной крышей. Но плитки изготавливались не из обожжённой глины, а из мраморных плит, обработанных в форме черепиц. Снаружи храм окружала величественная колоннада. На торцах крыши стояли позолоченные чаши. В самом центре фронтона высилась величественная статуя богини победы, тоже позолоченная, а под ней был прикреплён золотой щит с рельефным изображением Медузы-Горгоны. Фронтон украшали изображения Зевса и других богов, а также рек Алфея и Кладея. Рядом — сцены подвигов Геракла.

Внутри храма было прохладно и сумрачно. Все говорили шёпотом, отчего в воздухе стояло монотонное жужжание. Когда глаза привыкли к полумраку, всё отчётливее стала вырисовываться исполинская статуя Зевса, отливавшая золотом. Голова божества была увенчана серебряным венком, искусно имитирующим листья маслины. В правой руке Зевс держал статуэтку богини победы Ники, сделанную из золота и слоновой кости. В левой покоился скипетр, изящно инкрустированный металлическими украшениями. На скипетре сидел орёл.

Величественная статуя Зевса внушала благоговейный трепет. Рядом с божественным исполином человек казался ничтожным и слабым. Люди видели на уровне своих глаз лишь его обувь и нижний край плаща с изображением диковинных животных и полевых лилий. Чтобы взглянуть в лицо божеству, нужно было запрокинуть голову. Громовержец сидел на троне, украшенном золотом, драгоценными камнями, чёрным деревом и слоновой костью. Трон был расписан изображениями диких зверей, у каждой ножки трона застыли четыре статуи богини победы в виде танцующих фигур.

Возле трона Зевса стояли барьеры, увешанные картинами. На одной был изображён Атлант, поддерживающий небо, рядом — Геракл, готовый принять на себя эту ношу. Другие картины рассказывали о бессмертных подвигах богов и героев. Вот Геракл убивает орла, терзающего Прометея в горах Кавказа. А вот к Прометею, закованному в цепи, идёт Гефест, чтобы освободить его от оков.

За статуей Зевса висел занавес, окрашенный финикийским пурпуром, с пышными ассирийскими узорами. Занавес не поднимался кверху, как обычно, а опускался на тонких шнурах вниз до пола.

— По преданию, Зевс стал свидетелем великого искусства Фидия, — снова зашептал друзьям Арсен. — Когда статуя была окончена, Фидий обратился к Громовержцу с мольбой дать знамение. Чтобы подтвердить, что ему угодно это произведение, Зевс тотчас же бросил вниз одну из своих молний. Она ударила в пол и оставила в мраморе отверстие, куда позже была вделана медная чаша. Вот она, смотрите сюда. Видите?

Арсен показал на пол перед статуей, где действительно стояла медная чаша. Пол здесь был выстлан не белым, а чёрным мрамором. Чёрные плиты были окаймлены барьером из белого камня, который задерживал стекающее сюда оливковое масло. Этим маслом служители время от времени обильно смазывали слоновую кость, чтобы предохранить её от порчи — болотистый воздух Альтиды мог повредить её. О том, что статую создал Фидий, свидетельствовала надпись в ногах Зевса: «Фидий, сын Харленда, афинянин, создал меня».

Молодые люди постояли перед статуей бога богов, прося про себя ниспослать им удачу. Это творение Фидия являлось одним из семи чудес света, и, по утверждению

древних, тот, кто не видел его, не видел вообще ничего. Более того, в Древней Элладе считалось, что не может быть счастливым человек, не видевший олимпийского Зевса. И наоборот, тот, кто видел Зевса хоть раз в жизни, уже не мог стать несчастным. Вот почему каждый, кто приезжал в Олимпию, спешил поклониться статуе Зевса.

Выйдя из храма, молодые люди ощутили резкий запах жареного мяса — дымный запах жертвоприношений. Именно он вернул их к действительности. Пройдя немного, они оказались у Портика Эхо. Построенный за двадцать олимпиад до описываемых событий, Портик представлял собой колоннаду длиной в полстадия. Своё название он получил по имени нимфы. Он был знаменит удивительным звуковым эффектом — слово, произнесённое в нём вслух даже очень тихо, повторялось отчётливо семь раз.

Юная нубийка, не проронившая до сих пор ни слова и уставшая уже от роли покорной слушательницы, решила удивить чужестранцев. Она подошла к колонне и прошептала несколько слов. И вдруг, словно божий глас, отчётливое и гулкое эхо обрушило сверху на чужестранцев семикратное: «Ты победишь, Вараздат! Ты победишь, Вараздат! Ты победишь...»

Это было так неожиданно, так впечатляюще и к тому же так ясно отвечало на невысказанный вопрос, который каждый из них таил в душе, что все, в том числе и Деметра, застигнутая врасплох, замерли недвижимо, как статуи. Вараздат, стоявший у одной из колонн, в самом деле принял услышанное за голос богов. Он непроизвольно прошептал сначала про себя: «Это правда?» — а затем уже чуть громче: «Да?!»

И вновь молодые люди вздрогнули: незнакомый голос, на сей раз мужской, ещё более твёрдый, обрушил на них:

— Да!!! Да!!! Да!!! Да!!! Да!!! Да!!! Да!!!

Первым стряхнул оцепенение Вараздат. Он увидел выглянувшую из-за колонны Фату, заметил на её лице плутоватую улыбку и быстро вышел из Портика. Слова, разнесённые семикратным эхом, теперь казались ему почти насмешкой. Он не хотел тешить себя иллюзиями, так как хорошо знал истинную цену победы и то, как она добывается. Бедная Фату, выбежавшая следом, застыла перед ним ни жива ни мертва. Быстро оценив ситуацию, Деметра попыталась разрядить её шуткой. Приблизившись к Фату, она обняла её за плечи и произнесла по-латыни:

— *Vox populi — vox dei!*¹

Вараздат не смог удержаться от улыбки. Сникшая фигурка перепуганной Фату никак не могла олицетворять собой могучий народ. Вышедшим в этот момент из Портика Карену и Арсену не оставалось ничего другого, как рассмеяться вместе со всеми.

— Пошли дальше, друзья! — предложила Деметра.

Но Арсена было трудно увести от Портика Эхо, который имел ещё одно название — Пёстрый портик. Дело в том, что в нём время от времени выставлялись картины. Сейчас специально к Играм была открыта выставка эллинских и чужеземных художников.

Однако напрасно Арсен просил друзей оставить его здесь, уверяя, что они прекрасно обойдутся без его объяснений, если он оставит им рукопись. Оказалось, что манускрипт, в который заглядывал Арсен, был написан известным эллинским писателем Павсанием, выходцем из Магнезии, что на Спилосе, в Малой Азии.

— Правда, Павсаний путешествовал тридцать пять олимпиад назад, — уточнил Арсен, но обстоятельное описание его странствий по Элладе, Малой Азии, Сирии, Египту, Ливии и Риму считается лучшим из того, что написано до сих пор. А эта рукопись — одна из тех, где описывается путешествие по Элладе, она специально посвящена Олимпии. — И Арсен показал манускрипт с цветными миниатюрами.

¹ «Глас народа — глас божий!» (лат.).

— Нет, Арсен, — ответила за всех Деметра, — без твоих объяснений осмотр Альтиды потеряет всякую прелесть.

— Конечно, конечно, — поддержала свою госпожу Фату, — ведь ты рассказываешь так много интересного. Разве мы сможем выбрать из незнакомой нам рукописи именно то, что нужно? А картины ты сможешь посмотреть в другой раз!

Фату, конечно, слукавила. Она читала вместе с Деметрой труды Павсания, но её слова возымели желаемое действие на чужестранца. Арсен сдался. Пройдя вдоль всей колоннады, друзья очутились на северо-восточной стороне Альтиды перед так называемыми занами, или занёс-базами. Шестнадцать статуй Зевса были отлиты из меди на деньги, уплаченные провинившимися атлетами, нарушившими правила состязаний.

— Кстати, почему статуи Зевса называются занами? — спросил Вараздат.

— Так звучит имя Зевса на дорическом диалекте, — ответила Деметра.

— А знаешь ли ты, — вдруг сказал Арсен, обращаясь к Вараздату, — что среди нарушивших клятву о честном ведении состязаний совсем нет бегунов и, напротив, много поединщиков, особенно кулачных бойцов?

— Действительно, чем это можно объяснить? — заинтересовался Карен.

Вараздат молчал, обдумывая ответ. Ему на помощь пришла Деметра, для которой, видимо, этот вопрос не был неожиданным. Она сказала:

— Велика честь стать олимпийщиком. К этому стремятся многие атлеты. Победителями же становятся единицы. В состязаниях по бегу есть возможность отличиться сразу нескольким атлетам — на разных дистанциях. А победителем в таких видах агона, как борьба, пентатл, панкратий или кулачный бой, может стать всего лишь один. И ценой этой победы бывает иногда здоровье атлета. Титул олимпийщика в этих видах, а особенно в кулачном бою, столь притягателен, что слабые духом идут на обман, на подлог, лишь бы добиться его.

— Кулачные поединки привлекали даже бессмертных богов и героев, — подхватил Арсен. — Прославленными кулачными бойцами считались Аполлон и Геракл, приёмами такого боя в совершенстве владел Одиссей. От кулачного бойца требовались сила, выдержка, ловкость и присутствие духа — качества, необходимые и воину, и философу. Знаменитый математик Пифагор, чья теорема обязательна при изучении наук, тоже выступал именно в этом благороднейшем виде состязаний.

— Но кулачный бой, — продолжала Деметра, быстро взглянув на Вараздата, — один из самых жёстких и суровых видов поединка. Взгляните на большинство известных кулачных бойцов, хотя бы на тех, кто упражнялся вчера в палестре вместе с Вараздатом. Перебитые носы, сплюснутые уши, отбитые скулы, нависшие брови, под которые глубоко ушли глаза, — вот цена славы кулачного поединщика.

Было заметно, что эта тема больше других волнует Деметру.

— Если бы вы видели победителя двух последних Игр афинянина Эпикрада, — продолжала она, — то поняли бы, что каждый его поединок — это борьба не на жизнь, а на смерть. Кажется, на арене не Эпикрад, а сам бог войны Марс! — Деметра вдруг испугалась, что наговорила лишнего, и смущённо умолкла. Потом добавила: — К счастью, Эпикрад не собирается защищать свой титул. Его нет среди нынешних соискателей.

Братья с беспокойством взглянули на Вараздата. И хотя они были уверены в том, что Вараздату под силу любой соперник, всё же слова Деметры вселили беспокойство и в их души. Но на лице Вараздата не дрогнул ни один мускул. Он задумчиво смотрел на террасу, которая поднималась за занами. Там, в небольших мраморных строениях, находились знаменитые сокровищницы Олимпии.

— Я многое слышал об Эпикраде, — сказал он, повернувшись к Деметре, — видел поединки с его участием. И признаться, не огорчён тем, что он не выступает на этих Играх.

Но если бы он и был в числе участников, многое зависело бы от жребия. Эпикрад мог бы и не дойти до финала, проиграв ещё более сильному сопернику. Мог бы встретить поединщика, который отнял бы у него на пути к решающему бою половину его силы и мощи. Наконец, лишь богам известно, смогу ли я сам дойти до финала и довелось бы мне вообще встретиться с Эпикрадом в борьбе за оливковый венок.

Вараздат снова помолчал, затем улыбнулся и сказал, обращаясь к Деметре:

— Ты очень начитанна и хорошо знаешь эллинскую мифологию, прекрасная Деметра! Разве забыла ты, что по преданию Аполлон победил в беге Гермеса, а в кулачном бою одолел самого Ареса¹? Конечно, я не смею ставить себя в один ряд с божественным Аполлоном, просто хочу заметить, что даже бог войны бывал бит в кулачном поединке.

— Ты прав, Вараздат, — заметил Карен. — К тому же мы принесём богам самые богатые жертвы, чтобы они были благосклонны к тебе. Впрочем, — сказал он, подмигнув Вараздату и понизив голос, чтобы его не услышали другие, — ведь боги помогают прежде всего тому, кто сам себе помогает. А значит, они будут на твоей стороне, ибо ты умеешь помочь себе.

Деметра слышала слова Карена, но предпочла промолчать. Она и так боялась, что боги разгневаются на неё за выходку её рабыни в Портике Эхо. Но в глубине души она была полностью согласна с Кареном. Разве успех на Олимпийских играх, да и вообще в любом другом деле, приносили только молитвы или жертвоприношения? Нет, нет и тысячу раз нет! Лишь особая целеустремлённость, лишение себя праздных удовольствий, ограничение в пище и строго соблюдаемый рацион, а главное — многократные, изо дня в день повторяемые упражнения подводили атлета к той черте готовности, когда даже лёгкой благосклонности богов было достаточно, чтобы победить.

Вараздат показал рукой направо мимо занов, туда, где начиналась крипта — сводчатый тоннелевидный проход, по которому состязатели и судьи проходили на арену. Друзья поняли его без слов. Очень скоро Вараздату предстояло проделать этот путь, который мог привести его к славе или развеять в прах мечты. Успокаивая друга, Арсен произнёс торжественно, как говаривали древние:

— Главное не победа, а участие в Играх!

Вараздат молча кивнул. Но, признавая справедливость древнего закона Игр, он подумал про себя, что во все времена победителями становились отнюдь не те атлеты, что выходили на стадион со скромной целью участвовать. Побеждали лишь те, кто вкладывал в борьбу всё своё умение, силу и волю ради достижения единственной цели — победы.

Арсен жестом пригласил друзей следовать дальше. Повернув влево от занов, молодые люди очутились у полукруглого здания. Это был Нимфайон, сооружённый афинским меценатом Геродом Аттиком для обеспечения Олимпии свежей питьевой водой. Она подводилась сюда издалека, с гор, собиралась в верхнем бассейне и выливалась через множество маленьких отверстий в нижний бассейн.

Деметра подставила ладони под струю воды и напилась с видимым удовольствием. Все последовали её примеру.

Покинув Нимфайон, молодые люди очутились у алтаря Зевса — главного жертвенника Олимпии. Но алтарь был окружён таким плотным кольцом, что молодые люди, не задерживаясь возле него, направились дальше к прямоугольному дорическому строению с круглыми мраморными колоннами.

— Вот он, храм Геры, — сказала Деметра. — Я была среди шестнадцати избранных, которым довелось ткать полотно для одежд богини. По окончании работы нам всем

¹ Арес в греческой мифологии — бог войны (то же, что в римской — Марс).

выпала честь принимать, согласно традиции, участие в главном забеге Игр, называемых Герейскими. В программу Игр входили состязания в беге. И бежали мы здесь, на стадионе Олимпии!

Рассказывая об этом, Деметра вновь переживала перипетии борьбы, из которой вышла победительницей. Увлёкшись, она жестикулировала, стремясь воссоздать картины минувшего агона.

Молодые чужестранцы, слушая Деметру, живо представили себе состязания на стадионе, стройные фигуры молодых эллинок и впереди всех — дочь Никоса Деметру с развевающимися по ветру чёрными волосами, с сильными, длинными ногами, с красивым овалом обнажённого бронзового плеча.

Взглянув на лица своих спутников, Деметра смутилась. Повернувшись, она быстро пошла к храму Зевса. Вараздат догнал Деметру возле священной дикой маслины. На лице девушки уже не было румянца смущения. Она дотронулась до серебристо-зелёной ветви оливы и бережно погладила её. Обоим был понятен этот жест: через несколько дней венок из этих листьев увенчает голову победителя.

— Деметра... Ведь это имя богини плодородия... — В словах Вараздата угадывался вопрос.

— Разумеется, в давние времена так не называли простых смертных, — отвечала гречанка. — Но в последние тридцать-сорок олимпиад имена эллинских богов и богинь стали давать многим новорождённым. Причём с благословения жрецов. И не столько потому, что языческие боги перестали пользоваться прежним почитанием, сколько для того, чтобы сохранить в народе память о них. С прошлым расставаться всегда трудно, даже если оно было заблуждением. Благодаря Играм Олимпия осталась единственным островком, где Зевс и другие древнеэллинские боги сохранили свой священный ореол. Неспроста христианство стремится запретить атлетические соревнования в Олимпии, полагая, что, запретив Игры, оно окончательно покончит с язычеством.

Деметра помолчала немного, потом снова заговорила, всё более оживляясь. Последние её слова прозвучали так страстно, будто она убеждала Вараздата:

— Мы привязаны всем сердцем к Играм, потому что они пришли к нам из глубины веков, потому что они — частица нашей истории. Мы любим их, потому что это честные соревнования. И нам горько сознавать, что этот праздник, может оказаться однажды под запретом: разговоры об этом ведутся в последнее время, увя, всё чаще и чаще.

Но Вараздата не нужно было убеждать. Он с нетерпением ждал открытия Игр, так же как и Карен, и Арсен, и все участники и гости предстоящих состязаний.

Арсен, проникнувшись общим настроением, подвёл друзей к памятникам возле храма Зевса.

— Посмотрите на эти статуи. — Он обвёл их широким жестом. — Некоторые из них стоят с незапамятных времён. И пусть прошли века, расцвели и погибли царства, ушли в небытие имена императоров, полководцев и жрецов, но статуи олимпийцев стоят незыблемо. Они бессмертны. Прекрасно быть олимпийцем!

Карен, положив руку на плечо брата, сказал с мягкой иронией:

— Воздух Олимпии, её атмосфера благотворно влияют даже на умы тех, кто далёк от атлетики и предпочитает музыку и искусства поединкам и состязаниям.

Но Вараздат, прервав его, вступился за младшего из братьев:

— Каждый воин — атлет. А о воинских заслугах твоего брата не мне напоминать тебе, Карен. А потом человек не может ограничиваться в жизни только одним делом. Жалки те атлету, которые, забыв свой священный долг умножать достояние родины, занимаются только тем, что готовятся к состязаниям дни и ночи ради победы на Играх в Олимпии. Жалки те атлеты, которые обходятся только одним, известным им с детства языком,

забывая, что любой человек может столько же раз считаться человеком, сколькими чужеземными языками он овладеет. Жалки те атлеты, которые не знают ни ремесла, ни торгового дела, которые не интересуются науками и искусством. Атлетические упражнения нужны не сами по себе. Они лишь средство подготовки тела и духа к новым высоким свершениям. Тот, кто считает состязания единственной целью своей жизни, обкрадывает и себя, и свой народ. И если в наши дни всё чаще говорят, что Игры в Олимпии вырождаются, то виною тому богатые дары, которые городские власти тайно вручают своим представителям, добившимся успеха на Играх. Древние никогда не позволяли себе этого. Потому и дошли до наших дней Олимпийские игры. И хотя они возникли как праздник языческий, они сохранили своё значение и ныне, при распространении христианства: люди, поклоняющиеся другим богам, почитают за честь победить на Играх в Олимпии, где ценится всё лучшее, что есть в человеке.

Деметра и братья слушали не прерывая.

— Впрочем, — неожиданно переменяет тему Вараздат, — уже вечереет. Мне пора в палестру.

И действительно, солнце начало клониться к западу, в сторону реки Кладей. Поединщика ждали, и, конечно, ему следовало скорее возвращаться. Ведь строгие педотрибы отпустили его лишь на полдня. Ослушаться их никто не имел права.

Попрощавшись с друзьями, Вараздат направился было к выходу из Альтиды, как вдруг его кто-то окликнул. Окружённый пёстро разодетыми людьми, перед ним стоял толстый, благодушный человек, в котором с первого взгляда легко было признать армянина. Это был один из самых богатых граждан Армении, купец Тироц, известный в Риме, Византии и арабском мире под именем Тироца-армена¹. Каждое его путешествие приносило ему огромные барыши. Он возил в дальние страны большими караванами товары, которыми славилась Армения: пшеницу, краски, лекарственные растения, квасцы, медь, серебро, коней и, конечно, сушёные плоды знаменитых «фруктус арменикус» — армянских абрикосов. А привозил домой парчу, шерстяные ткани, полотно, драгоценные камни, золотые и серебряные украшения, ожерелья, браслеты, цветные бусы.

Как всегда, Тироц-армен шёл в окружении целой свиты друзей, слуг и рабов. И хотя он был едва знаком с Вараздатом, тем не менее обратился к нему, как к старинному другу:

— Вараздат! Вот так встреча! А мне сказали, что тебя нельзя увидеть до начала Игр... Знай, гордость родины моей, что о твоём благородном поступке говорят все. И если тебя не останавливают прямо на дороге, чтобы обнять и поблагодарить, то лишь потому, что мало кто знает тебя в лицо. Да и то сказать, ведь ты не похож на кулачного бойца. А знаешь ли ты, что всей Армении известно, как ты сразил в Аревкахаге² двух львов, а в Дельфах поколотил немало отличных поединщиков?

И, не дожидаясь ответа, тут же обратился к братьям:

— Здравствуйте, молодые люди! Вижу, что вы рядом с Вараздатом не только в дни войны, но и в мирные времена. Ах, если бы все жители нашей прекрасной родины, вне зависимости от того, в каких краях они проживают, были бы столь дружны, как вы с Вараздатом! Армения тогда могла бы противостоять любым невзгодам. А это что за волшебное создание с манерами знатной дамы, осанкой царицы и красотой богини? Сразу видно, что истинная эллинка... Неужели та самая?! — вдруг воскликнул он,

¹ Тироц-армен — лицо не историческое, вымышленное, заимствованное автором намеренно (как и встречающиеся далее Зенон Аматауни и Ота Апауни) из книги С. Зорьяна "Царь Пан», с тем чтобы создать связь между романом С. Зорьяна и настоящей повестью.

² С армянского дословно — Город солнца, то есть Гелиополис.

озарённый внезапной догадкой. — Жаль, что меня не было на месте происшествия, я бы сам бросился выручать тебя, красавица, и тогда вся Олимпия говорила бы только обо мне, а значит, и торговля моя пошла бы бойче. — И, довольный своей шуткой, Тироц-армен радостно похлопал себя по толстому животу.

Сопровождающие Тироца люди вмиг окружили Вараздата и его спутников. Слышалась оживлённая армянская речь. Чужестранцы говорили по обыкновению громко, радостно улыбаясь землякам.

Встреча с соотечественниками на чужбине — всегда волнующее событие.

— Спасибо, спасибо, Тироц-джан, — ответил искренне обрадованный Вараздат. — Но мне надо идти, я спешу в палестру.

Добрый Тироц-армен тут же стал расталкивать своих спутников, крича во всю силу своих лёгких:

— Дорогу, дорогу! Видите, человек спешит! У него дело! Дорогу нашему Вараздату!

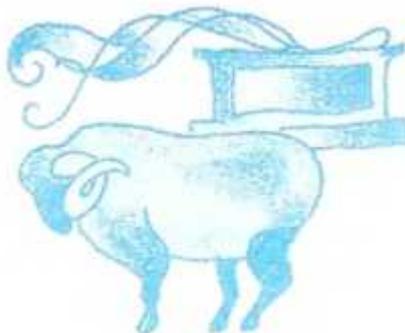
И вдогонку поединщику понеслись слова добродушного Тироца: — Мы все придём на стадион, Вараздат! Сегодня утром мы принесли хороший матах¹ самому полезному богу, богу Гермесу, главному покровителю состязаний и торговли! Мы будем с тобой там, на арене, Вараздат-джан!

И хотя молодых людей и след уже простыл, в стенах Альтиды ещё долго раздавался густой бас чужеземного купца, на которого с удивлением и любопытством взирали посетители священных храмов Олимпии...

¹ Жертвоприношение (арм.).

Глава IV

Алтарь Зевса

Протяжный звук трубы пронёсся над Альтидой, вышел за её пределы и поплыл над Олимпией. Он долетел до самого холма Крона, у подножия которого разместился огромный палаточный город, втрое превышавший по численности население расположенного по соседству с Олимпией городка Пиза. Значительную часть жителей Пизы составляли атлеты и педотрибы. Их притягивала сюда возможность заниматься любимыми видами агона на том самом стадионе, на котором раз в четыре года проходили любимые народом состязания — Олимпийские игры.

Трубач стоял на специальном возвышении недалеко от входа в подземный тоннель — крипту. Был ранний час. Но, несмотря на это, звуки трубы вряд ли кого-нибудь застали врасплох. Они возвещали о начале олимпийских торжеств. Служители и гости Олимпии задолго до рассвета были на ногах. В предвкушении долгожданного зрелища они спешили занять лучшие места на пути следования колонны с участниками Игр, элланодиками и жрецами.

По традиции Игры начинались с жертвоприношений и присяги Зевсу Хоркиосу¹. В последние двадцать пять олимпиад на Игры в Олимпию съезжались представители разных народов, входивших в многонациональную Римскую империю. Для многих из них Зевс давно уже не был одним из богов исповедуемой веры. Но он был и оставался для всех участников Игр тем божеством, в честь которого проводились атлетические состязания в Олимпии. И ни у кого из участников Игр не вызывало сомнений, что клятва о честном участии в соревнованиях и поединках должна приноситься именно ему. Они верили, что всемогущий Зевс может покарать клятвопреступника. Лишь после клятвы наступал черёд атлетических состязаний, победителей которых ждала высокая награда — венок из ветвей священной маслины. Так предписывалось древними законами.

Однако времена изменились. Помимо оливковых венков, вручаемых организаторами Игр, большинство атлетов уже давно получали за свои победы богатые дары от города, который они представляли. В какой-то мере это было понятно: далеко не все желающие выступить на Играх могли позволить себе полноценную десятимесячную подготовку у себя на родине, а затем тридцатидневную в Элиде под руководством педотрибов. И, наконец, путешествие в Олимпию, часто издалека, и пребывание в течение недели на Играх — всё это требовало больших расходов. Участие в Олимпийских играх было бы для

¹ Зевс Хоркиос или Зевс Горкиосский — одно из имён верховного бога. Означает: бог, которому приносят клятву.

многих недоступной роскошью, если бы городские власти не выделяли специальных средств для подготовки своих атлетов к состязаниям и участию в Играх. Конечно, можно было бы найти какую-то золотую середину и оказывать лишь самую необходимую помощь тем, кто не жалел своих сил, чтобы прославить себя и свой город. Но, как это часто бывает в большом деле, такая середина была уже давно пройдена, и Олимпийские игры постепенно становились уделом полупрофессионалов.

Всё чаще поговаривали о том, что дело идёт к закату Игр и что дни этого прекрасного праздника сочтены. Потомки гордых эллинов и сами отдавали себе отчёт в том, что Игры не были уже тем светлым праздником во славу богов, здорового духа и здорового тела, какими они были раньше. Но в разговорах о вырождении Игр они видели козни надменного Рима, кичившегося своим историческим прошлым, своими военными подвигами и свершениями, но не сумевшего за всю свою историю создать ничего, что могло бы хоть отдалённо сравниться с Олимпийскими играми, приносившими радость и мир...

Над Альтидой вновь прозвучала труба — на сей раз четырежды, и сразу же вслед за последним сигналом глашатай, выбранный из самых громкоголосых жителей Элиды в специальном конкурсе, известил о начале торжеств.

Жертвенным обрядам посвящался весь первый день Олимпийских игр. Большая торжественная процессия начинала своё шествие от Пританея¹. В назначенный час у его массивных дверей собрались элланодики, которым сюда от места их жительства, Элланодикеума, было рукой подать. Жрецы с жертвенными животными приходили ещё раньше. Они шли от западных стен Альтиды и затем выходили к Пританею через Северные ворота. Здесь же собирались представители власти и главы посольств. Последними под руководством педотрибов появлялись состязатели и поединщики.

Едва трубач опустил трубу, как толпа у Пританея перестроилась в колонну. А когда до элланодиков долетел зычный голос глашатая, они пустились в путь, увлекая за собой всю колонну. Дорога была не длинная. Торжественная процессия вышла из Северных ворот и двинулась по улице вдоль южного портика гимнасия. Дойдя до угла, шествие повернуло налево. Возглавлявшие процессию элланодики ступали медленно и важно. Солнце до боли в глазах разжигало пурпур их одеяний и усиливало контраст между белоснежными хитонами жрецов и смоляной шерстью мелко блеющих баранов, которых вели жрецы и их помощники.

Сразу же за жрецами шли римский проконсул и официальные посольства различных городов и стран.

Из-за недостатка места состав посольств был ограничен. Каждого посла сопровождали лишь по два-три приближённых и по пять-шесть рабов. Последние несли жертвенные дары. Сразу же после того, как процессия миновала термы и вступила на Дорогу шествий, к многочисленным состязателям и поединщикам, замыкавшим процессию, примкнули две украшенные золотом и серебром колесницы. Под стать колесницам были и запряжённые в них богато убранные кони рыжей и серой масти. На конях и в колесницах не было ни всадников, ни возничих. Их вели за шитые серебром уздечки чёрные рабы.

Всё свободное пространство, насколько охватывал взгляд, было заполнено зрителями. Если у гимнасия и палестры, вдоль реки Кладей, у терм и Леонидайона можно было увидеть разношёрстную толпу, то на территории Альтиды находились лишь жрецы и

¹ Пританей — служебное помещение в северо-западной части Альтиды, предназначенное для торжеств.

почётные гости Олимпии. Право занять места внутри Альтиды, в непосредственной близости от алтарей, где должны были происходить жертвоприношения, покупалось задолго до Игр у специальных распорядителей, постоянно дежуривших в Булевтерии¹. Что касается простых смертных, то они с самого раннего утра устремлялись на возвышавшийся над Олимпией холм Крона, откуда открывался величественный вид на священную Альтиду с её алтарями и жертвенниками, к которым медленно двигалась торжественная процессия, возглавляемая элланодиками.

Миновав около семидесяти жертвенников, процессия направилась к большому алтарю Зевса. По знаку элланодиков колонна расположилась полукругом. В первых рядах оказались жрецы с баранами, бляевшими всё громче и тревожнее. Сзади расположились кони и колесницы.

По знаку верховного жреца помощники подвели крупного чёрного барана к жертвеннику. Баран пугливо оглядывался по сторонам, но, ступив на преджертвие — профисис, стал почему-то спокойнее. В это время к нему подошёл один из помощников с небольшим острым ножом в руке. Он ловким, привычным жестом закинул вверх голову животного и резким движением перерезал ему горло. Алая кровь брызнула на профисис, потекла по чёрным мраморным ступеням, ставшим сизыми от пепла сожжённых ранее животных. Двое помощников принялись быстро освежевывать тушу барана, затем отделили бёдра и передали сочившиеся кровью конечности поднявшимся сюда жрецам, которые понесли их дальше, на верхнюю часть жертвенника.

Толстый слой пепла покрывал вершину алтаря. Здесь, на вершине, были особым образом сложены дрова из белого тополя. Жрецы уложили на них бёдра барана, другие части разделанной туши оставили на профисисе. Только шею барана отложили в сторону. Она предназначалась дровосеку, принёсшему на алтарь Зевса дрова белого тополя.

Верховный жрец поднялся на самую вершину алтаря. Во время жертвоприношений, посвящённых Играм, этой чести удостаивался только он. В другое время подниматься на верхнюю площадку алтаря могли и другие жрецы. И не только жрецы, а вообще все мужчины, приносящие жертву. Женщинам и девушкам дозволялось подниматься на алтарь не выше профисиса.

Седой, белобородый жрец, одетый во всё белое, молча поднял руки до уровня глаз. В руках его сверкнул прозрачный диск. Полированная поверхность диска собирала в пучок яркие лучи летнего солнца и посылала их в одну точку — в центр будущего костра. Это был самый торжественный миг. Если костёр разожжётся быстро, значит, жертва угодна богам. В Альтиде воцарилась тишина. Не было слышно даже бляения чёрных баранов, которые, испугавшись внезапно наступившей тишины, робко озирались по сторонам. Напряжение достигло высшего предела. Застывшая на вершине алтаря фигура жреца словно превратилась в изваяние. Минута казалась вечностью.

Вдруг жрец резко выпрямился. Голова его запрокинулась назад, белая борода задрожала на лёгком ветру. Он вскинул вверх обе руки. В правой вновь блеснул прозрачный диск. Над дровами показалась тонкая струйка дыма. Ещё мгновение, и сложенные лесенкой тополиные дрова затрещали, охваченные языками пламени. В воздухе явственно запахло жареным мясом.

Верховный жрец опустил руки, и по этому знаку все прочие жрецы повели к профисису упирающихся баранов. Помощники жрецов споро и ловко сбивали с ног животных и, крепко схватив их за передние и задние ноги, удерживали в лежащем положении. Белые фигуры жрецов наклонились над жертвенными животными. Почти одновременно вокруг алтаря блеснули ножи, засверкали в свете солнечных лучей.

¹ Булевтерий — здание городского совета (от греч. буле — совет).

Полетели в стороны бараньи головы. Фонтаны крови забили по всему полукружью алтаря, оставляя алые разводы на белых хитонах жрецов. Вскоре около десятка чёрных бараньих голов, отделённых от туловищ, валялись на профисисе. Эти головы ещё жили. Веки над их глазами ещё вздрагивали, будто стремясь постигнуть тайну непознаваемого. А их туши, вмиг разделанные, уже размещались на алтаре. Бёдра верховный жрец подкладывал в костёр, шеи оставались для дровосеков, остальные части туши ожигались на профисисе. Но прежде чем жрецы и их помощники бросали части туши в костёр, проворные руки помощников отрезали от них лучшие куски и откладывали в сторону. Быстро наполнявшиеся мясом котлы уносили служители Олимпии, чтобы потом лучшие повара приготовили из свежей баранины изысканные блюда для вечерней трапезы в честь официальных посольств и знатных гостей Олимпии.

Вскоре на всех алтарях Альтиды закурились костры. Повсюду слышалось блеяние баранов, приносимых в жертву друзьями и родными соотечественников и поединщиков.

Ещё дымились костры на вершине алтаря Зевса и профисисе, а жрецы, ведомые своим старейшиной, двинулись, разрывая полукруг участников процессии, к Портике Эхо. Представители посольств, делегации городов, соотечественники и поединщики повернулись спиной к алтарю и приблизились на несколько десятков шагов к двум жертвенникам, стоявшим перед Портиком, недалеко от входа в крипту. В отличие от алтаря Зевса, у которого испрашивали успеха для всего грандиозного празднества в Олимпии, эти два жертвенника имели непосредственное отношение к самому исходу состязаний. Один из них принадлежал Гермесу — покровителю молодых атлетов, а другой — Счастливому случаю, от которого, увы, также зависело немало, и не только для исхода самих состязаний, но особенно для результатов жеребьёвки, проводимой перед началом Игр.

Порядок жертвоприношения здесь был иным, что объяснялось, конечно, целью обряда. Верховный жрец и его окружение освящали сам процесс жертвоприношения, но не участвовали в нём непосредственно. Жрецы выстроились в Портике Эхо над жертвенниками, едва превышавшими высотой рост человека. Приносимых в жертву баранов совсем не было видно за загорелыми, мускулистыми телами атлетов, которые должны были прикоснуться к густой шерсти жертвенных животных, прежде чем бараньи головы будут отсечены острыми ножами.

Заклание жертв на этих двух алтарях производилось от имени и на средства атлетов, но делалось от лица всех участников Игр. Они молили Гермеса дать им своё покровительство и просили Счастливый случай ниспослать им удачу.

Верховный жрец снова поднял руки вверх. Другие последовали его примеру и замерли так, пока костры, зажжённые от факелов, принесённых от алтаря Зевса, пожирали мясо жертвенных баранов. Сильный порыв неведь откуда взявшегося ветра подул из-за спины участников и погнал дым от костра жертвенников прямо на жрецов. Но те стояли не шелохнувшись в белых хитонах с кровавыми разводами, и только самые старые среди них слегка щурили глаза, чтобы защитить их от едкого дыма. Верховный жрец стоял как статуя, с широкими, развевающимися по ветру рукавами хитона, строгий, величественный, а его старое, морщинистое, словно выточенное из паросского мрамора, лицо продолжало сохранять полное бесстрашие.

Но вот он медленно опустил руки. Шеренга жрецов тотчас же двинулась по балюстраде Портика к каменным ступеням. Спустившись с Портика, жрецы снова оказались во главе процессии, которая успела к тому времени перестроить свои ряды и принять прежний порядок. Возглавив процессию, жрецы пошли в сторону Римских ворот.

Шествуя мимо уходящей в небо стелы со статуей крылатой Ники, жрецы, а за ними и другие участники процессии поднимали вперёд и вверх левую руку, приветствуя ту, что дарует победу. Когда Вараздат, как и другие поединщики, проходил с приветственно

поднятой рукой мимо стелы с Никой, он заметил за невысокой оградой, отделяющей храм Зевса от остальной части Альтиды, неразлучных братьев и Тироца-армена. Они стояли в окружении небольшой группы соотечественников. Их лица с отрешёнными взорами застыли, и только губы чуть заметно шевелились, моля даровать победу единственному среди поединщиков варвару, представителю маленького, но сильного духом народа, обитающего у самого неба, по соседству с богами, в неприступных горах, за три сотни фарсахов¹ от прекрасной Эллады.

Двое стражников огромного роста в традиционных одеяниях римских воинов с секирами в руках были живым напоминанием мощи и величия обеих римских империй, раскинувшихся на берегах двух морей и подчинивших своему господству не менее половины государств мира.

Миновав ворота, жрецы ещё некоторое время шли прямо, пока не оказались перед центральным входом в Булевтерий, возвышающийся у южной стены Альтиды.

Огромное чрево Булевтерия без видимых усилий приняло жрецов, элланодиков, атлетов, представителей официальных посольств и греческих колоний. Двое стражников решительно преградили вход в здание всем остальным. Ведя лошадей под уздцы, рабы поставили колесницы справа и слева от больших деревянных ворот.

Лавина зрителей, находившаяся на территории Альтиды, вытекла из Римских ворот вслед за процессией и присоединилась к тем, кто стоял перед Булевтерием с раннего утра в надежде услышать слова священной клятвы — последнего ритуала перед состязаниями. Вскоре всё пространство перед Булевтерием заполнилось людьми. Было тихо, все молчали, остерегаясь, очевидно, гнева Зевса Хоркиоса и боясь помешать таинству клятвоприношения.

Войдя во внутренние помещения Булевтерия, Варздат с интересом осмотрелся. Ему не приходилось бывать тут ранее. Резким контрастом с уличной жарой воспринималась царившая здесь прохлада. Стены и потолок приёмной были расписаны сценами из эллинской мифологии. Тщательность отделки, яркие краски, богатство сюжетов свидетельствовали о высоком мастерстве художников, выполнявших эту работу.

Миновав приёмную, процессия вышла во внутренний двор Булевтерия. Согласно традиции, клятву Зевсу Хоркиосу давали под открытым небом. Суровая каменная кладка стен и голубое небо над головой создавали чувство отрешённости от мирской суеты.

По знаку элланодиков, которые должны были принять торжественную присягу атлетов, вперёд выступили представители заморских колоний и официальных посольств. Они прошли в противоположный конец двора и заняли место справа и слева от большой статуи Зевса Хоркиоса. Выполненная из чёрного дерева, слоновой кости и золота, эта статуя намного уступала, конечно, по размерам и внушительности той, что находилась в храме Зевса в Альтиде. Но статуя Зевса Хоркиоса была, пожалуй, выразительнее. Ваятель изобразил Громовержца разгневанным. На его грозном лице горели всевидящие очи. Достаточно было любому из смертных поднять глаза на божество, как его взгляд встречался с пронзительным взором Громовержца, вне зависимости от того, на каком расстоянии от статуи он находился.

Впечатление неотвратимости наказания за нарушение клятвы усиливалось и самой позой Зевса, который не только пристально вглядывался в тех, кто присутствовал при клятвоприношении, но и держал в каждой руке по чёрной молнии, готовый поразить любого клятвоотступника, независимо от его положения и заслуг.

Церемония клятвоприношения была длительной. Она держала в постоянном напряжении всех участников торжественной церемонии и была ещё одним испытанием

¹ Один фарсах равен 5250 м (перс.).

крепости духа атлетов перед Играми. Один за другим атлеты подходили к подножию статуи и, подняв вверх и вперёд левую руку, произносили торжественный текст клятвы. Но прежде, чем в зале Булеверия зазвучали первые слова клятвы, жрецы подвели к подножию статуи огромного кабана, отловленного в лесах Аркадии, и всадили ему под левую лопатку длинный, узкий нож. Поражённый в сердце кабан ещё издавал хриплые звуки, когда первый атлет произнёс начальные слова клятвы. Кулачных бойцов приводили к присяге в самом конце церемонии — перед возникшими квадриг.

Пройдя к балюстраде, огораживавшей статую, Вараздат положил правую руку на барьер и, подняв левую, посмотрел в глаза божеству. Ему показалось, что взор Зевса, за минуту до этого устремлённый в конец двора, теперь упёрся в него. Под этим взглядом храбрый поединщик почувствовал невольное беспокойство. Правда, внешне он не проявил своего волнения, но когда стал произносить первые слова клятвы, не узнал своего голоса. Гулкое эхо разносило по внутреннему двору Булеверия чей-то чужой, вибрирующий от волнения голос.

— Именем бога богов, верховного бога Эллады, сына мудрого Крона, брата несравненного Посейдона и Аида, мужа прекрасной Геры, блюстителя справедливости, клятв и гостеприимства, Собирателя туч и Громовержца, всемогущего Зевса я, поединщик Вараздат, сын Аноба из Артаксаты, клянусь, что готовился, согласно законам Ликурга, десять месяцев, не жалея сил своих, что прошёл тридцатидневное обучение в Элиде, строго следуя наставлениям педотрибов, и теперь перед образом всемогущего заявляю, что готов выступить в освящённых веками и угодных великому Зевсу Играх Олимпии. Клянусь строго соблюдать все предписываемые состязаниями правила и вести честную борьбу во славу богов, мира и своего родного города! Если же я нарушу каким-либо образом правила честной борьбы, если преступлю клятву Зевсу Хоркиосу, пусть поразит меня насмерть молниями могучий Зевс, пусть имя моё, имена моих родителей и моего родного города навечно покроются позором, а свободорожденные граждане империи предадут меня проклятью и презрению!

Произнеся последние слова клятвы, Вараздат вытянул руки вдоль тела и, дождавшись знака элланодика, стоявшего у статуи Зевса, направился к своему месту, продолжая чувствовать на своём затылке пронизывающий взгляд Зевса. Короткая процедура клятвоприношения отняла у него много сил. Он чувствовал себя так, будто бился полдня на арене с превосходящим его по весу и силе кулачным бойцом.

Подходя к своему месту, он увидел Никандра, который, в свою очередь, шёл к Зевсу для принесения клятвы. Брат Деметры смотрел прямо перед собой, весь во власти притягивающего к себе взгляда Громовержца.

«Он уже приносил клятву четыре года назад, но трепещет, как в первый раз», — невольно подумал Вараздат и, вспомнив историю неудачного выступления Никандра в гонке квадриг на прошлых Играх, от всего сердца пожелал удачи этому мужественному юноше.

Последний атлет принёс клятву Зевсу. Но до конца церемонии было ещё далеко. Над тушей принесённого в жертву кабана готовились давать клятву элланодики. Строгие номофилаки с безучастным видом стояли в отдалении за статуей Зевса. Они уже сделали своё дело: подготовили элланодиков к выполнению ими своих обязанностей. Их помощь больше не требовалась. Считалось, что за десятимесячный период обучения номофилаки передали элланодикам всё, что знали о состязаниях и правилах их проведения.

Клятва элланодиков отличалась от клятвы, которую приносили атлеты. Прежде всего они клялись строго следить за неукоснительным соблюдением правил состязаний. Они клялись в том, что без колебаний накажут любого атлета, невзирая на лица, будь он

новичок или даже олимпиец, если он нарушит правила состязаний или ведения поединка.

Когда последний, десятый, элланодик возвратился на своё место к подножию статуи, послышались нежные звуки флейты. Через минуту к ним присоединился хор девушек, стоявших дотоле на небольшом возвышении за статуей Зевса. Зазвучал торжественный гимн.

Вараздат, как и большинство атлетов, не мог, как ни старался, разобрать ни одного слова. И это было неудивительно, потому что гимн по традиции исполнялся на дорическом наречии, которым владели немногие из присутствовавших. Но величественная мелодия гимна, выразительность исполнения, торжественность обстановки и сама церемония клятвоприношения не оставляли никакого сомнения в том, что гимн исполнялся в честь Зевса и других богов Эллады. Хор прославлял героические подвиги Геракла, воспевал доблести героев-атлетов, молил богов вдохновить участников Игр мужественными примерами, столь многочисленными в богатой событиями истории Эллады.

Для толпы, заполнившей площадь перед Булевтерием, звуки гимна явились сигналом к началу праздника. На многочисленных алтарях Альтиды почти одновременно вспыхнули костры. Родные, близкие и друзья атлетов закалывали жертвенных животных во славу Игр, во исполнение своих желаний. В лучах заходящего солнца над жертвенниками Альтиды курился дым, в то время как по всей Олимпии, и особенно в раскинутом недавно палаточном лагере, загремела музыка. Люди пели, плясали, присаживались к столам, на которых в огромных мисках аппетитно дымились куски баранины, принесённые сюда из Олимпии после жертвоприношений.

— Дорогу участникам Игр! Слава Зевсу! Дорогу доблестным состязателям и поединщикам! Да здравствует Геракл! Дорогу элланодикам и жрецам! Привет посольствам стран и городов! — без усталости выкрикивал глашатай, размахивая длинным древком с флагом олимпийских празднеств — белым полотнищем, на котором изображены семь разноцветных колец.

Белый цвет и яркие краски радуги были официальными цветами атлетических Игр в Олимпии. Дневной свет, преломляясь в мельчайших каплях росы или дождя, проходя сквозь призму кварцевого камня, превращался в семь цветов. Вот почему на флаге Олимпийских игр, на белом его фоне, покоились семь разноцветных колец. Самое большое — красного цвета, следующее, внутри него, — оранжевого, ещё, поменьше, — жёлтого, затем — зелёного, голубого, синего и фиолетового. В середине этого семицветного кольца оставался маленький белый круг.

Толпа подалась назад — из Булевтерия показалась процессия. Первыми опять шествовали элланодики. Через Римские ворота они вновь вошли в Альтиду и круто свернули налево. Этот путь вёл вдоль южной стены к Парадным воротам. В том месте, где процессия сворачивала налево, участники Игр поднимали в приветствии руку, салютуя Nike, парящей над их головами.

Миновав стелу, участники опускали руки, но продолжали смотреть направо. И вовсе не потому, что этого требовал церемониал. Их притягивали статуи, установленные в честь олимпийцев разных лет. Проходя мимо них, каждый думал о своём. Одни отдавали дань уважения успехам своих предшественников, другие смотрели на статуи, чтобы вдохновить себя на атлетические подвиги, третьи возносили хвалу Зевсу. И каждый мечтал о победе, о таком памятнике, на котором будет высечено его имя.

Между тем элланодики, возглавлявшие колонну, уже скрылись в Парадных воротах. Постепенно и остальные участники процессии покинули священную Альтиду. Они шагали

по Дороге шествий мимо терм и Феоколеона в гимнасий и палестру, где им предстояло дожидаться вызова на стадион.

Ничто не должно было тревожить сон атлетов перед Играми. Они шли, чтобы отдохнуть от впечатлений первого дня и набраться сил перед испытаниями, которые им предстояли в дни Игр. Правда, далеко не всем атлетам удалось уснуть сразу. Некоторые, и в их числе Вараздат, ещё долго лежали в темноте, не смыкая глаз, ловя отдалённые звуки веселья, бурлившего в Олимпии.

Несмотря на поздний час, гулянье только разгоралось. Четыре года Олимпия ждала очередных Игр. И теперь, дождавшись, предавалась бурной радости. Это был великий праздник, никого не оставивший равнодушным. Не только язычников, боги которых сами совершали атлетические подвиги, но и христиан, которым вера запрещала восхваление телесной красоты и физической силы. Все, кто находился в эти дни в Олимпии, были захвачены праздничным вихрем.

Гулянье продолжалось до самой полуночи. Затихло оно лишь после того, как трубач протрубил коротко и тонко, возвещая, что первый день Олимпийских игр, день, посвящённый жертвоприношениям и умиротворению богов, закончился. Но люди, заполнившие Альтиду, площади Олимпии и улицы палаточного городка, не спешили разойтись на ночлег. Толпа хлынула на стадион. Ночлег на мраморных ступенях стадиона не сулил, конечно, сладкого сна, но давал редкую возможность занять наиболее удобные трибуны. Правда, на гигантском стадионе, вмещавшем почти сорок тысяч зрителей, почти не было сидячих мест. Но в праздничную ночь на стадионе собралось, конечно, не сорок тысяч, а гораздо меньше предусмотрительных гостей Олимпии, и им хватило места, чтобы растянуться на прохладном мраморе и отдохнуть под звёздным небом перед началом состязаний.

Братья, как всегда неразлучные, провели весь вечер в обществе своих земляков. А когда настало время расходиться, Карен обратился к Тироцу-армену:

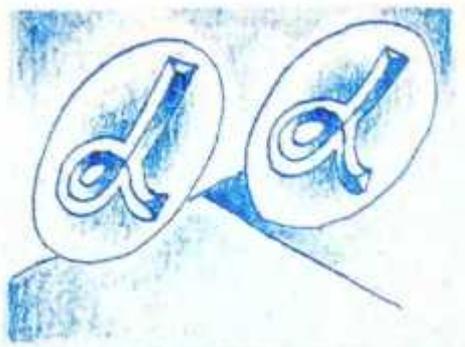
— Мы пойдём на стадион и постараемся занять хорошие места для себя и для вас. Встретимся утром на трибунах.

— Милые мои, — отвечал купец, — спасибо за заботу, но идите-ка лучше спать. Мои люди уже давно на стадионе. И когда завтра начнутся состязания, нас с вами будут ждать самые лучшие места.

Юноши, не раз участвовавшие в сражениях и не знавшие усталости в трудных походах, были утомлены до крайности из-за множества впечатлений, обрушившихся на них в этот день. Они не дали себя долго упрашивать и без лишних слов последовали совету Тироца-армена.

Глава V

Жребий судьбы

Шёл третий день Игр 291-й Олимпиады. Впрочем, они уже успели получить своё наименование — стали называться Играми Никострата. Этим они были обязаны смуглому стройному юноше, сыну Ксенофонта из Спарты, который в свои восемнадцать лет стал победителем в беге на один стадий. Дистанцию в шестьсот ступней Геракла Никострат преодолел как ветер, опередив ближайшего соперника на два корпуса. И теперь он сидел на мраморной трибуне стадиона, окружённый родными и друзьями, в то время как поэты готовили в его честь хвалебные оды, которые должны были прозвучать в Пританее во время церемонии награждения. До этого торжественного события оставалось ещё целых два дня. Сегодня утром прошли состязания борцов и пентатлов, после полудня предстояли кулачные поединки, а на завтра были назначены гонки колесниц. Победители получали свои награды лишь в пятый день Игр.

Накануне за великолепным успехом юного Никострата последовали красивые победы других атлетов: бегунов и метателей. Два стадия быстрее всех пробежал Дамоксенид из Старого Коринфа, что в Арголиде. Лучшим в изнурительном беге на долихос был Филет из Александрии. В метании диска отличился Ксенокл из фокидского города Дельфы, в метании копья — Рексип из Пизы, а в прыжках в длину — другой житель Пизы, Меналк.

Карен и Арсен не пропускали ни одного состязания. Их постоянными спутницами были Деметра и Фату. Короткая эксомида нубийки и её ярко-жёлтый гиматион несколько не уступали по роскоши одеянию хозяйки. У Арсена ещё свежи были воспоминания о поездке в Египет, он мечтал изваять когда-нибудь скульптуру чернокожей девушки и сейчас с удовольствием наблюдал за мягкой грацией Фату.

Четверо молодых людей проводили целые дни на стадионе. Чужестранцев особенно заинтересовали выступления копьеметателей и прыгунов. Для того чтобы бросить копье дальше и придать ему лучшую устойчивость в полёте, атлеты использовали тонкий кожаный шнурок. Они обвязывали им середину древка. Один конец шнурка прикреплялся к копью, другой, с небольшой петлёй на конце, оставался в руках копьеметателя. Разбежавшись и метнув копье, атлет продолжал удерживать в течение нескольких мгновений шнур указательным и средним пальцами, что придавало копью вращательное движение, а следовательно, и нужную устойчивость.

Интересной была и техника прыжка в длину. В руках у прыгунов были гальтеры — гири из бронзы, подобранные по весу индивидуально для каждого атлета. Эти гальтеры напоминали четвертушки яблока с отверстием в середине для захвата. Разбежавшись и оттолкнувшись от небольшой каменной плиты — батареи, атлет выбрасывал вперёд руки с гирями, увеличивая таким образом скорость полёта. При приземлении прыгун отводил

одновременно руки с гирями назад, чтобы, оттолкнувшись одной ногой, вновь выбросить вперёд руки, приземлиться на другую ногу и совершить третий прыжок. В зачёт шла сумма трёх прыжков, которая у лучших прыгунов превышала полуплетр¹.

Борьба на дорожках и аренах олимпийского стадиона была упорной. В первые два дня состязаний никому из победителей предыдущих Игр не удалось сохранить своё звание, хотя трое олимпиоников пытались этого добиться. Лишь утром третьего дня, когда победу оспаривали пентатлы, Пантарк из Родоса сумел повторить успех, которого он достиг четыре года назад. В финале состязаний на борцовскую арену вышли два атлета, показавшие лучшие результаты в беге, прыжках в длину, метании диска и копья: олимпионик Пантарк и молодой гигант из Мантинеи Алкид. Уверенный в себе Алкид готовился к длительной схватке, надеясь утомить своего старшего по возрасту соперника и одолеть его. Однако опыт взял верх над самонадеянной молодостью. Крепко ухватив руку Алкида, Пантарк изловчился и бросил соперника на песок.

В третий день Игр Деметра, Фату и оба молодых чужестранца были с утра на трибунах. Во время большого перерыва, который разделял утренние и вечерние состязания, молодые люди пообедали в трапезной, созданной на время Игр рядом со стадионом. Затем они вернулись на трибуны, с нетерпением ожидая того момента, когда судьи вызовут на песчаную площадку кулачных бойцов.

Народу на трибунах в этот вечер было как никогда много. Жители Элиды знали толк в кулачных поединках, элидские поединщики не раз выходили победителями соревнований. Серьёзную конкуренцию им могли бы составить лишь поединщики Спарты. Но, к счастью для элидских атлетов, спартанцы никогда не участвовали в кулачных боях, хотя именно они изобрели этот вид состязаний. Кулачный бой входил в подготовку спартанских воинов. Для успешного ведения рукопашных схваток нужно было неустанно тренировать обе руки: левую, которая держала щит, чтобы умело парировать им удары вражеского меча; и правую, которая должна была быть особенно крепкой, чтобы удерживать оружие и наносить им разящие удары.

Тренировка спартанских воинов была чисто прикладным, военным занятием. Спартанцы не относились к кулачному бою как к виду атлетических состязаний. Они считали ниже своего достоинства выступать в кулачном поединке. Одно дело поле битвы — там ставкой была жизнь. Быть побеждённым в бою и заплатить за поражение своей жизнью почётно. Другое дело поединок на стадионе. Проиграть его на глазах у зрителей было, по мнению спартанцев, просто унижительно. Своё отрицательное отношение к кулачному бою как виду состязаний спартанцы сохранили на протяжении всей истории Олимпийских игр.

...Наконец в слепополуденной тиши протяжно пропела труба, и тотчас же появились номофилаки. Их бесстрастные лица казались ещё бледнее на фоне иссиня-чёрных гиматионов, накинутых на плечи служителей Олимпии, призванных следить за ходом состязаний. Номофилаки уселись в специально отведённые для них кресла на белой мраморной террасе, над которой возвышалась чёрная, также из мрамора, трибуна с неподвижно восседавшими на ней жрецами, одетыми во всё белое.

Элланодики, посланные за поединщиками в палестру, были, судя по времени, на подступах к крипте. Наконец из тоннеля показалась голова первого элланодика, увенчанная ветвями оливы. Все десять элланодиков в пурпурных плащах арбитров при полном молчании публики поднялись на возвышение напротив арены, ниже того места, где уже сидели жрецы и номофилаки. У одного из них — агонифета — в венок была

¹ Около 15,5 м.

вплетена пурпурная лента в знак того, что он находился при исполнении своих непосредственных обязанностей.

Затем из крипты показалась голова первого из поединщиков. Группа зрителей, в которых по одежаниям легко можно было распознать жителей Крита, встретила появление атлета приветственными возгласами. Сомнений быть не могло: этот поединщик был их земляком. И действительно, когда гигант в синем гиматионе, с копной кудрявых волос полностью выбрался из подземелья, любители кулачных боёв без труда узнали в нём многократного, хотя и неудачливого, участника олимпийских состязаний критянина Дамарета.

Следом за ним один за другим из тоннеля вышли и остальные поединщики. Появление каждого из них вызывало ликование трибун. Вараздат шёл предпоследним. Как и другие атлеты, он был одет в тонкий шерстяной гиматион. Поединщик мог выбрать для гиматиона любой цвет — на свой вкус. Вараздат предпочёл оранжевый. Накинутый на правое плечо гиматион был прихвачен тонким кожаным шнуром вместо пояса. Появление Вараздата на стадионе вызвало бурю восторга. Правда, его приветствовали скорее не как атлета, а как доблестного мужа. Подвиг чужестранца продолжал оставаться главной темой разговоров служителей и гостей Олимпии. Мало кто из них видел до сих пор самого смельчака. Теперь он предстал перед зрителями.

Восемь атлетов выстроились полукругом перед резным столиком из красного дерева и слоновой кости, установленным в центре арены. А на столе, сверкая в лучах солнца, стояла большая серебряная урна великолепной старинной чеканки. То была священная урна Зевса, извлекаемая из святилища Громовержца лишь раз в четыре года специально для торжественной церемонии проведения жеребьёвки, или, как официально гласили правила Игр, для определения жребия судьбы.

Повинуясь жесту агонифета, слуга администрации — керикс — опустил в урну горсть золотых, размером с фасолину жребиев с нанесёнными на них буквами. На каждой паре жребиев была выбита одна и та же буква. Два атлета, которым выпадали одинаковые буквы, составляли пару на поединок. Ещё четырежды звучала труба, прежде чем элланодик-распорядитель взял в руки кусок, телячьей кожи — леукому с выписанными на ней именами участников и, дождавшись полнейшей тишины, произнёс на греческий лад имя первого из них.

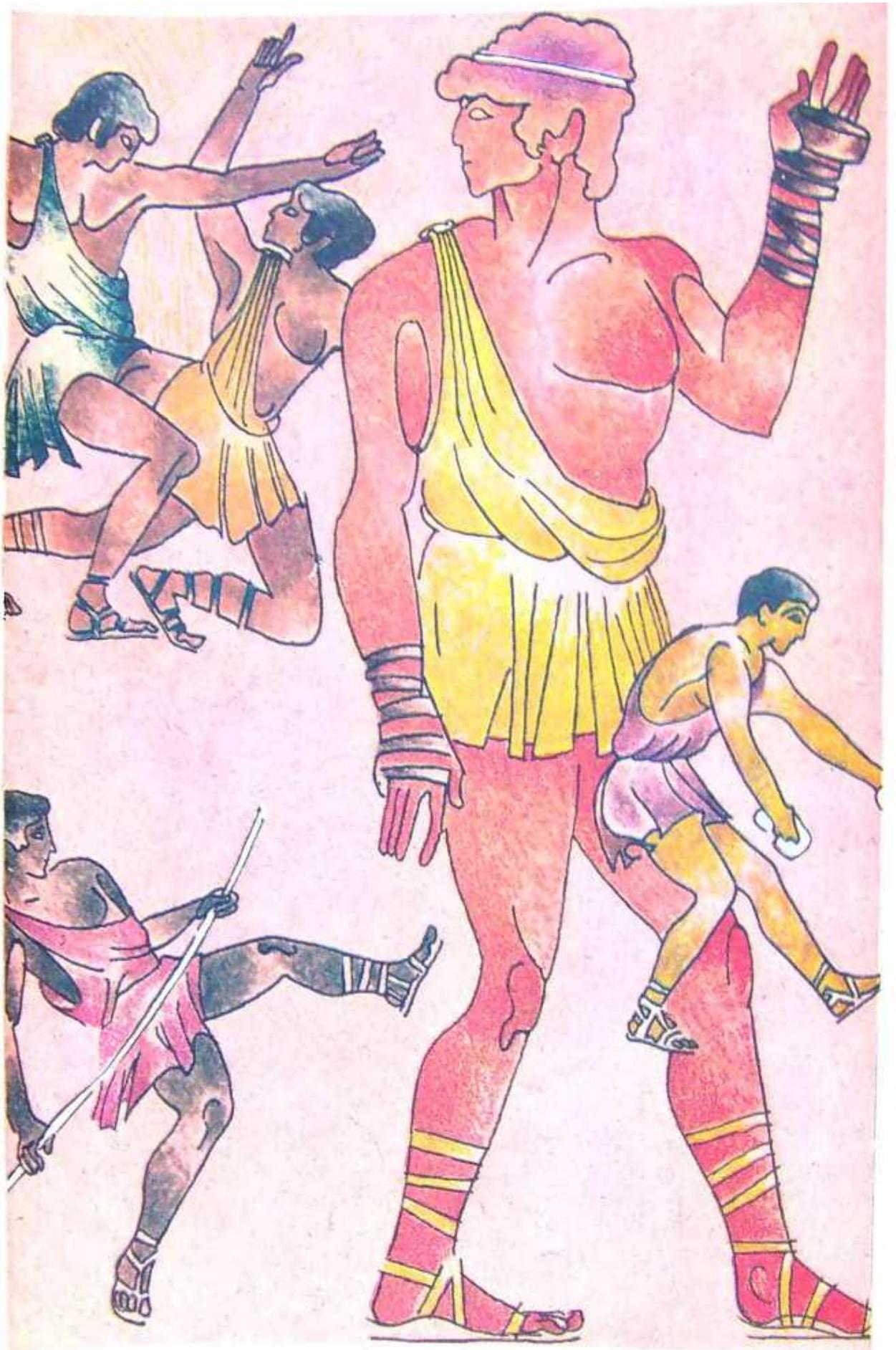
— Дамаретос, сын Энатионаса с Крита!

Высоченный керикс, одетый во всё белое и перевязанный широким красным поясом, подошёл к поединщику Дамарету, выступившему из рядов с приветственно поднятыми руками, и, положив, как того требовала традиция, руку ему на голову, повёл вдоль трибун.

Стоявший рядом с агонифетом глашатай громко произнёс в наступившей тишине:

— Все ли вы, счастливые гости Олимпии, согласны с тем, что этот атлет является свободным и достойным гражданином? Всегда ли его поведение было безукоризненным? Не может ли кто из присутствующих обвинить его в преступлении? Подтверждаете ли вы решение элланодиков допустить его к состязаниям?

Одобрительный гул трибун был ему ответом. Впрочем, вся эта процедура носила формальный характер и была лишь данью традициям. Задолго до начала тридцатидневной подготовки в Элиде, а также в ходе неё агенты — криптии Олимпии старательно наводили справки о всех атлетах и допускали к заключительному дню лишь тех из них, чьё прошлое и настоящее оказывались безупречными.

Однако устроители Игр строго следовали принятой процедуре. За десяток с лишним веков со времени учреждения Олимпийских игр из этого текста выпало лишь одно слово — «Эллада», стоявшее в конце первой фразы. Ранее глашатай спрашивал, является ли атлет «свободным и достойным гражданином Эллады». Но с тех пор, как Греция была завоёвана Римом и к участию в Играх стали допускаться римляне, а позже и чужестранцы, слово «Эллада» выпало из официального текста обращения.

Керикс подвёл Дамарета к столику с урной Зевса. Критянин протянул руку за жребием, как вдруг был остановлен громовым возгласом, донёвшимся с верхнего ряда трибун. Зрители повернули головы, пытаясь что-нибудь разглядеть. Однако солнце, светившее с той стороны, откуда послышался голос, слепило глаза. Было лишь видно, что кто-то в зелёном гиматионе спускается вниз по ступеням. Дойдя до конца трибун, он повторил, подняв вверх правую руку:

— Прошу слова!

С первого взгляда на этого исполина становилось ясно, что он — опытный кулачный боец. От него веяло уверенной силой. Свёрнутый нос, многочисленные шрамы на лице и особенно сплюснутые, совершенно разбитые уши придавали лицу свирепость. Он скрестил руки на груди, пряча огромные кулаки, и ждал знака, чтобы продолжать. Понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы элланодики и многие из зрителей узнали в незнакомце знаменитого олимпийщика Эпикрада из Афин, атлета, оказавшегося победителем в состязаниях по кулачному бою на двух предыдущих Играх кряду.

— Говори, Эпикрад, — разрешил ему элланодик-распорядитель. — Ты возражаешь против участия в состязаниях Дамарета?

— Нет, — ответствовал великан. — Я хочу быть включённым в число участников кулачных поединков.

Ответ Эпикрада вызвал на трибунах шум. Зрители восторженно приветствовали двукратного олимпийщика. Те, кто видел его на арене и знал мощь его ударов, уже предвкушали удовольствие, которое они получают от поединков с его участием. Другие спрашивали у сидящих рядом, как может претендовать на участие в Играх поединщик, который не прошёл обязательную для всех тридцатидневную подготовку в Элиде?

Именно этот вопрос задал Деметре Арсен. А Карен добавил с уверенностью:

— Ему, конечно, будет отказано, не так ли, Деметра?

— Увы, — отвечала гречанка, которая с появлением Эпикрада явно заволновалась. — Атлеты, добившиеся титула олимпийщика, освобождаются от обязательной подготовки в Элиде и имеют право на участие в состязаниях, если заявляют об этом до жеребьёвки.

Ответ гречанки огорчил братьев. Эпикрад был, несомненно, первым кандидатом на победу в олимпийском турнире. Это был зрелый муж, имевший опыт множества кулачных состязаний. Его две блестящие победы на Олимпийских играх говорили сами за себя.

Между тем элланодики провели короткое совещание, и распорядитель объявил, что олимпийщик Эпикрад включается, согласно правилам Игр, в число участников состязаний. Новый претендент на победу встал в общий строй, а керикс по указанию элланодиков опустил в священную урну ещё один жребий, непарный, с изображением буквы «сигма».

Увеличение числа участников до девяти вызвало дополнительный интерес к розыгрышу жребия. Дело в том, что, согласно правилам, поединщик, вытянувший непарный жребий, получал огромное преимущество: сразу выходил в финал. Ему предстояло провести лишь одну встречу — с соперником, который уже успеет устать в предыдущих трудных поединках. В таких случаях победа, как правило, доставалась более свежему сопернику. Он провозглашался олимпийщиком, хотя и получал неофициальное прозвище «эфедр», то есть атлет, вышедший в финал без боя. Такая победа ценилась не

очень высоко. Но правило есть правило. К тому же то, что атлет победил будучи эфедром, вскоре забывалось, а титул олимпийщика сохранялся у него навсегда.

Всё это время Дамарет с нетерпением переминался с ноги на ногу. Наконец он получил разрешение подойти к священной урне. Элланодик, принявший у него из рук вытасченный им жребий, громко возвестил: «Дельта!» И пока критянин возвращался на своё место, распорядитель вызвал следующего атлета. Им оказался Дамиск, сын Филета из Сицилии. Разумеется, имя его было произнесено на греческий манер: «Дамискос, сын Филетаса из Сицилии». Сопровождаемый традиционным возгласом глашатая, керикс вновь повёл поединщика перед трибунами, положив ему руку на голову. Затем атлет стал тянуть жребий. Ему попался «эпсилон».

А на арену вызывались всё новые и новые участники:

— Эперастос, сын Перонимаса из Олимпии!

— Патакос, сын Марионаса из Галлии!

Поединщики в ярких разноцветных гиматиях совершали круг, подходили к урне Зевса и, вытянув жребий, возвращались в строй.

— Вараздатэс, сын Анобаса из Артаксаты!

Атлет в оранжевом гиматии сделал шаг вперёд, поднял левую руку и улыбнулся. Зрители откликнулись одобрительными возгласами. Однако там, где сидела Деметра с братьями и где находился в окружении соотечественников купец Тироц, слышались свист и улюлюканье. Деметра в растерянности оглянулась на братьев.

— Видишь ли, Деметра, — отозвался на немой вопрос гречанки Арсен, — виновата традиция. Хотя чужестранцы уже давно стали равноправными участниками Игр, организаторы состязаний всё же продолжают произносить их имена на греческий манер. Им кажется, что этим они как бы оберегают Игры от участия в них варваров. Вот почему Вараздат превратился в Вараздатэса, а его отец — в Анобаса. Но это не может нравиться землякам Вараздата.

Шум и возгласы недовольства в окружении Тироца-армена прекратились лишь после того, как Вараздат поднял обе руки ладонями вперёд, прося своих соотечественников успокоиться. И когда керикс повёл его вдоль трибун, ответом на вопросы глашатая было единодушное одобрение публики.

Деметре очень хотелось, чтобы поединщик увидел её. Впрочем, не заметить её было трудно. Она была в очень короткой золотистой эксомиде, её красивые ноги были обуты в такие же золотистые сандалии, чёрные волосы собраны вверху у затылка, шею украшало великолепное ожерелье из небесно-голубого берилла, в ушах горели такие же серьги, а оба запястья были схвачены золотыми браслетами с вкрапленными в них голубыми камнями. Вместе с темнокожей, изящно одетой Фату они были самым ярким пятном на трибуне.

Вараздат замедлил шаг и едва заметно кивнул. Этот жест, несомненно, относился и к братьям. Но Деметра приняла его целиком на свой счёт и зарделась от удовольствия. Между тем, совершив круг, Вараздат подошёл к столику и опустил руку в священную урну.

На золотой фасолине, которую вытянул поединщик, значилась «альфа» — первая буква алфавита. Вскоре стал известен и соперник Вараздата. Им оказался Филон из столичного города Константинополя, именовавшегося ранее Византием и давшего впоследствии название всей Восточной Римской империи.

Поединщиков поставили рядом. Черноволосый византиец был несколько выше Вараздата и поэтому казался тоньше, если можно так сказать об атлете, вес которого близок к четырём талантам¹.

¹ Один талант — 26 кг.

Жребий определил судьбу большинства поединщиков, когда распорядитель пригласил к столу с урной Зевса олимпийщика Эпикрада. Афинянин властным движением руки достал свой жребий и передал его распорядителю.

— Сигма! — воскликнул элланодик.

Публика на трибунах, затаившая на мгновение дыхание, вдруг разом зашумела. Состязания по кулачному бою грозили превратиться в фарс. Фаворит турнира двукратный олимпийщик Эпикрад вытащил «сигму» — непарный жребий, опущенный в священную урну словно специально для него. Это означало, что афинянин освобождается от всех боёв и сразу выходит в финал. Одна победа отделяла, таким образом, Эпикрада от исключительной возможности стать трижды олимпийщиком. Правда, это была бы победа эфедра. Достояна ли такая победа его, Эпикрада?

Зрители, среди которых было много афинян, а также друзья и близкие Эпикрада бурно выражали свою радость. Однако большая часть публики протестовала против такого оборота дела. Им претило это архаичное правило, дававшее незаслуженное преимущество одному из поединщиков. Вопрос о пересмотре этого положения не раз поднимался в Верховном совете Олимпии, но каждый раз оно оставалось без изменений. Жрецы, номофилаки и элланодики не считали нужным изменять условия олимпийских состязаний, зафиксированные в законах Ликурга. Ими устроители Олимпийских игр руководствовались уже почти двенадцать столетий. Правда, в то время, когда были приняты законы, кулачный бой не входил в программу Игр. Законы жеребьёвки касались бега на стадий. Но позже, с введением в программу Игр 23-й Олимпиады кулачных состязаний, их положения были распространены и на кулачные поединки.

Распорядитель потребовал тишины, подняв руку, и коротко бросил:

— Таков жребий!

Но публика продолжала неистовствовать. И тогда афинянин поднял вверх правую руку и, едва дождавшись тишины, гневно произнёс, чеканя каждое слово:

— Я, олимпийщик Эпикрад, сын Крокона из Афин, участвовал бесстрашно почти во всех кулачных состязаниях, проводимых за последние две Олимпиады в Ахайе. В Олимпии глашатаи дважды трубили мне славу и дважды возлагали на моё чело венки из ветвей священной маслины. В Дельфах я потерял ухо. В Платэе мне разбили надбровные дуги, о переломах носа я не говорю — так часто это случалось. В прошлом году в Коринфе я рухнул на песок спустя несколько мгновений после того, как мой соперник признал своё поражение. И всякий раз Крокон, мой отец, вместе с моими земляками был готов унести меня с арены раненым или мёртвым. Я всегда побеждал в честном бою. И если боги решили сделать так, чтобы я бился сразу в финале, значит, такова их воля.

Обведя взглядом притихшие трибуны, Эпикрад продолжал:

— У входа в храм Зевса стоят две статуи, отлитые Афинами в честь моих побед. Об этом говорят надписи на них. Но посмотрите на эти великолепные зевсоподобные изваяния! Разве они похожи на меня, Эпикрада из Афин? Нет, конечно. Потому что лишь третья победа на Играх даёт олимпийщику право на портретное сходство. Я молил об этом всех богов Эллады, принёс не одну жертву богине Nike, и вот мои мольбы услышаны. Всемогущий Зевс облегчил мою задачу, предназначив мне непарный жребий. Моя мечта исполняется, и я, подобно легендарному поединщику Диагору, смогу вскоре выставить на обозрение свою портретную статую в полный рост.

Произнеся эти слова, Эпикрад расправил плечи и гордо оглядел трибуны. По умолкнувшим было рядам вновь прокатился гул. Он нарастал и наконец, заклокотав, достиг апогея. Зрители явно разделились на два лагеря. Одни рукоплесканиями и криками приветствовали смелую речь Эпикрада, другие освистывали её, считая похвальбу недостойной олимпийщика. К тому же третья победа ещё не была Эпикрадовой, её

предстояло добыть. И, наверное, поэтому Эпикрад сделал шаг вперёд и гневно бросил в сторону бушующих трибун:

— Это обо мне сказал моей матери педотриб Янис: «Если тебе скажут, что твой сын умер, можешь поверить этому. Но не верь человеку, который станет утверждать, что он был побеждён на олимпийских состязаниях!»

Шум негодования и возгласы восхищения с новой силой вспыхнули на трибунах. Распорядитель тщетно взывал к порядку. Тогда по его знаку все элландики поднялись со своих кресел и, сделав несколько шагов, подошли к балюстраде, ограждавшей их трибуну от стадиона. Это привлекло внимание зрителей и заставило их успокоиться. Агонофет вновь поднял руку, добиваясь полнейшей тишины, и сказал, обращаясь одновременно и к зрителям, и к Эпикраду:

— Таков жребий! Эпикрад будет биться сразу в финале. Что касается воли богов, то мы узнаем об этом после решающего поединка. А тебе, олимпионик, — сказал он, обращаясь уже к одному Эпикраду, — не пристало возносить хвалу самому себе: ты можешь прогневить Зевса. Ступай на место.

Эпикрад молча вернулся в строй. Оставшаяся часть жеребьёвки прошла без приключений. Поликар из Александрии вытянул «эпсилон», и ему предстоял поединок с Дамиском из Сицилии. Дамарету с Крита выпало встретиться с карфагенянином Иккосом, которому тоже досталась «дельта». Одинаковые жребии с изображением буквы «зита» достались Патаку из Галлии и Эперасту из Олимпии. После того как был определён жребий судьбы, поединщики освободили арену. Одни остались на трибунах, в специально отведённых для поединщиков местах, другие скрылись в крипте.

В крипте, сумрачном тоннеле длиной в 32 больших шага, было тихо и прохладно. Здесь можно было отвлечься от предстоящего поединка или, пройдя тоннель, выйти в Альтиду, храмы и алтари которой также благотворно влияли на атлетов и поединщиков, взволнованных предстоящим состязанием. Слева у входа в крипту со стороны Альтиды стояли занёс-базы. Те самые, что были поставлены здесь как напоминание о необходимости вести честную борьбу. И те из атлетов, которые предпочли дожидаться начала своего поединка в крипте, по соседству с занями, имели достаточно пищи для размышлений. Так что место для занёс-баз было выбрано отнюдь не случайно. И Вараздат, который тоже находился в крипте, невольно усмехнулся.

Глава VI

Воля богов

Миг, к которому готовились поединщики в течение целой олимпиады, наконец наступил. Каждый из участников Игр следовал во время подготовки в Элиде предписаниям элланодиков, каждый из них принёс жертву Зевсу, Гермесу-покровителю и другим богам, мечтая о том, чтобы Ника даровала победу именно ему. И теперь каждому из поединщиков предстояло показать всё, на что он способен.

Первыми вступили в бой карфагенянин Иккос и критянин Дамарет. Выставив вперёд левые руки, они медленно кружили в центре площади, изредка нанося друг другу тяжёлые удары правой рукой. Бой шёл довольно долго и казался равным. Лишь кровоточащее ухо Дамарета свидетельствовало о том, что удары Иккоса чаще достигают цели. В самом деле, внимательный глаз уловил бы, что карфагенянин принимает почти все удары соперника на приподнимаемое вовремя левое плечо, в то время как поединщик с Крита пропускает большинство ударов. Почти все они приходились на голову — висок и челюсть, поскольку удары по туловищу запрещались правилами.

Развязка наступила неожиданно. После очередного удара Иккоса Дамарет упал на колени и долго стоял так, как бы решая, продолжать поединок или сдаваться. Его сомнениям положил конец звонкий мальчишеский голос, раздавшийся откуда-то с верхних рядов трибуны:

— Подними палец, Дамарет! Карфагенянин сильнее!

Критянин приблизил к своему лицу кулак и, помедлив ещё немного, вытянул вверх указательный палец. Это была капитуляция. Агонофет подошёл к Иккосу и высоко поднял его правую руку — так объявлялся победитель поединка. Первую победу бурно приветствовали зрители из Карфагена и Туниса. Впрочем, все остальные тоже благосклонно приняли исход поединка, который прошёл в классическом стиле и принёс победу более умелому.

Ещё две пары выходили на белый песок арены, прежде чем глашатай пригласил Филона из Константинополя и чужестранца Вараздата. Византиец был почти на голову выше своего соперника. Кроме того, у него были длинные руки, а это большое преимущество для поединщика. Он вышел на арену уверенным шагом, горя нетерпением скорее начать бой. Однако внимательный взгляд уловил бы некоторую торопливость в движениях Филона, выдававшую его волнение. Вызвано ли это робостью перед Вараздатом, о победах которого на состязаниях в Дельфах Филону, конечно, было известно? Или ему мешала симпатия зрителей к чужестранцу?

— Смелее, Вараздат! Филон не страшнее льва!

— А ну, чужестранец, покажи, на что ты способен!

Вараздат стоял уже в центре площадки и не обращал внимания на выкрики с трибун. По знаку элланодика он стал в стойку и поднял обе руки. И что удивительно, обе руки он держал в почти одинаковом положении — на уровне груди. Филон осторожно приближался к нему с вытянутой левой рукой, в то время как правая со сжатым у подбородка кулаком была готова обрушиться на челюсть противника. Наступая на Вараздата, Филон занял центр арены и стал медленно поворачиваться вокруг своей оси, зорко следя за чужестранцем. Два-три удара, нанесённые справа наотмашь Филоном, хлыстом рассекли воздух и заставили Вараздата быстрее кружить вокруг византийца. Бойцы, по существу, не сближались. Своей протянутой рукой византиец пытался достать левую руку соперника. Но тот упорно избегал этого, сохраняя дистанцию и держа обе руки согнутыми чуть выше пояса. И несмотря на то, что лицо его было открыто, дотянуться до него Филону никак не удавалось: чужестранец каждый раз с непостижимой быстротой отскакивал от кулаков соперника. С трибуны донёсся насмешливый возглас:

— Не робей, чужестранец!

Стойка Вараздата была столь необычна, что часть зрителей решила, будто он недостаточно знаком с канонами ведения боя. На трибуне послышались смешки. И хотя зрители оценили подвижность Вараздата, всё же многие из них с явным неодобрением следили за его действиями, в которых усматривали всё, кроме желанья вести бой до победы.

— Вперёд, Филон!

Этот клич, поданный каким-то зрителем, скорее всего константинопольцем, был подхвачен его земляками, и Филон, пытавшийся ещё несколько раз безуспешно попасть правым кулаком в голову Вараздата, всё сильнее стал насаждать на соперника. В его движениях появились решимость и уверенность. Вараздат продолжал выжидать. Он легко уклонялся от ударов Филона, отступая ровно настолько, чтобы кулак соперника в грубых кожаных сфайрах не доставал до его лица.

— Это игра на краю пропасти. — прошептала Деметра. Следя за кулачными бойцами, она невольно так стиснула руку Фату, что та даже вскрикнула от боли. Не понимая, в чём дело, Деметра перевела взгляд на служанку, виновато улыбнулась ей и затем с волнением взглянула на братьев.

Но на их лицах она не прочла никакой тревоги. Оба с иронией, но очень внимательно следили за ходом поединка.

Когда Филон в очередной раз с размаху ударил в то место, где за мгновение до этого было лицо чужестранца, отпрянувший назад Вараздат сделал небольшой пружинистый скачок к не успевшему развернуться сопернику. Сильные ноги чужестранца словно катапульта выбросили его тело навстречу византийцу. Левая рука, обгоняя тело, стрелой вонзилась в подбородок Филону. Последний по инерции шагнул вперёд, словно не почувствовав боли, готовый ответить ударом на удар. Но вдруг как-то обмяк и повалился навзничь на белый песок.

Всё это произошло в считанные мгновения, и Деметра, просмотревшая этот эпизод, удивлённо взирала на площадку, над которой повисла тишина. Первым пришёл в себя от неожиданности элланодик, руководивший поединком. Убедившись, что византиец не в состоянии продолжать бой, он подошёл к Вараздату и победно вскинул вверх его правую руку. Затем по знаку агонифета два раба стали поднимать Филона. Элланодик вынул из складок своего хитона какой-то миниатюрный сосуд и приложил его к носу византийца. Филон задёргал головой, сознание постепенно возвращалось к нему.

Только теперь зрители стали отдавать себе отчёт в происшедшем. Возгласы одобрения прокатились по стадиону, люди оживлённо переговаривались друг с другом, пытаясь восстановить перипетии поединка.

- Его кулаки быстрее молний!
- Он сбил Филона левой рукой!
- Ну и удар! Боги дали ему займы часть своей силы!

Счастливая Деметра втайне досадовала, что упустила столь интересный момент. Впрочем, внешне она встретила победу Вараздата весьма сдержанно, и только в глазах появилось ликование. Зато Фату не скрывала своих чувств. Она смеялась и, схватив руку Арсена, пыталась изобразить для Деметры заключительную фазу поединка.

А на площадке уже билась новая пара — карфагенянин Иккос и победитель второго боя Патак из Галлии. Эта встреча длилась довольно долго. Патак, мощного телосложения и не очень подвижный, почти совсем не реагировал на действия карфагенянина. Он настойчиво сближался с ним, невзирая на получаемые удары. Его цель была ясна: подойти возможно ближе и решить исход поединка одним ударом. Но соперник старался не дать ему возможности попасть в лицо. Удары Патака приходились то в голову, то в лоб. Причём каждый удар приносил ему всё больше страданий: он разбил себе пальцы правой руки, и теперь его не спасали даже сфайры.

Вскоре удары Патака потеряли живость и стали менее точными. Движения его делались всё медленнее, тогда как кулаки Иккоса попадали то в висок, то в челюсть соперника. Свои сильнейшие удары Иккос наносил правой рукой, поэтому левая сторона лица Патака пострадала больше всего. Глаз его почти закрылся, шрамы от ремней сфайров алели на его смуглой щеке. В момент, когда руки Патака повисли от усталости, Иккос приблизился вплотную к сопернику и стал наносить ему боковые удары. Это были тяжёлые, безжалостные удары. Патак рухнул на песок.

Опершись обеими руками о землю, он бессмысленно озирался вокруг, не помышляя даже о том, чтобы встать. Подошедший элланодик тщетно пытался добиться у него ответа, намерен ли он продолжать бой. Патак продолжал молча сидеть на песке. Давно уже было отменено правило, по которому сидящего на земле соперника можно было бить до тех пор, пока он не признает себя побеждённым. Этим часто пользовались те, у кого не складывался поединок. Они падали на одно колено, чтобы перевести дыхание, и затем, поднявшись, снова продолжали поединок.

Элланодики следили за тем, чтобы кулачные бойцы не злоупотребляли этой возможностью. Поэтому, когда агонифет пришёл к выводу, что галл умышленно тянет время, он без колебаний объявил победителем Иккоса.

Карен и Арсен тут же стали обсуждать манеру боя Иккоса.

— Этот Иккос вовсе не прост!

— Мне кажется, он многому научился у Вараздата. Например, ударам обеими руками!

Это было действительно так. Братья не подозревали, что Иккос, принимавший участие в состязаниях в Дельфах, знал Вараздата, сдружился с ним во время подготовки в Элиде и, оценив его мастерство, стал подражать ему.

— Иккос может стать опасным соперником для Вараздата! — к такому выводу пришли братья. Деметра и Фату молча слушали их.

Вараздат между тем снова стоял на арене. На сей раз его противником был Дамиск из Сицилии. Сложив на груди руки, сицилиец свирепо поглядывал на Вараздата, ожидая начала боя. В своём предыдущем поединке он довольно легко одолел Поликара из Александрии и теперь горел желанием доказать, что богиня Ника покровительствует только ему.

— Не пугай, Дамиск! Чужестранец не из пугливых! Он уступит только силе!

— Сдавайся, Вараздат! Дамиск не Филон! Сицилиец сам заставит тебя есть песок арены!

Вараздат стоял опустив руки в ожидании команды начать бой. По знаку элланодика бойцы стали в стойку. Вараздат — всё так же, со слегка приподнятыми руками, готовый каждое мгновение отпрыгнуть, чтобы сохранить дистанцию. Дамиск — вытянув одну руку и приготовив для удара вторую. Но что это? Рука, которой он собирался держать на дистанции соперника, была правая. А для удара он готовил левую руку. Она у него была много сильнее правой. Этой особенностью обладают немногие, она даёт им ощутимое преимущество. Сопернику неудобно вести поединок с таким необычным партнёром.

Однако в бою с Вараздатом, стойка которого была почти прямосторонней, преимущество Дамиска свелось на нет. Сицилиец почувствовал это сразу же, как только приготовился нанести первый удар левой в висок соперника. Легко маневрируя, Вараздат, как всегда, не подпускал близко соперника. Дамиск растерялся. Несколько несильных ударов чужестранца, скользнувших по лицу Дамиска, вывели его из равновесия, и он довольно открыто пошёл на Вараздата.

— Будь хладнокровнее, Дамиск!

Сицилиец не реагировал на совет. Выставив вперёд правую руку, и без устали размахивая левой, он пытался сблизиться с соперником и нанести ему тяжёлый удар сбоку. Но в момент, когда лицо Вараздата было, казалось, рядом и Дамиск вкладывал всю силу в удар, чужестранец отскакивал, а затем вновь кружил вокруг соперника, словно приглашая его ещё раз попытать своё счастье.

Пот ручьями катился по блестящим от масла телам поединщиков. На арене разворачивался напряжённый бой. Но зрители не чувствовали этого напряжения. Они не видели ударов, крови, боли — всего того, что привлекало их в кулачном поединке. Поведение на арене чужестранца вызвало на трибунах противоречивую реакцию. Одни открыто выражали своё восхищение ловкостью Вараздата, находя в избранной им манере подтверждение высокого мастерства. Другие, в том числе и некоторые из окружения Тироца-армена, считали, что такой стиль обедняет мужественный по своему характеру кулачный бой, а потому не может быть поощрён. Шли такие разговоры:

— Сколько же может длиться поединок?

— Как же элланодики определяют победителя, если ни один из поединщиков не может нанести точный удар?

— Истории известны случаи, когда для определения победителя агонифет назначал серию открытых ударов! Вот это зрелище!

И действительно, так было когда-то в поединке между Креугасом из Эпидамны и Дамоксеном из Сиракуз. В этом случае каждый поочередно получал право ударить в незащищённое лицо соперника — и так до того момента, пока одна из сторон не отказывалась от дальнейшей борьбы. Разумеется, в таких случаях очерёдность ударов определял жребий.

Но в поединке между Вараздатом и Дамиском дело до этого не дошло. Уставший сицилиец, безуспешно тративший силы, чтобы достать кулаком соперника, на какое-то мгновение в изнеможении опустил руки. И тут Вараздат нанёс ему два мощных удара, которые потрясли Дамиска. Глаза сицилийца помутнели, он инстинктивно пытался поднять руки, но новые удары справа и слева по челюсти, а затем прямой удар в лицо полностью лишили его воли к сопротивлению. Удары чужестранец наносил с рассчитанной точностью: ровно такой силы, чтобы сломить сопротивление соперника, но не свалить его с ног.

Это зрителям понравилось. Многие из них повскакивали с мест и, размахивая руками, криками подбадривали Вараздата. И если агонифет не призывал трибуны к тишине, то лишь потому, что было ясно: бой будет вот-вот закончен. И действительно, сицилиец уже совсем опустил руки, не в силах защищать голову. Почти в бессознательном состоянии он

продолжал идти вперёд на отступавшего Варздата, не слыша крика своих соотечественников на трибунах, которые всё ещё надеялись на то, что он сумеет прийти в себя.

Наконец короткий удар в челюсть поставил точку в этом бою. Это был резкий удар средней силы, но состояние Дамиска было таким, что и этого оказалось достаточно, чтобы завершить бой. Трибуны неистовствовали. Гости Олимпии увидели наконец кулачный бой, который они хотели видеть. Правда, это был бой, где удары наносил один боец.

— Да, — радостно вздохнула Деметра, — Варздат умеет драться и побеждать. Сицилиец был очень сильным соперником. И подумать только, ваш друг побеждает, нанося так мало ударов!

— И не получая почти ни одного! — добавил в тон Карен.

И оба рассмеялись.

— Эй, водонос! — окликнула Деметра маленького крепыша, обвешанного плетёными сосудами. — Налей воды! — Она жадно выпила воду, расплатилась и опять приготовилась смотреть.

На арену вновь вызвали Варздата. На этот раз ему предстояло сразиться с Иккосом. Карфагенянин был молодым, но уже достаточно опытным кулачным бойцом. За два года до Игр в Олимпии он вышел победителем на Немейских играх. Победителю кулачных состязаний в Немее предстояло сразиться с дельфийским победителем, и бой этот мог быть финальным, если бы не появление в последнюю минуту двукратного олимпийца из Афин.

Обычно поединщики не разговаривали между собой перед боем. Варздат нарушил традицию и дружелюбно обратился к карфагенянину:

— Ты будешь для меня трудным соперником, Иккос, но я постараюсь тебя победить!

— Я тоже буду стремиться только к победе. Наша дружба от этого не пострадает, Варздат, — ответил Иккос.

Судья не препятствовал обмену фразами между кулачными бойцами, напротив — внимал их разговору с уважением. Зрители шумели, пытаясь предугадать исход не начавшегося ещё поединка. Братья разбирали достоинства Иккоса и вновь сходились во мнении, что он будет трудным противником для Варздата. Деметра участия в разговоре не принимала. Она смотрела на арену и видела только Варздата. Верная Фату тоже притихла и с беспокойством переводила взгляд с арены на свою госпожу.

Публика на трибунах разом стихла, едва только элланодик, руководивший поединком, дал команду к началу. Зрители предвкушали интересный, захватывающий бой.

Оба поединщика, несмотря на свой солидный вес, легко передвигались по песчаной арене и, примериваясь к решительным действиям, наносили друг другу короткие удары левой. Однако ни одному из них не удавалось нанести точный удар. Направление ударов было правильным, но они не достигали цели, так как оба искусно избегали их. Защищаясь, Варздат предпочитал увеличивать дистанцию, отходя назад или ловко уклоняясь. Иккос, более тяжёлый и менее чувствительный к ударам, принимал кулаки соперника на свою левую руку или тоже уклонялся. Ни разу, однако, он не отступил назад под натиском соперника. Напротив, Иккос всё время теснил Варздата, а это создавало впечатление его преимущества.

Не только зрители, но даже номофилаки были захвачены действиями поединщиков. Один из них, наклонясь к другому, произнёс с восхищением:

— Это не только необычный, но прежде всего красивый поединок!

Сидящие рядом номофилаки согласно закивали головами.

Между тем Вараздат уже дважды, контратакуя, сближался с Иккосом и наносил ему левой рукой боковые удары в челюсть. Это были сильные удары, которые вызвали к ответным действиям. Иккос несколько раз показывал обманный удар левой в лицо Вараздата, а затем, подойдя к нему достаточно близко, атаковал правой, которой пытался нанести сильный боковой удар. Но каждый раз его кулаки рассекали воздух. Вараздат успевал в последнее мгновение присесть на своих крепких ногах и послать вдогонку промахнувшемуся карфагенянину удар левой в висок. Раз за разом ремни сфайр оставляли багровые полосы на щеке молодого атлета из Карфагена. Это принудило его разнообразить свои действия.

Сделав вид, что он намерен повторить свой манёвр, Иккос без замаха успешно нанёс левым кулаком весьма чувствительный удар в лицо Вараздата. Это вызвало ответную атаку соперника, и оба несколько секунд обменивались жестокими боковыми ударами. Ударить прямой вытянутой рукой не представлялось возможным, так как бойцы стояли слишком близко друг к другу. Вараздат успевал встречать удары соперника то плечом, то своими кулаками, которые в следующее мгновение доставали подбородок карфагенянина. В то же время Иккос сумел попасть в соперника лишь три-четыре раза.

Конец обмену ударами положил Иккос. Он отпрянул назад и увеличил дистанцию между собой и Вараздатом. Иккос понимал, что для того, чтобы застать врасплох такого противника, как Вараздат, надо каждый раз придумывать что-то новое. Что касается Вараздата, то он выглядел совершенно свежим, и лишь след от сфайры Иккоса на правой скуле говорил о том, что кулаки соперника тоже достигали цели.

— Будь осторожен, Иккос! — советовали тунисцы.

— Бей чаще, Вараздат! — слышалось с другой стороны. — Только удары приносят победу!

Две небольшие группы на трибунах — одна из Туниса, другая из Артаксаты — шумно поддерживали своих любимцев, в то время как остальные зрители с равной благосклонностью встречали удачные действия бойцов.

Поединок был интересным, но развязка оказалась неожиданной и нелепой. Иккос, не раз промахивавшийся после нырков Вараздата под его правую руку, решил изменить направление атаки и ударить значительно ниже, туда, где должна была оказаться после очередного уклона голова соперника. Поэтому, сделав вид, что он хочет ударить левой прямой в лицо, Иккос направил боковой удар правой в грудь, надеясь, что при нырке соперника удар придётся в цель. Однако на сей раз соперник не стал уклоняться, и удар Иккоса правой пришёлся в торс Вараздата. Грубые сфайры прошли по груди соперника, оставив на ней кровавую борозду. Зрители замерли в предчувствии недоброго.

Элланодик тотчас же остановил поединок и громко объявил во внезапно наступившей тишине:

— Иккос из Карфагена, ты отстраняешься от состязаний за нанесение запрещённого удара. А за нарушение правил поединка ты будешь подвергнут ещё и наказанию! Победа присуждается Вараздату из Артаксаты!

Напрасно растерянный Иккос пытался доказать, что удар его был неумышленным, и просил не унижать его наказанием. Элланодик, руководивший боем, был неумолим. Публика разделилась на два лагеря. Характерно, что сторонники Вараздата и Иккоса хранили молчание. Первые из-за того, что хотели не такой победы; вторые оттого, что были подавлены случившимся. Зато почти все остальные зрители возмущались Иккосом. На их памяти это был первый случай за последние три или четыре олимпиады, когда кулачный боец нарушал правила ведения поединка.

Дюжие рабы уже держали за руки Иккоса, готовя его к порке, которую скорые на суд элланодики осуществляли обычно без всякого промедления тут же, в присутствии зрителей, в назидание другим состязателям и поединщикам.

Встав с мест и образовав кружок, элланодики приступили к переговорам, определяя, по-видимому, меру наказания. К балюстраде, отделявшей кресла элланодиков от трибун, приблизился Вараздат и, подняв руку, попросил слова.

— Говори, поединщик, мы слушаем тебя, — отвечивал распорядитель.

— Я готов поклясться именем Зевса, что Иккос нарушил правило неумышленно. Долгое знакомство с этим поединщиком, совместные занятия в Элиде и Олимпии позволяют мне утверждать, что карфагенянин — настоящий атлет, честный и бесстрашный, свято чтущий олимпийскую клятву и правила поединка. Нарушение было случайным. Я прошу высокий суд не наказывать Иккоса, отменить решение и дать нам возможность довести поединок до конца.

Трибуны, покорённые благородством чужестранца, встретили его слова одобрительными выкриками. Особенно радовались словам Вараздата зрители из Карфагена. Окружённый рабами Иккос со слезами на глазах благодарно смотрел на Вараздата. Но иной была реакция элланодиков;

— Мы услышали тебя, чужестранец! Но право принимать решения принадлежит элланодикам и никому более. Поединок окончен, и его исход не подлежит пересмотру. А о мере наказания нарушителю будет объявлено особо.

С этими словами распорядитель присоединился к остальным девяти элланодикам и после короткого совещания объявил:

— Совет элланодиков подтверждает моё решение. Что касается наказания, то, принимая во внимание безупречное прошлое карфагенянина как атлета и гражданина, а также придя к выводу, что нарушение правил произошло неумышленно, элланодики решили не применять порку в отношении Иккоса, а ограничиться наложением на Карфаген символического штрафа в одну мину серебром.

Элланодики, вставшие с мест, пока обнародовалось это решение, вновь опустились в кресла, а агонифет дал указание привести в порядок арену перед решающим поединком. С низко опущенной головой Иккос покинул арену.

— Жаль Иккоса, — сказала Деметра. — Правда, такой исход поединка позволит сохранить Вараздату силы, которые ему очень понадобятся в последнем бою.

— Для победы, — добавил Карен.

Солнце уже клонилось к закату. Его лучи ещё освещали расположенную напротив холма Крона трибуну, в то время как арена, подготовленная для последнего боя, погружалась в вечернюю прохладу.

— Эпикрадас из Афин, двукратный олимпиец! — Голос глашатая торжественно прозвучал в тишине, и тотчас же трибуны взорвались криками и рукоплесканиями. Эпикрад вышел из крипты и ступил на арену. Его обезображенное в многочисленных поединках лицо, устрашающий взгляд из-под низко нависших бровей внушали публике уважение и страх. Афинянин горел нетерпением сразиться с чужестранцем и завоевать в третий раз желанный титул олимпиеца. Он видел все поединки с участием Вараздата и по достоинству оценил его мастерство. От него не ускользнуло и то, что Вараздат почти не получал ударов.

«Со мной у него это не выйдет, — думал Эпикрад. — Для меня это первый бой, а Вараздат, должно быть, изрядно устал за три поединка».

Противникам не удалось вымотать Вараздата, но его манера боя — все эти нырки, уходы и отступления — требовала большой затраты сил. И Эпикрад заранее предвкушал победу, хотя и понимал, что она будет нелёгкой.

— Вараздатэс из Артаксаты! — выкрикнул глашатай.

Вараздат весил на целый талант меньше своего грозного соперника, имел меньше опыта в кулачных поединках, но был полон решимости победить во что бы то ни стало. Победить, чтобы сделать то, чего не удалось добиться его соотечественнику Тиграну, который четыре столетия назад был близок к победе в гонках квадриг, но не смог завоевать заветный веночек из священной оливы. Победить, чтобы прославить свой родной город и свою страну. Победить, чтобы вернуться в Армению героем после столь долгого отсутствия.

Едва распорядитель дал знак к началу поединка, как Эпикрад вышел в центр арены с проворством, которого трудно было ожидать при его массивной фигуре, и, вытянув левую руку вперёд, стал в классическую стойку, принёсшую ему не одну победу в состязаниях. Его огромный кулак, нацеленный в лицо соперника, должен был держать Вараздата на почтительном расстоянии. Прямая стойка чужестранца с поднятыми чуть выше обычного руками делала его, казалось, хорошей мишенью для ударов афинянина. Но на сей раз Вараздат не стал дожидаться атак соперника. Маневрируя, он быстро подошёл вплотную к вытянутому кулаку Эпикрада, затем резким движением правой руки отвёл его в сторону и одновременно нанёс левой прямой удар в подбородок афинянина. Это произошло так молниеносно, что Эпикрад, сам привыкший господствовать на арене, опешил. К тому же удар чужестранца оказался весьма чувствительным. И дело было не столько в тяжести удара, сколько в резкости, с которой он был нанесён.

Эпикрад раз за разом выбрасывал левую руку, пытаясь достать лицо чужестранца и готовя удар правой. Но увёртливый противник не давал возможности нанести удар. В то же время Вараздат, ловко сближаясь, успел нанести именитому сопернику несколько несильных, но точных ударов из самых разнообразных положений. Эти удары не причиняли особого вреда Эпикраду, но выводили его из себя, заставляли его спешить, ошибаться и нервничать. Собственно, они на это и были рассчитаны.

Вдруг Вараздат вытянул левую руку и вплотную сблизился с афинянином. Эпикрад оказался в своей стихии: почувствовать левой соперника и ударить с сильного замаха правой было для него делом привычным. Однако в тот момент, когда он замахнулся, Вараздат согнул левую руку в локте, сделал ещё один небольшой шаг навстречу Эпикраду, нанёс сильнейший удар в висок и, отскакивая, ударил ещё раз прямой правой. Эти удары потрясли Эпикрада.

— Э-пи-крад! Э-пи-крад! — Сидевшие на трибунах афиняне стали скандировать имя своего кумира, чтобы призвать его действовать осмотрительнее.

Из окружения Тироца-армена тоже раздались выкрики, сначала нестройные, а затем всё более различимые:

— Ва-раз-дат, уп-тур! Ва-раз-дат, уп-тур¹!

Этим криком земляки чужестранца призывали его сделать ещё одно усилие, воспользоваться замешательством Эпикрада и довести поединок до победы.

Но Вараздат знал, что до победы ещё далеко. Поэтому он снова вернулся к тактике выматывания соперника. Он кружил вокруг афинянина, выводя его из себя несильными, но точными ударами и толкая его этим на неосмотрительные действия. Эпикрад, впервые встретивший подобный стиль ведения поединка, никак не мог приспособиться к нему. Он тщетно пытался нанести чужестранцу точный удар. Несколько раз кулаки Эпикрада доставали лицо соперника, но это были или толчки, или скользкие удары, не приносящие ему преимуществ в поединке. Незримая Фемида была, судя по всему, благосклонна к чужестранцу, чаша её весов всё больше склонялась в сторону Вараздата.

¹ Вараздат, жми! (арм.).

Прошло уже немало времени. Пот струился по смазанным оливковым маслом телам поединщиков, было видно, что они оба устали. Правда, раза два-три Вараздату удавались серии точных ударов в лицо соперника, после которых трибуны вокруг Тироца-армена вновь взрывались уже знакомым «Ва-раз-дат, уп-тур!». Но эти серии не могли решить исход поединка. Чтобы победить такого искушённого бойца, нужен был очень сильный удар.

Эпикрад давно уже не держал вытянутой левую руку — на это у него не хватало сил. Не раз, пренебрегая осторожностью, он сближался с Вараздатом и бил обеими руками. Чаще всего удары рассекали воздух, иногда попадали по кулакам и плечам Вараздата. Это последнее обстоятельство ободряло афинянина. Он чувствовал, что желанный, точный удар в лицо соперника вполне достижим, возможно, недалёк. И действительно, один из ударов Эпикрада пришёлся точно по подбородку Вараздата, хотя и оказался несильным. Ободрённый удачей, Эпикрад, забыв об осторожности, ринулся вперёд, и тут два встречных прямых удара остановили его. Это были удары страшной силы. Вараздат вложил в эти удары весь свой вес. К тому же тяжесть их была удвоена Эпикрадовым движением навстречу. Оглушённый Эпикрад уже падал по инерции вперёд, когда новый удар снизу остановил его падение. Два следующих удара бросили его на песок.

Трибуны неистовствовали. Поединок был близок к концу, но ещё не закончился. Деметра, не спуская глаз с Вараздата, шептала:

— Такого ещё не было, чтобы победу на играх в Олимпии одержал варвар! Возможно ли это? Боги, помогите Вараздату!

— Вставай, Эпикрад! Вставай, Эпикрад! — звали с трибун афиняне.

И Эпикрад встал. Встал сначала на одно колено, затем на другое, сделал глубокий вдох. Но не стал задерживаться в этом положении. И не потому, что знаменитому Эпикраду не пристало стоять на коленях. Двукратный олимпийский чемпион, победитель многих кулачных состязаний, он рвался к победе. Он был подлинным атлетом и тянуть время, отдыхать на песке не собирался. Всё происшедшее казалось ему случайностью. И это не позволяло ему правильно оценить ход поединка. Афинянин не чувствовал, что силы его исчерпаны. Он был полон решимости продолжать бой. И потому встал.

Мутными глазами отыскал чужестранца. Сделал два шага навстречу, силясь поднять руки. И вдруг снова получил удар правой в подбородок и вслед за тем, уже падая, другой — снизу в челюсть. Трибуны ревели от восторга. Но в ушах Эпикрада стояла абсолютная тишина. Он лежал ничком на песке и ничего не слышал, ничего не сознавал.

Стадион продолжал бушевать. Элланодик, руководивший поединком, подошёл к поверженному бойцу и повернул его на спину. Опытным взглядом он определил глубокий обморок. Тогда он сделал знак рукой, и с трибун на арену бросилось несколько человек. Впереди, не стесняясь своих слёз, бежал крупный седой старик — отец поединщика. Он поднёс к лицу сына маленький аррибал, дал ему понюхать. Но Эпикрад не приходил в себя. Тогда его земляки-афиняне с помощью рабов с трудом подняли поединщика и унесли на край стадиона, где ещё долго прикладывали к его носу сосуд с пахучей жидкостью, прежде чем он начал воспринимать окружающее.

А публика, забыв о поверженном кумире, не переставала рукоплескать и возносить хвалу победителю. Ещё до того, как элланодик вернулся к центру арены с белой шерстяной лентой и пальмовой ветвью, к Вараздату подбежал Иккос. Он положил руки на плечи Вараздата и взволнованно произнёс:

— Ты достоин этой победы, Вараздат! Никто из нас не мог бы взять верх над Эпикрадом. И ещё, я благодарю тебя за заступничество. Я никогда не забуду ни этого поединка, ни того, как ты спас меня от унижения.

Вараздат тяжело дышал, кровавые пятна на его щеке и груди свидетельствовали о том, что победа на Играх достаётся отнюдь не легко. Элландик молча повязал ему на голову белую ленту и, вручив пальмовую ветвь, поднял его правую руку. Тотчас же заиграл рожок, и глашатай, гот самый, что получил звание самого громкого голоса Олимпии, трижды на греческий лад выкрикнул на весь стадион:

— Вараздатэс, сын Анобаса из Артаксаты, — олимпиевик!

Перескакивая через барьер, зрители бросились на арену. Земляки подхватили Вараздата на плечи и понесли к выходу, а затем дальше, в палаточный город, где располагалась община выходцев из Армении. Деметра и её рабыня Фату, оживлённо переговариваясь, пошли вслед за шествием, надеясь поздравить олимпиевика. Но пробраться к нему не было никакой возможности. Его окружала плотная толпа поклонников. Пронзительные трели зурны перекрывали нежное пение флейты, под звуки которой греки чествовали олимпиевиков.

Глава VII

Венок Каллистефана

Наступил предпоследний день Игр. На ристалище проводились самые захватывающие состязания — гонки колесниц с запряжёнными в них четвёрками коней.

С рассвета толпы людей устремились к восточной стене Альтиды, туда, где между стадионом и домом Нерона начинался ипподром — арена увлекательных и часто кровавых гонок. Едва открылись ворота ристалища, как зрители ворвались в него, стараясь занять лучшие места. Здесь, как и на стадионе, специальных сидячих мест не было. Исключение составляли лишь две трибуны, отведённые для элланодиков и почётных гостей Игр. Зрители располагались вдоль дорожки ипподрома за каменным барьером. Особенно людно было у старта, а также в конце ристалища, там, где напротив поворотного столба у внешней бровки ипподрома находился другой столб, тараксипп, в котором, по преданию, поселился злой дух. Квадригам предстояло проходить в створ между поворотным столбом и тараксиппом шесть раз за гонку. Тараксипп вырастал перед глазами неожиданно, он пугал коней, и редкая гонка заканчивалась благополучно для всех экипажей.

Часть публики, понимавшая толк в лошадях, осаждала с утра участок, отведённый под временные конюшни. Здесь вырос целый городок из больших кожаных и полотняных палаток. В них под строгой охраной стражников Олимпии и конюхов содержались лошади и колесницы. До самого старта мастера приводили в порядок экипажи, кузнецы подковывали коней, возничие и владельцы квадриг проверяли до мельчайших деталей постромки, вожжи, колёса — в общем, всё то, от чего зависел успех гонки. Но главным предметом забот были, конечно, кони. Им давали отборный ячмень и поили предварительно отстоявшейся ключевой водой. Однако сегодня, в день гонок, лошадей не кормили, а в воду, которую они пили, добавили для возбуждения по доброму кувшину вина.

Вчера после осмотра лошадей и колесниц элланодики допустили к стартам лишь четырнадцать квадриг. Теперь ярко раскрашенные колесницы с богато убранными конями совершали последний круг под придирчивыми взглядами судей. Лошади были самых различных мастей: гнедые, рыжие, пегие, сивые, каурые. Особенно много было серых коней различных оттенков. Здесь были четвёрки знаменитых нисейских коней из Мидии, тонконогих арабских скакунов из Египта, стройных персидских лошадей, купленных каким-то богатым вельможей, выносливых армянских коней, которые составляли основное ядро византийской конницы. Как и атлеты, лошади были натёрты оливковым маслом.

Всеобщее внимание привлекала четвёрка изумительных белых коней, запряжённых в ярко-жёлтый экипаж. Её вёл юноша, одетый в ослепительно белую короткую тунику, обутый в сандалии из плотной белой кожи с ремнями, охватывающими икры и переходящими в широкие белые наколенники. Он казался естественным продолжением квадриги.

— Это бессфашный Никандр! — прошелестело в толпе.

— Он снова выходит на старт, снова будет добиваться благосклонности крылатой Ники!

— С такими конями он может победить и без помощи богов!

— Тише, богохульник, — пугливо забормотал старик, стоявший рядом с говорившим. — Не ровен час Зевс убьёт тебя молнией и будет прав.

Колесницы участников гонок напоминали по форме военные экипажи, но были, конечно, значительно легче. Их борта доходили до уровня бёдер возничих, а задняя часть колесниц и вовсе была открытой. Вместо мощных толстых колёс использовались облегчённые, однако достаточно прочные, чтобы выдержать нагрузки во время поворотов в начале и в конце ипподромной дорожки.

Заключительный осмотр обошёлся без происшествий. Каждый раз, когда очередная квадрига проходила мимо элланодиков, глашатай выкрикивал имя хозяина лошадей и город, который они представляли. Лишь двое владельцев коней рискнули выступить в этих опасных для жизни гонках в качестве возничих. По знаку элланодиков колесницы подводили поочерёдно к стартовому створу, где они выстраивались лесенкой согласно проведённой накануне жеребьёвке — от внутренней бровки ипподромной дорожки до каменного барьера, за которым стояли зрители. Такое ступенчатое расположение на старте позволяло достигнуть первого поворота без опасной толчеи и в то же время сохранить для всех равные шансы. Каждая квадрига была выдвинута перед другой, находящейся слева, на длину целой упряжки и, таким образом, получала компенсацию за более длинный путь, который ей предстояло совершить на этом отрезке гонок. После поворота квадриги стремились занять место ближе к бровке, чтобы идти по дистанции наикратчайшим путём, и лишь те, кто пускался в обгон, были вынуждены отклоняться вправо.

Возничие с трудом удерживали на месте возбуждённых коней. Каждый раз, как распорядитель собирался подать знак к началу гонки, та или иная четвёрка нарушала строй, несмотря на толстый канат, который упирался в грудь лошадей и закрывал им путь вперёд. Никандру выпало стартовать по средней дорожке. Справа от него находилась квадрига из Аркадии. Ею правил возничий, не раз менявший своих хозяев и участвовавший уже по крайней мере в четвёртых Играх. Его звали Синос, и он имел прозвище «вечно второй», потому что уже трижды приходил к финишу вслед за победителем.

Слева от Никандра стартовала незнакомая колесница с четвёркой прекрасных арабских коней. Её владелец, богатый меценат из Египта, находился на трибуне среди почётных гостей. Эта квадрига привлекала к себе внимание тем, что, вопреки традициям Игр, запряжённые в неё кони были вороной масти, то есть символизировали своей окраской божества смерти и потустороннего мира. В чёрный цвет была окрашена и сама колесница, и, что было уже явным вызовом участникам Игр — возничий, одетый во всё чёрное, был и сам чернокожим. Незадолго до начала состязаний бывший раб Тэсэм получил вольную от своего господина и теперь имел полное право выступать в состязаниях на равных основаниях с другими участниками. Выбор масти лошадей был, несомненно, призван устроить соперников. И в самом деле, находившиеся по соседству кони пугливо косились на чёрную квадригу.

Кто-то из искушённых зрителей объяснял соседям по трибуне:

— Видите, там, в центре дорожки, находится маленькая стела. На ней укреплен стержень с бронзовым орлом на одном и дельфином на другом конце. Когда дельфин нырнёт вниз, а орёл взовьётся вверх, начнётся гонка.

Едва слушатели успели отыскать глазами стелу, как прозвучал рожок, упал на землю канат, преграждавший путь лошадям, а бронзовый орёл взмыл ввысь на всю длину стержня. И началась гонка.

Возничие стремились сразу же выйти вперёд: от этого в значительной мере зависел исход гонки. Первый поворот был пройден благополучно. Квадриги без помех развернулись у поворотного столба и понеслись назад. Возничие перевели дух, готовясь к новому повороту, на сей раз у стартового конца ипподрома.

Публика напряжённо вглядывалась в скачущие во весь опор четвёрки, стараясь разглядеть своих любимцев. Вараздат сидел вместе с Арсеном в окружении земляков и нескольких карфагенян. Присутствие последних объяснялось тем, что рядом с чужестранцем находился Иккос. Чуть выше них расположились Деметра со своей неразлучной служанкой и друзьями Никандра. Последним на ипподром явился Карен, неся на плече холщовую сумку с инструментом. До самого выезда квадриг из конюшен он был вместе с Никандром и немало удивил его тем, что с удовольствием возился с мастеровыми и рабами над подготовкой колесницы к гонке.

Люди, сидевшие неподалёку от Вараздата, указывали на него друг другу, а более смелые окликали его:

— Герою Олимпии привет и пожелания новых успехов!

— Ника даровала победу самому достойному из всех кулачных бойцов!

— Ты навсегда прославил свою страну, чужестранец!

Вчерашний успех Вараздата сделал его популярнейшим атлетом Игр.

Между тем квадриги шли третий круг. Растянувшись на всю длину ипподрома, составлявшего четыре стадия, колесницы без помех развернулись у тараксиппа, который, казалось, решил проявить великодушие к состязателям. Квадрига Никандра шла третьей. Не так далеко впереди мчалась четвёрка, управляемая Синосом, а ещё дальше — квадрига с прекрасными персидскими конями. Возничий — перс в круглой шапке, несомненно из бывших пленных, — боролся не столько за победу для хозяина лошадей, сколько за огромный куш, обещанный ему в случае успеха. Персидские кони стелились по ипподрому, с удивительной лёгкостью огибая опасные поворотные столбы.

Ближе всех к этим квадригам шла четвёрка египетских вороных. Она была на равном расстоянии от лидирующей тройки и остальной группы колесниц. Казалось, что другие квадриги боятся приблизиться к этой чёрной колеснице с её вороными конями и чернокожим возничим. Квадриги неслись с бешеной скоростью, вздымая густые тучи пыли. Пройдя очередной поворот, кони взрыхливали почву перед трибунами, где сидела Деметра со своими спутниками, и засыпали комьями первые ряды зрителей. Землёй и пылью были обсыпаны и возничие. Белая шёлковая туника Никандра стала серой. Он раз за разом понукал лошадей, стремясь догнать квадригу перса, который уступил уже лидерство Си носу, обогнавшему его на последнем повороте. Что-то разладилось в персидской колеснице. Правая пристяжная, размахивавшая коротким, завязанным у самого основания в узел хвостом, всё чаще сбивалась, путая бег остальных трёх коней. Возничий потерял в пылу гонки свою круглую шапку.

Между тем египетская колесница неуклонно приближалась к квадриге Никандра. Чернокожий возничий с гиканьем размахивал кнутом. На его искажённом от напряжения лице словно застыла белозубая улыбка.

— Пусть победит Никандр! — прошептала, наклонясь к Деметре, Фату и добавила с мольбой в голосе: — И пусть Тэсэм закончит гонку невредимым!

Тревога за молодого нубийца не покидала Фату с начала гонки. Но Деметра не слышала слов рабыни. Всё её внимание было сосредоточено на дорожке ипподрома, на одной движущейся точке — белой четвёрке Никандровых коней. Отец, сказавшись больным, отказался присутствовать на гонках. Деметра не знала, что Никос, одетый в простой холщовый хитон, скрывавший его в массе зрителей, сидел на холме в дальнем конце ипподрома перед тараксиппом и с замирающим сердцем следил за квадригой сына.

Вараздат и Иккос перекидывались короткими фразами:

— Сейчас начнётся самое главное!

— Да, кажется, тараксипп решил показать свой характер!

— Это, пожалуй, опаснее, чем кулачный бой!

Иккос согласно наклонил голову, продолжая следить за ходом гонки. Назревала какая-то беда. И действительно, перед поворотом пристяжная персидской четвёрки, перекусив узду, вырвалась из упряжки и пустилась в бешеном галопе по ипподромному кругу, пугая другие квадриги и заставляя возникших лавировать, чтобы избежать столкновения. Пробежав полный круг по ипподрому, пристяжная преодолела с ходу каменную плиту, загоразивавшую вход в ристалище, и помчалась к конюшне, наводя страх на редких прохожих. В этот час почти все служители Олимпии, не говоря уже о приезжих, были на трибунах ипподрома.

Оставшись без пристяжной, возникший-перс с трудом остановил бег коней, и его квадрига замерла у края ипподрома, недалеко от того места, где находилась трибуна с элланодиками. Этот эпизод пагубно сказался на течении гонки. Дремавший до сих пор тараксипп, видимо, действительно решил показать свой нрав. Две идущие в конце гонки квадриги неожиданно столкнулись при подходе к поворотному столбу. Вмиг возникшие потеряли контроль над лошадьми. Не помышляя о повороте, восемь спутавшихся в построениях коней, дико косясь, промчались мимо тараксиппа и врезались в каменное ограждение ипподрома. К обезумевшим лошадям подбежали рабы. Они без жалости приканчивали изувеченных животных и спасали тех, кто по счастливой случайности не пострадал, одновременно следя за тем, чтобы освобождённые из упряжки кони не вырвались и не нарушили ход гонки. Что касается возникших, то они сохранили себе жизнь, выпрыгнув из колесниц за мгновение до рокового столкновения квадриг с каменным барьером. Опытный возникший Тимостен улыбался, радуясь тому, что хоть сам остался невредим, в то время как молодой Алкивиад, владелец четвёрки коней из Аргоса, в безутешном горе охватил руками голову. Первая попытка выступить в качестве возникшего на Играх завершилась для него не только провалом, но и потерей трёх лучших лошадей. К этому времени квадриги уже прошли половину дистанции.

На следующем повороте в головной группе произошли изменения. Никандр догнал наконец колесницу Синоса. Это произошло перед поворотным столбом. Пока Синос, косясь на тараксипп, поворачивал лошадей по внешнему кругу, Никандр круто завернул своих коней в образовавшийся проход между поворотным столбом и колесницей соперника. Опасный манёвр удался: тараксипп оказался милостив к Никандру. В какой-то момент обе квадриги шли рядом, колесо в колесо и даже столкнулись осями. Этот толчок, на который возникшие едва обратили внимание, мог иметь роковые последствия. Однако, преодолев инерцию поворота, Никандр взял ближе к бровке и, выйдя на прямую, погнал коней к стартовому концу ипподрома. А замешкавшийся на повороте Синос уже

чувствовал на своём затылке дыхание египетских лошадей, пытавшихся обойти его четвёрку.

Этот круг снова оказался несчастливым. Не для первых, правда, трёх квадриг, которые успешно проскочили поворотный столб, а для следовавшей за ними колесницы из Мидии, которая зацепилась колесом за поворотный столб и едва не опрокинулась. Оторвавшееся колесо завертелось волчком, в то время как колесница, волоча ось по земле, огибала столб. Возничий притормаживал, пытаясь выйти к внешней бровке дорожки.

В это время к повороту приближались две квадриги — одна из Спарты, другая из Константинополя. Колесо продолжало вертеться, словно запущенное сверхъестественной силой, и спартанские кони на полном скаку врезались в него. Ржание переломавших ноги животных слилось с криком трибун. В тот же миг четвёрка гнедых из Константинополя налетела на то, что осталось от спартанской колесницы. Образовался затор. Люди, кони и колесницы смешались в страшном клубке. Ещё две квадриги оказались жертвой затора, но оба возничих успели в последний момент спрыгнуть на землю. Один при этом сломал ногу, другой остался невредим и теперь помогал рабам выпутывать из постромок коней, выносить в безопасное место пострадавших. Возничий из Спарты был уже мёртв, византиец отделался переломом руки.

— Боги, помогите Никандру... — шептала Деметра, терзаемая страхом за брата.

— Теперь всё зависит от проворства рабов. Главное — быстрее расчистить дорогу, — проговорил Арсен.

Рабы действовали споро и решительно. Отставшие квадриги, замедлив ход, прошли поворот по внешнему кругу, стараясь держаться подальше от места свалки. И когда лидеры гонки в очередной раз подходили к повороту, дорога была свободной. Впереди по-прежнему мчалась квадрига Никандра. Следом за ней, отставая на три-четыре корпуса, почти рядом шли колесницы Синоса и Тэсэма. Никандр удачно вписался в этот предпоследний поворот, но, выйдя на прямую, почувствовал, что происходит что-то неладное: его колесницу бросало временами из стороны в сторону. Когда Никандр пронёсся мимо трибуны элланодиков, некоторые из них, покачивая головой, показывали друг другу на колесо квадриги. Как только колесница закончила поворот у стартового створа, раздался тонкий звук рожка. Он возвещал о том, что Никандр пошёл последний круг. Но когда четвёрка белых коней мчалась мимо трибун, друзьям Никандра стало отчётливо видно, что правое колесо квадриги совершает волнообразные движения. Карен, пристально вглядываясь, произнёс:

— Колесо цело. По-моему, лопнул стержень, удерживающий его на оси!

Квадрига Никандра, занимавшая середину дорожки, замедляла ход. Богиня победы явно отвернулась от него. И подумать только — до финиша оставался всего один круг! Никандр с трудом сдерживал коней. В это мгновение правое колесо отвалилось, ось упёрлась в землю, разгорячённые кони остановились, дрожа от возбуждения. Для Никандра гонка окончилась.

Сзади на большой скорости приближались преследователи. Никандр оглянулся и увидел, что Синос и Тэсэм, стремясь избежать столкновения, направили свои квадриги веером — влево и вправо от стоявшей колесницы. Ещё миг, и они проскочили с двух сторон, удаляясь в конец ипподрома. Навстречу, по другой стороне ристалища, мчались безнадёжно отставшие квадриги. Тем не менее они продолжали борьбу.

Никандр с тоской перевёл взгляд на обогнавшие его квадриги. Он стоял полный сил, с четвёркой лучших коней, обречённых на бездействие, а победу уносили две более счастливые квадриги. Обогнув колесницу Никандра, они стремились теперь опередить друг друга и выйти на выгодную внутреннюю дорожку. При этом египетская четвёрка, имевшая некоторое преимущество перед квадригой Синоса, бесстрашно шла наперерез,

стремясь перекрыть ему дорогу и первой выйти к заветному рубежу. Это был крайне рискованный манёвр, но лишь он мог обеспечить победу.

Расчёт здесь был на то, чтобы запугать соперника возможностью столкновения и заставить его придержать коней. Синос разгадал этот замысел, но уступать не стал. Увидя его непреклонность, Тэсэм должен был бы отказаться от своего безрассудного плана. Но Тэсэм также не уступал, и обе квадриги шли навстречу неминуемому.

— Но ведь они могут разбиться насмерть! — вскрикнула Фату.

Её крик повис в воздухе. Возгласы отчаяния мучительным стоном пронесли по трибунам ипподрома. Отсюда было хорошо видно, что момент, когда ещё можно было свернуть лошадей в сторону и сдержать их, уже безнадежно упущен. Столкновение стало неизбежным. Ещё миг, и дикое ржание лошадей, скрежет, крики вновь огласили ипподром.

Всё это длилось считанные мгновения.

— Никандр мог бы победить, если бы имел возможность продолжить гонку! — вскричала Деметра.

Эта мысль пришла одновременно и его друзьям. Они обменялись тревожными взглядами. Лишь старший из братьев, сгорбившись над мешком, что-то лихорадочно искал в нём. И прежде, чем догадка осенила Вараздата, Карен торжествующе поднял над головой железный стержень, похожий на огромный гвоздь. Это было именно то, что нужно.

Поняв, олимпиец в ту же секунду бросился на ипподромную дорожку. Почти одновременно с ним перемахнули через каменный барьер Карен, Иккос и Арсен.

— Остановитесь! Это безрассудно! — закричала Деметра. Ей казалось, что именно она толкнула их на столь опасный шаг.

Молодые люди бежали к квадриге Никандра под недоумевающими взглядами эллаников и зрителей. На противоположной стороне ипподрома, там, перед трибуной эллаников, мчались к стартовому повороту шесть продолжающих гонку колесниц. Рабы спешно расчищали путь от остатков аркадийской и египетской колесниц. Экипаж Никандра сиротливо стоял на середине дорожки. А сам он продолжал держать в руках вожжи, иначе испуганные кони поволокли бы колесницу неизвестно куда. Но Никандр уже видел бегущих к нему людей, и неясная надежда затеплилась в его сердце.

Скорость, с которой Вараздат и его друзья преодолели расстояние от трибун до колесницы Никандра, сделала бы, наверное, честь самому Никострату, победителю Игр в беге на стадий. Подбежав к квадриге, Арсен и Иккос ухватились за колесницу и подняли её, в то время как Вараздат и Карен, подхватив колесо, насадили его на ось. Карен вставил в отверстие оси стержень, а Вараздат ударом кулака всадил его на место.

Всё было готово, но Никандр не двигался с места. Происходящее казалось ему сном. Из-за поворота уже вынырнула первая из шести квадриг. А Никандр словно не слышал криков. Вараздат хлопнул Никандра по плечу, и это вывело его из оцепенения. Четвёрка белых коней взяла с места в галоп и понеслась вперёд, навстречу победе.

А смельчаки уже бежали к трибунам. Они прижались к барьеру, когда услышали за спиной грохот мчащейся квадриги. Ещё мгновение, и квадрига исчезла в облаке пыли.

Когда остальные колесницы, обогнув стартовый поворот, устремились в последний раз к тараксиппу, навстречу им по противоположной стороне ипподрома уже летела четвёрка Никандра.

А на другом конце ипподрома старик в простом холщовом хитоне умолял богов эллады не отворачиваться от Никандра.

— Боги, даруйте победу моему сыну!

Впрочем, ничто не могло уже помешать Никандру. Преследователи были далеко позади, тараксипп был пройден в последний раз, и четвёрка прекрасных белых коней неслась к финишу. Сомнений не оставалось: божественная Ника простёрла крылья победы над Никандром.

Деметра, сияя, повернулась к Вараздату и его товарищам:

— Верные, храбрые друзья, как мне благодарить вас?

Лишь Фату не было с ними. Она бросилась узнавать, что с Тэсэмом. В этот момент её интересовало только одно — насколько серьёзно он пострадал.

...Вскоре элланодики уже повязывали на головы белых коней ленты победителей. Такая же лента вместе с пальмовой ветвью досталась и их хозяину — Никандру. Он стоял, гордясь победой, и лишь мысль о том, что отец не видел состязаний, несколько омрачала его радость. Зрители возносили хвалу Зевсу, нежными звуками флейтисты приветствовали нового олимпийца.

Погладив мокрые лошадиные морды, он отдал коней на попечение конюхов, которым доверял полностью. И всё же, прежде чем конюхи вывели с ипподрома белых красавцев, крикнул вдогонку, чтобы без него коней не поили и не кормили.

Ипподром быстро пустел. Никандр заспешил к выходу, где его ждали Вараздат, Иккос, Деметра. Вдруг его внимание привлекла фигура простолюдина в холщовом хитоне. Вглядевшись, Никандр узнал отца, шагнул ему навстречу. Он произнёс всего два слова:

— Ты видел?

Потом Никандр подвёл отца к своим друзьям, и счастливый Никос обнял каждого из них, как своего сына.

Но не для всех этот миг был счастливым. Улыбающаяся Деметра вдруг помрачнела, заметив идущую к ней Фату. Красивое лицо нубийки было искажено болью.

— Тэсэм погиб! — только и могла произнести плачущая девушка, лишившаяся верного друга, жениха, с которым её связывало многое, и прежде всего воспоминания о родине.

Деметра обняла подругу за плечи и увела её подальше от Никандра и его друзей, возбуждённых радостью победы.

Окончился последний день состязаний, но это был не последний день Игр. Назавтра предстояло награждение и чествование олимпийцев. Мог ли кто-нибудь предположить, что этому дню было предназначено стать одним из последних в многовековой истории олимпийских состязаний!..

Утреннее солнце освещало Олимпию. Толпы ликующих людей ждали того момента, когда начнётся награждение победителей венками из ветвей Каллистифана — священной маслины. Вход в Альтиду в эти часы был строго ограничен: священный участок Олимпии не мог вместить всех желающих. Поэтому сюда пропускали лишь самых знатных горожан, а также чиновников, служителей, представителей официальных посольств, жрецов, элланодиков, почётных гостей и, конечно, состязателей и поединщиков.

Зато рано утром вход в Альтиду был свободный, и толпы любопытных собрались посмотреть, как срезают ветви со священной маслины. Двенадцатилетний мальчик взобрался по знаку жрецов и элланодиков на священное оливковое дерево. В руках он держал золотой нож. Ему предстояло срезать десять ветвей. Из каждой ветви делали один венок. И возраст мальчика, и золотой нож, и венок из единой ветви — всё это было традицией, которую устроители Игр соблюдали с неукоснительной строгостью вот уже почти двенадцать столетий.

Здесь же рядом с храмом Зевса лучший мастер выбивал на заранее заготовленных мраморных плитах имена новых олимпийцев. Одно из этих имён было необычно для

мастера — имя чужестранца. На белом мраморе появились слова: «Олимпийский Вараздат, сын Аноба из Артаксаты, Игры ССХС1 Олимпиады».

Осторожно срезав драгоценные ветви, мальчик передал их вниз элланодикам. Каждую ветку бережно свернули в венок и перевязали пурпурной лентой. Затем венки унесли в храм Зевса и установили на десяти заранее приготовленных бронзовых треножниках. В далёкие времена церемония награждения победителей проводилась в самом храме. Но с годами число желающих присутствовать при этой церемонии так возросло, что её пришлось проводить иначе. Вот уже около трёх веков венки вручали на ступенях храма. И видеть это могли не только те, кому посчастливилось попасть в число допущенных на территорию Альтиды, но и те, кто взбирался на склоны холма Крона или стоял на Пизанской дороге, которая проходила как раз над Альтидой.

Задолго до назначенного часа толпа избранных заполнила территорию Альтиды. Люди стремились устроиться поближе к входу в храм Зевса, чтобы не пропустить ни одного жеста элланодиков, ни одного слова глашатая.

Ровно в назначенный час в последний раз прозвучала труба. Вслед за этим на ступенях храма Зевса появились десять элланодиков. Они торжественно несли на руках оливковые венки. Каждый элланодик бережно положил драгоценную ношу на столик, инкрустированный золотом и серебром. Звуки флейты сопровождали эту процедуру.

Вновь пропела труба, и все присутствующие повернулись к западной стене Альтиды, к Парадным воротам, где в этот момент показались жрецы в белых одеяниях. Следом шли десять олимпийских в разноцветных туниках одинакового покроя. Сразу же за атлетами конюхи вели четвёрку белых лошадей, победивших в гонке квадриг. Головы лошадей были украшены белыми лентами и цветами.

Пройдя вдоль стены храма, участники шествия стали поворачивать налево, вглядываясь в фигурку крылатой богини Ники на высокой стеле. Её создатель, знаменитый скульптор Пэоний, изваял богиню таким образом, что смотрящие видели её то парящей в воздухе, то взмывающей ввысь, а то спускающейся с небес. Сейчас она спускалась с Олимпа, едва касаясь правой ступней мраморной скалы. Сквозь разрез хитона была видна её обнажённая нога, готовая ступить на землю. Ника держала в руке оливковый венок, и каждому казалось, что именно к нему протягивает она свою руку, именно его голову собирается увенчать неувядаемым символом победы.

Процессия свернула к храму. Вновь прозвучала труба, и звонкий голос глашатая возвестил:

— Именем священного Зевса Олимпийский совет награждает высшей наградой состязаний несравненных победителей Игр 291-й Олимпиады!

Дождавшись, пока улягутся приветственные крики, глашатай продолжал:

— Олимпийский Никострат, сын Ксенофонта из Спарты! Бег на один стадий — дромос.

На креслах у входа в храм сидел римский проконсул, члены Олимпийского совета и другие сановники. При объявлении имени Никострата все они поднялись со своих мест и стояли так до самого конца церемонии. Право увенчать венком голову очередного олимпийского предоставлялось тому из элланодиков, кто был главным судьёй — агонифетом в данном виде состязаний.

Одно за другим глашатай выкрикивал имена, называл родину победителя и вид агона.

Очередной олимпийский наклонил голову навстречу элланодика. Это был Капр из Константинополя, победивший в состязаниях борцов, затем настал черёд Вараздата. Он с удивлением прислушивался к себе.

Впервые за всё время состязаний и поединков Вараздат не мог подавить волнения.

— Олимпионик Вараздат, сын Аноба из Артаксаты, древней столицы Армении! Первый чужестранец, одержавший победу на Играх в Олимпии! Кулачный бой!

Вараздат сделал шаг вперёд. Он с удивлением отметил, что на этот раз его имя произнесли так, как его произносили на родине. Поднимаясь по ступеням, Вараздат слышал приветственные возгласы. Подняв глаза, он увидел перед собой улыбающиеся лица всегда строгих элланодиков. Улыбались и стоявшие за ними сановники. Уже знакомый элланодик, тот, что был бессменным агонифетом в состязаниях по кулачному бою, взял в руки один из двух оставшихся венков. Вараздат наклонил голову и почувствовал на лице прикосновение листьев. Движением руки элланодик дал понять чужестранцу, чтобы он не спешил возвращаться на место.

— Олимпийский совет принял решение объявить особо о твоём успехе, олимпионик. Мы приветствуем твою победу как предвестие того, что Игры в Олимпии станут достоянием не только имперских, но и всех других народов мира!

В знак благодарности Вараздат приложил правую руку ко лбу, затем к сердцу и поклонился элланодикам. Вперёд выступил глава Олимпийского совета и, попросив тишины, сказал:

— Олимпия восхищается тобой, чужестранец. Мы знаем историю твоей жизни, знаем, что Артаксата, откуда ты приходишь родом и которую ты возвысил своей победой, не ведает пока о твоём атлетическом подвиге, а возможно, и не помнит тебя. Твои достойные олимпионика неустрашимые деяния на Священной дороге и во время гонок на ипподроме, твои блестящие победы на арене кулачного боя делают честь и нашей священной Олимпии и всей Элиде. Вот почему Олимпийский совет в знак признания твоих особых заслуг постановил удостоить тебя звания почётного гражданина Пизы. В период твоего временного или постоянного пребывания в Пизе ты никогда ни в чём не будешь испытывать недостатка. *Naes habui quae dixi*¹!

С этими словами оратор вернулся на место. Благодарный Вараздат вновь учтиво наклонил голову. Глашатай по знаку элланодика пригласил для награждения следующего олимпионика:

— Олимпионик Никандр, сын Никоса из Пизы! Гонка квадриг!

Возвращаясь на своё место, Вараздат улыбнулся Никандру, с волнением поднимавшемуся по ступеням. Стройная фигура юноши в белой тунике замерла перед столиком, на котором оставался последний венок. Его, Никандра, награда.

Жители Элиды ликовали. Из десяти олимпиоников трое были их земляками: копьеметатель Рексипий, прыгун в длину Меналк и вот теперь победитель в самых увлекательных состязаниях — гонках квадриг — бесстрашный Никандр. Вместе с Никандром — возничим и владельцем квадриги — чествовали и лошадей. Их подвели к первым ступеням храма, и элланодик, возложивший за минуту до этого венок на голову Никандра, повязал на головы коней семь цветных лент: по одной каждого цвета радуги.

А на алтарях Альтиды уже курился дым. Жрецы снова разжигали костры, снова под острыми ножами их помощников отлетали головы жертвенных животных. Служители наполняли огромные бронзовые котлы лучшими кусками мяса и несли их к Пританею, где шли приготовления к праздничной трапезе.

Вечером Олимпийский совет устраивал торжество в честь олимпиоников. В огромной зале Пританея за богато убранными столами сидели члены Олимпийского совета, проконсул и другие высшие чиновники империи, приехавшие на Игры, представители посольств, почётные гости Олимпии, а также лица, приглашённые на торжество от имени самих олимпиоников. Между послом Армении Мануком и купцом Тироцом-арменом

¹ "Я сказал то, что имел сказать!" — лат.

сидел отец Никандра Никос, рядом с Деметрой находились карфагенянин Иккос, олимпийские Вараздат и Никандр, армянские нахарары Карен и Арсен.

Под музыку и хвалебное пение хора произносились торжественные речи, и каждый из получивших слово превозносил атлетов и поединщиков, сумевших добиться победы на Играх. Праздник в При-танеи окончился поздно ночью, но это вовсе не означало, что участники пиршества спешили разойтись.

Веселье царило в армянской общине. Купец Тироц не поскупился на угощение, назвал гостей. Искренняя гордость за соотечественника сочеталась у него с расчётом делового человека: победа Вараздата стала хорошей рекламой для его торговых дел. Выйдя из Пританеи, он обратился к Вараздату:

— Вараздат-джан! Зови всех своих друзей и знакомых в наш палаточный город. Там на свежем воздухе уже готовится шашлык и плов. Я пригласил туда всех находящихся в Олимпии армян, и задолго до твоего возвращения в Артаксату ты будешь чувствовать себя среди нас как на родине.

Вараздат простился с Никосом, Деметрой и Никандром. С олимпийским остался Иккос, избегавший встреч со своими согражданами, и его постоянные друзья — неразлучные братья Карен и Арсен. Вслед за слугами Тироца-армена маленькая группа двинулась в путь. Взошедшая над Альтидой луна освещала им дорогу. Её нежный свет серебрил оливковые листья на голове Вараздата.

Глава VIII

Армянский Карфаген

Уже вечерело. Но до заката было ещё далеко. Солнце ещё освещало скалистые склоны гор, поросшие невысокими деревьями. Там, где скалы не мешали взору, прозрачный горный воздух позволял видеть далеко вперёд, приближая к путникам зигзагообразные повороты дороги, утёсы и луга. Но два всадника, ехавшие рядом, были жителями гор и знали, что это впечатление обманчиво.

Дорога вдруг круто свернула в ущелье. Неожиданно стало темно, и лишь кусочек синего неба над головой продолжал напоминать о том, что день ещё не угас. К звону цикад, стрекоту кузнечиков и журчанию реки присоединился гулкий цокот копыт. Затем горное эхо прибавило к этим звукам ласковую мелодию. Это была песня о ласточке, которая стремглав неслась на родину, чтобы передать ей поклон от возвращающегося сына.

В песне слышалась светлая печаль, полная ожидания предстоящей встречи. И на душе у всадников было и тревожно и светло. Как раз утром этого дня они оставили позади обширные владения Восточной империи ромеев, пересекли её границу в районе Внутренней Армении и въехали в область Даранали, которая начиналась ущельем с таким же названием. Всадникам ещё предстоял неблизкий путь вдоль реки Евфрат вплоть до её пересечения с водами Арацани, текущей на самой границе армянских областей Цопка и Андзита. Далее всадники намеревались взять немного севернее и, следуя вдоль течения Арацани, пересечь Тарон, южное родовое владение Мамиконянов, и, оставив справа Бзнунийское море, выйти через Багаван к северным отрогам заснеженных вершин Большого и Малого Масиса. Там, за Масисом, лежала плодородная Айратская равнина и конечная цель их путешествия — Арташат.

Вараздат и Карен — а это были они — путешествовали не одни. За ними следовал большой караван с товарами купца Тироца-армена или, точнее сказать, они сами следовали с этим караваном. Но, снедаемые нетерпением, молодые люди взяли на себя роль авангарда и постоянно ехали впереди, опережая основную группу примерно на полфарсаха. Караван сопровождали рабы, слуги, телохранители. Вся эта челядь была хорошо вооружена: торговля в те времена была далеко не безопасным занятием.

— Радуйся, Вараздат, — обратился к спутнику Карен. — Теперь мы будем ехать только по территории Армении. А когда минувем ущелье, нам останется лишь треть пути.

Дорога в этот момент как раз вынырнула из ущелья. Жмурясь от яркого света, Вараздат уже хотел ответить своему другу, как внезапно из-за стоявших поодаль деревьев выехала группа всадников и преградила им путь. Ещё два вооружённых конника показались сзади, у выхода из ущелья. В лучах заходящего солнца сверкнули тонкие

изогнутые сабли из знаменитой дамаской стали, способные перерубить на лету человеческий волос. Сидящий на сильном, беспокойном жеребце сириец, явно предводитель отряда, хмуро выкрикнул на ломаном греческом языке:

— Сдавайте оружие! Бежать бесполезно! Иначе смерть!

Вараздат и Карен, не сговариваясь, резко повернули коней и кинулись в сторону ущелья. Решив, что всадники вздумали бежать, стоявшие там сирийские конники осадили своих лошадей, заняв удобные позиции по обе стороны дороги, с тем чтобы зарубить на ходу этих спасающихся бегством всадников. Но молодые люди не думали бежать. Доскакав до сирийцев, они направили коней не ко входу в ущелье, а прямо на них. Застигнутые врасплох, не ожидавшие нападения, сирийцы смешались и были тут же зарублены тяжёлыми мечами армянских воинов.

Не растерялся лишь предводитель отряда. Гикнув, он понёсся прямо на Вараздата. Почувствовал ли сириец, что именно Вараздат представлял наибольшую опасность из двоих, или он заметил, что олимпиец, стоявший к нему несколько ближе, не успел полностью развернуть своего коня — неизвестно. Сильный, нервный жеребец сирийца в несколько скачков оказался перед Вараздатом. Последний едва успел поднять своего коня на дыбы. Удар сирийской сабли пришёлся по шее животного. Но прежде, чем лошадь под Вараздатом пала, олимпиец успел с силой опустить меч на плечо врага. В следующее мгновение он рухнул на землю вместе с сирийцем и своим храпящим в предсмертной муке конём. Дико косясь на убитого хозяина, жеребец сирийца пытался освободиться от уздечки, оставшейся у того в руках. Вырвав её, Вараздат вскочил на глазах у обескураженных всадников на арабского скакуна. Едва он оказался в седле, в котором ещё недавно сидел их предводитель, как сирийцы круто развернули коней и пустились вскачь назад, к реке. Невдалеке через реку был перекинут висячий мост. Достигнув Евфрата, сирийцы спешили и, бросив своих коней на произвол судьбы, вмиг перебрались по шаткому мосту на противоположный берег. Затем, не мешкая, разрушили его.

Бросившиеся в погоню друзья быстро достигли реки. Возбуждённый схваткой и раздосадованный потерей своего коня, Вараздат попытался перепрыгнуть на жеребце реку. Но конь испуганно отпрянул — такой прыжок был ему не под силу. Тогда Вараздат спрыгнул на землю, подбежал, размахивая мечом, к обрыву и, резко оттолкнувшись, прыгнул через бурлящий поток. Изумлённому Карену осталось только проводить его взглядом. Ширина реки в этом месте была около пятнадцати локтей. Но Вараздат прыгал с высокого берега на низкий — он пролетел не менее двадцати двух локтей.

Это был великолепный прыжок. Однако, приземляясь, Вараздат задел мелом о валун и выронил его, оказавшись, таким образом, безоружным перед пятью сирийскими воинами. Карен привстал на стременах и, не сознавая нелепости своего поступка, громовым голосом закричал по-арабски:

— Перед вами олимпиец Вараздат!

Однако прежде, чем его слова, заглушаемые бурлящей рекой, достигли того берега, сирийцы, поражённые бесстрашием Вараздата, его смелым прыжком, в ужасе побросали оружие и пали ниц, моля о пощаде.

За спиной Карена послышался конский топот. Он поднял меч, готовясь к новой неожиданности. Но это приближались вооружённые люди Тироца-армена. Следом за ними показался и сам купец. Он был не робкого десятка, не раз попадал во всякие переделки, но встревожился, узнав, выезжая из ущелья, павшего коня. Тем временем пленные сирийцы восстановили кое-как висячий мост и перешли вместе с Вараздатом обратно. Забрав в качестве трофеев коней и оружие нападавших и взяв с них слово

никогда более не вступать на территорию Армении, молодые люди великодушно отпустили их на свободу.

Один из слуг Тироца принёс уздечку и седло с коня Вараздата. Олимпионик водрузил седло на арабского жеребца, захваченного в стычке с сирийцами, сменил уздечку. Затем караван снова тронулся в путь. И хотя Тироц просил друзей не отъезжать далеко, молодые люди вновь прибавили ходу. Как всегда, им было о чём поговорить.

Вскоре дорога побежала вдоль реки Арацани. Всё чаще стали попадаться сёла, сады, возделанные участки земли. После последнего большого набега персов прошло пять олимпиад. Страна уже давно залечила следы этой опустошительной войны, которая пришла в тот раз с востока. Решив напасть на империю ромеев, персидский царь Шапух сначала вошёл в Армению: без этого нельзя было выйти к границам Византии. Шапух прошёлся ураганом по стране, которую персы давно уже отнесли в разряд враждебных. Да и как могло быть иначе, если это соседнее государство, в котором царствовала родственная персам династия Аршакидов, не только пыталось полностью освободиться от влияния Персии, но всё более склонялось к Риму, особенно после принятия Арменией христианства в качестве официальной государственной религии! С этого момента все капища в стране были уничтожены, а на их месте построены христианские храмы. Главная церковь новой веры — Эчмиадзин — была возведена на месте самого крупного святилища огнепоклонников — в новом городе Вагаршапате, ставшем столицей Армении. Те армяне, что, сохранив втайне язычество, совершали паломничество к местам уничтоженных священных капищ, вынуждены были собираться толпами у выстроенных там церквей и этим невольно поддерживали ненавистную персам религию. Самым возмутительным, как считали персы, было то, что даже в Риме, откуда христианство проникло в Армению, оно ещё не стало господствующей религией империи.

Правда, Армения продолжала регулярно пополнять десятитысячную конницу, входившую в состав персидского войска. Но доверять, как прежде, этой коннице было опасно.

Армянские воины-христиане всё чаще отказывались биться за интересы огнепоклонников-персов, и побег с военной службы, притом к заклятому врагу — Риму, стали частым явлением. Лишь в боях с кушанами и другими нехристианскими народностями армянская конница воевала надёжно.

Ворвавшись в Армению, персы были поражены тем, как разбогатела страна за последние десять-пятнадцать лет. Земледельцы усердно обрабатывали землю и собирали пшеницу, лозы виноградников клонились под тяжестью гроздьев, на полях паслись тучные стада коров и овец. В самый чёрный день армянский земледелец — шинакан — имел вдоволь хлеба, мяса и фруктов, в то время как персидский крестьянин — дехкан — перебивался с риса на воду. Обширные владения христианской церкви всё более умножались.

Три года грабили персы Армению. Особенно пострадали крупнейшие города страны: Арташат, Тигранокерт, Ервандашат и, конечно, Вагаршапат, ставший к тому времени не только столицей Армении, но и центром христианства в стране. Из разграбленных городов персы увели в плен почти всё мастеровое население. Армения славилась своими ремесленниками: выделывателями кож, ткачами, оружейниками, гончарами, мастерами литья железа, меди, серебра, других ценных металлов, которыми изобиловала страна. Большой толчок развитию тонких ремёсел, изготовлению изделий и украшений из драгоценных металлов и камней, распространению новых способов выработки тканей и шкур, принятых в Египте и Палестине, дали два крупных переселения ремесленников-евреев. Часть из них, пленённая во времена победоносных войн Тиграна II, была привезена в Армению в качестве военной добычи. Другие были приглашены позже царём

Трдатом, который, обратив большинство евреев в христианство, создал всевозможные льготы для их устройства на армянской земле. Разграбив Армению, Шапух увёл в плен огромное число армянских мастеровых и почти всех ремесленников-евреев. Это произошло как раз в то время, когда персы увезли в качестве заложников детей из знатных семей, в числе которых оказался и Вараздат.

С тех пор изменилось многое. Армяне длительное время жили в условиях относительного мира. Воспользовавшись ненавистью населения к персам, ромеи поспешили укрепить союз с единоверной Арменией. И для упрочения этого союза, а также под предлогом защиты страны от возможного нападения персов они разместили во многих армянских городах свои когорты.

Путешествие близилось к концу. Люди Тироца-армена без особых приключений добрались до отрогов Масиса, прошли их и начали спускаться вниз, где виднелась окутанная лёгкой дымкой обширная и плодородная Айраратская долина. Вараздат и Карен прокладывали путь каравану.

— Брат, наверное, ждёт не дожждётся нас... — задумчиво проговорил Карен. — Когда вернёмся на родину, надо будет обязательно поехать в Арцах, чтобы свидеться с отцом. Он долго не имел от нас никаких известий.

— Надо ли было отпускать Арсена в Арташат? — ответил вопросом на вопрос олимпиец. — Мы могли бы приехать все вместе и обойтись без торжественных церемоний.

Впрочем, в глубине души Вараздат был рад тому, что ему уготована в Арташате торжественная встреча. Арсен выехал в Армению вскоре после Игр для того, чтобы подготовить Вараздату приём в полном соответствии с обычаями, существовавшими уже много веков в Ахайе. И, как выяснилось позднее, весьма преуспел в этом.

Мирно беседуя, друзья ехали вниз по петлявшей горной дороге, как вдруг из-за утёса со свистом вылетело несколько стрел. Всадники молниеносно спешили. Опыт сражений и военная выучка сослужили им добрую службу. Но этим дело, конечно, не кончилось. На спешившихся всадников налетели пятеро вооружённых грабителей — их водилось тогда немало на больших дорогах. Схватка была короткой. Вскоре трое разбойников лежали среди камней со смертельными ранами. Вскочив на коня, Карен догнал одного из оставшихся в живых грабителей, который пытался спастись бегством. Расправившись с ним, он уже возвращался к месту, где оставил Вараздата, как вдруг увидел картину, заставившую его придержать коня и потянуться за луком.

Безоружный Вараздат стоял в своей излюбленной кулачной стойке перед главарём шайки, человеком огромного роста и недюжинной силы. Держа кинжал у бедра наподобие меча, разбойник приближался к Вараздату, намереваясь вонзить оружие снизу в его живот. Его торжествующее лицо было в метре от олимпиеца, когда неожиданный и быстрый как молния удар обрушился на подбородок великана. Кинжал выпал из рук разбойника, и Вараздат отшвырнул его ногой далеко в сторону. В следующее мгновение пришедший в себя разбойник бросился на Вараздата, широко размахивая кулачищами.

Карен не стал вмешиваться. Он знал, чем закончится этот рукопашный поединок. Уклонившись несколько раз от кулаков бандита, Вараздат нанёс ему два коротких боковых удара — в висок и челюсть. Нагнув голову, разбойник с криком пошёл на олимпиеца, готовясь ударить в живот или грудь. Но Вараздат остановил его новым ударом снизу и тут же обрушил на его затылок всю мощь двух сцепленных рук. Это была не арена кулачного боя, и церемониться не приходилось. Разбойник, шатаясь, сделал несколько шагов вперёд и, не удержавшись на краю обрыва, молча полетел в бездну.

В этот момент отряд достиг места схватки. Нещадно ругаясь, выговаривая друзьям за то, что они всё время отрываются от каравана, запыхавшийся Тироц умолк на мгновение, чтобы перевести дыхание, и вдруг сердито спросил:

— Можете вы хоть толком рассказать, что здесь произошло?

— Можем, конечно, Тироц-джан, — с улыбкой ответил Карен, — но ведь ты не даёшь рта раскрыть.

Пока Карен живописал случившееся, напирая особенно на поединок Вараздата с разбойником, олимпийщик молча потирал ушибленную руку...

У въезда в небольшой городок Азат-Масис караван поджидал небольшой конный отряд во главе с высоким, ладно сидевшим на коне юношей с чёрными сросшимися бровями.

— Это Рубен, сын сюникского нахарара Гнуни, прозванный за свою ловкость и находчивость «ящером». Он командир одного из царских отрядов, — пояснил Вараздату Карен. — И наверняка прислан сюда, чтобы сопровождать тебя до Арташата. А это значит, что Арсен добрался до дома благополучно.

— Родина ждёт тебя, Вараздат, — сказал, подъезжая, Рубен. — Счастливые жители твоего родного Арташата гордятся победой своего земляка на Играх в Олимпии и готовятся к встрече с тобой. После всенародного праздника в Арташате тебя примет царь Пап в своей резиденции в Вагаршапате. Я приехал сюда по его повелению.

Оставшаяся часть пути прошла незаметно. Горы уступили место равнине. Лошади легко шли по прямой, ровной дороге. Вскоре вдаль показались холмы с крепостными стенами Арташата. Сердце Вараздата билось от предвкушения встречи с городом. По рассказам кормилицы он представлял себе площади и храмы Арташата. Он был счастлив тем, что его победа умножит славу родины, войдёт в её богатую событиями историю.

Город был построен царём Арташесом I на девяти больших и малых холмах Хор-Вирапа, у слияния рек Мецамор и Аракс в щедрой Айраратской долине, на которую веками глядели седые вершины двуглавого Арарата. По преданию, идею построить в этом месте столицу подал Артаксию, как звали греки Арташеса, карфагенский полководец Ганнибал. Найдя в гостеприимной Армении прибежище после поражения, понесённого от римлян царём Антиохом, Ганнибал увлёк своего друга царя Арташеса идеей создания нового города. Говорили, что этот полководец, почитавшийся великим несмотря на ниспосланные ему в конце жизни жестокие поражения, сам начертал план будущего города. Задуманная и построенная в эллинистическом стиле, во многом похожая на родной город Ганнибала, новая армянская столица неспроста была названа в одном из произведений Плутарха «армянским Карфагеном».

Имя новой столице дал сам Арташес, для которого хлопоты, связанные со строительством города, были неиссякаемым источником вдохновения и радости. Вот почему он назвал его Артаксатой, то есть по-гречески «радостью Артаксия». Под этим именем, понятным грекам, столица Армении была известна за пределами страны, в то время как сами армяне предпочитали более привычное для своего языка название — Арташат. Удобное географическое положение города обеспечило ему роль торгового и культурного центра страны, сохранившуюся даже после перенесения столицы в Нор-Кагах¹, то есть в Вагаршапат.

На дороге, ведущей в Арташат, внимание путников привлекла парадная колесница с четвёркой богато убранных коней. Рядом с ней толпились люди. Колесница была белая с серебряными узорами, а её деревянные колёса окрашены в семь цветов радуги, в точности повторяющих цвета олимпийского флага.

¹ Дословно — Новый город (арм.).

— Прошу тебя, Вараздат, пересечь, чтобы въехать в город так, как того требуют олимпийские обычаи, — сказал Рубен. — Арсен просил также облачиться в этот плащ и возложить на голову оливковый венок победителя, — с этими словами Рубен подал олимпионнику пурпурный плащ, который Вараздат накинул на плечи. — А этой красной лентой надо перевить венок, — повернулся начальник отряда к Карену. — Так сказал Арсен!

Пока Вараздат скреплял плащ на груди пряжкой, на дороге показались два скачущих к ним во весь опор всадника. Одним всадником оказался Мхитар, нахарар Айрарата, на территории которого находился Арташат. Другой всадник был почти ещё мальчиком. Одетый в полное военное снаряжение с красивым посеребрённым оружием на поясе, он ловко осадил коня перед самой колесницей. Чувствуя на себе пытливый взгляд мальчика, Вараздат ласково обратился к нему:

— Ты хочешь спросить что-нибудь, тха-джан¹?

— Нет, — с достоинством отвечал мальчик, — только взглянуть на богатыря, побившего на кулаках атлетов из других стран мира!

Сказав это, он подъехал к Карену, взял у него из рук оливковую награду и пурпурную ленту и быстрыми, ловкими движениями вплёл ленту в венок. Окружающие с улыбкой следили за ним.

Далёкий грохот заставил всех повернуться в сторону крепости. То, что они увидели, казалось невероятным. Часть крепостной стены Арташата, рядом с Главными воротами, с шумом рухнула. В образовавшемся проёме показалась осадная машина, направляемая толпой пеших воинов.

— Я впервые вижу, чтобы осадные машины атаквали крепость изнутри! — воскликнул Вараздат. — Что всё это значит?

— Арсен убедил городские власти разрушить часть крепостной стены, чтобы герой Олимпии мог въехать в город не через ворота, а, в соответствии с древней традицией греков, через пролом в стене, — отвечал удивлённому олимпионнику Мхитар.

— Зачем? Что это за традиция? — вновь переспросил Вараздат.

— Город, в котором живут такие храбрые и сильные мужи, как ты, не нуждается для своей защиты в крепостных стенах, — ответил вместо отца мальчик и, сняв шлем, тряхнул головой. Длинные чёрные кудри рассыпались по плечам. Только теперь Вараздат разглядел, что перед ним девушка. Это неожиданное превращение было встречено радостными репликами и смехом окружающих. Но дочь Мхитара нисколько не смутилась. Она соскочила с коня, подошла к колеснице, около которой стоял олимпионик, прыгнула на неё и, оказавшись на одном уровне с лицом Вараздата, водрузила ему на голову перевитый лентами венок.

— Как зовут тебя, красавица? — вымолвил олимпионик, не отводя от неё глаз. Это была первая армянка, которую он встретил, вернувшись в родной город. Он был поражён её красотой, её смелостью, её непринуждённым поведением, столь отличным от ман!р персидских девушек.

Но едва юная всадница услышала обращённое к ней слово «красавица», как тут же потеряла всю свою смелость. Потупив взор, она молча подошла к коню, вскочила на него и, пришпорив, поскакала прочь по дороге в город.

— Это Ануш, — ответил вместо дочери Мхитар, разводя руками.

Но Вараздат уже не слышал. Встреча с девушкой вернула его мысли к Олимпии, к Деметре, к прощальному свиданию. Накануне его отъезда на родину между ними произошло объяснение. Молодая гречанка оказалась решительнее, чем он:

¹ Дорогой мальчик (арм.).

— Ты навсегда вошёл в моё сердце, олимпийщик! Подай знак, и я приеду в твою Армению по первому твоему зову.

— Я приеду за тобой сам, прекрасная Деметра, — обещал ей Вараздат. — Да не оставят тебя боги Эллады в своей благосклонности!..

Колесница двинулась к городу. Её вели двое юношей. Они были в греческих туниках и боевых шлемах. На их широких поясах висели короткие мечи. Движение колесницы и приветствия встречающих помогли Вараздату отвлечься от воспоминаний. Четвёрка серых коней, увитых разноцветными лентами, въехала в родной Арташат через пролом в крепостной стене. Отряд царских воинов сопровождал квадригу. Встречать олимпийщика вышел весь город. Здесь были и глубокие старцы и старухи, и молодые юноши и девушки, и, конечно, вездесущие мальчишки, которые бежали беспорядочной толпой впереди колесницы, хотя два конных воина постоянно отгоняли их в сторону, стараясь освободить дорогу.

Стоявшие вдоль улиц люди приветствовали Вараздата — победителя Игр, но ему казалось, что они радуются его возвращению домой после столь долгого отсутствия. Многих действительно волновало именно это обстоятельство: благодаря Арсену история жизни олимпийщика стала достоянием всего города. Какая-то старая женщина, звеня монистами на лбу и шее, из толпы протянула руки к олимпийщику и крикнула:

— С возвращением тебя на родину, сынок!

Недалеко от Главных ворот раскинулась большая городская площадь с гостиными дворами и конюшнями для торговых караванов. Вся она была заполнена нарядно одетыми горожанами, иноземными торговцами. Доехав до центра площади, квадрига остановилась перед изумительной, в натуральную величину бронзовой колесницей, запряжённой четвёркой великолепных бронзовых коней. Стоявший в экипаже бронзовый возничий держал в правой руке статуэтку крылатой богини Ники. Голову его венчала царская тиара.

Увидев обе квадриги рядом, тысячная толпа людей замерла в восхищении. Вараздат, конечно, узнал тотчас же описанный ему братьями памятник участнику олимпийской гонки квадриг Тиграну II. Повинуясь внутреннему побуждению, он сорвал с головы оливковый венок и, подняв его высоко над собой, протянул бронзовому олимпийцу. Через пространство и века Вараздат извещал этим жестом Тиграна, что крылатая Ника даровала победу на Играх и титул олимпийщика одному из сынов Армении.

Люди, заполнившие площадь, поняли жест своего соотечественника. Толпа возликовала. Отвечая на приветствия, Вараздат медленно поворачивался, потрясая священным венком Каллистифана.

Колесница двинулась дальше — к рыночной площади, центральной площади Арташата. Радость возвращения на родину. пьянила Вараздата. Никогда ещё за свою жизнь он не испытывал такого волнения. Ни в ратных сражениях, ни в поединках на арене кулачного боя, ни даже тогда, когда он приносил клятву всемогущему Зевсу или получал на ступенях его храма оливковый венок победителя. Да иначе и быть не могло, потому что он всегда оставался сыном своего народа.

На заполненной праздничной толпой рыночной площади Вараздата приветствовали члены городского совета и главный священник Арташатской церкви. Благословив олимпийщика, он попросил его возложить завоёванную награду к алтарю покровительницы города. Вараздат и здесь узнал направляющую руку Арсена. Олимпийщик опустился на одно колено и бережно положил к алтарю венок из ветвей священной оливы, соединив этим символическим жестом самые святые для него города — Арташат и Олимпию.

После всенародного чествования на рыночной площади состоялся большой пир, в котором приняли участие знатные горожане и многие съехавшиеся в Арташат нахарары. Торжественность и пышность праздника не оставляли сомнений в том, как высоко ценил город олимпийского победителя. Вараздат был возведён в сан почётного гражданина Арташата, а когда в ответной речи, произнесённой на чистом армянском языке, он в изысканных выражениях поблагодарил за оказанную ему честь, он обрёл множество друзей. Да это и понятно. Нередко бывало, что соотечественники, прожившие некоторое время на чужбине, забывали родной язык. А ведь Вараздат провёл почти всю свою жизнь за пределами родины...

Олимпионик очень ждал встречи с царём Папом — единственным оставшимся в живых родственником. Пап был младшим братом его отца, Аноба, который погиб в той жестокой войне с персами. Мать Вараздата, потерявшая мужа и лишившаяся сына, увезённого заложником в Персию, не вынесла свалившихся на неё несчастий и вскоре скончалась. Вараздат мечтал обрести в лице Папа друга и брата. Своему царственному происхождению ни Вараздат, ни другие нахарары не придавали значения, потому что наследниками армянского престола были малолетние сыновья рано женившегося Папа — Аршак и Вагаршак. Гораздо важнее для Вараздата было то, что между ним и царём Папом не было разницы в годах. Двадцатилетний Пап носил царскую корону уже три года, а двадцатилетний Вараздат только что завоевал венок победителя Игр в Олимпии.

Встреча с царём оказалась поистине братской. Худощавый, стройный Пап выглядел моложе богатырски сложенного племянника. Царя сразу расположил к себе сильный, смелый юноша, который так увлекательно рассказывал о годах своего пребывания в Персии, о бегстве в Византию, об Ахайе, Олимпии и её атлетических играх. В свою очередь, Пап открывал Вараздату Армению, рассказывал о её проблемах, о введённых им реформах, имевших целью укрепление независимости армянского государства и самостоятельности армянской церкви. Вараздата поразил гибкий ум молодого царя.

Уступая просьбам Вараздата, царь дал согласие на проведение в будущем атлетических состязаний в Армении по типу тех, что проходили в Олимпии. С его повеления в Арташате и других городах приступили к строительству палестр и гимнасиев. Разумеется, атлетические упражнения были полезны прежде всего для закалки армянских воинов. А чтобы привлечь к занятиям больше юношей, было решено поставить в городском амфитеатре трагедию на олимпийскую тему, после которой должен был состояться показательный кулачный поединок.

Театральные постановки в Арташате были обычным явлением. Первый спектакль состоялся в этом городе более четырёх веков назад, во времена царя Артавазда. В сокровищницах городского совета бережно хранилась копия древнегреческой рукописи, в которой Плутарх сообщал, что по случаю свадьбы парфянского царевича Пакора с сестрой армянского царя Артавазда труппа греческих актёров разыграла тогда в Артаксате трагедию Еврипида «Вакханки».

Что касается предстоявшего кулачного боя, то его целью было не столько продемонстрировать перед сановниками и горожанами Арташата мастерство Вараздата, в котором никто не сомневался, сколько привлечь к этому виду агона новых поклонников. В Арташате тоже были свои кулачные бойцы, но большей популярностью здесь пользовалась борьба. Поэтому поиски достойного Вараздату соперника были организованы по всей стране. Знатоки сошлись во мнении, что наиболее подходящая кандидатура — восемнадцатилетний богатырь

Хорен из крепости Эребуни, не имевший в последнее время себе равных в кулачных поединках, организуемых иногда среди армянского воинства. В ожидании этого события в лучшей мастерской города по совету Вараздата шили две кожаные, набитые шерстью

шапки, закрывающие лоб и уши, в которых во избежание повреждений предстояло биться поединщикам...

Глава IX

Царская корона

— Да ослепнут глаза наши! Горе нам, горе! Армения лишилась царя!

Эта весть с невероятной быстротой облетела страну. Женщины оплакивали молодого царя. Мужчины задавались вопросом, как это могло произойти — ведь царь находился под двойной охраной армянских и римских воинов в крепости Карин, куда он был приглашён послом Византии Теренцием.

Вскоре стали поступать известия, проливающие свет на обстоятельства смерти царя Папа. Оказалось, что во время встречи с царём посол стал упрекать его в уклонении от прочного союза с Византией.

— Чем объяснишь ты, царь, свою настойчивость в создании постоянного войска? Разве безопасность Армении не защищена надёжно римскими легионами, расквартированными в крупнейших армянских крепостях? — вопрошал Теренций с недопустимой для посла требовательностью. — Что значит твоё упорное нежелание согласовывать с Константинополем выбор главы армянской церкви и твой отказ послать его на миропомазание в Византию?

По словам очевидца этой беседы, начальника царского полка Бада Сааруни, царь отвечал, что создание в Армении постоянного войска наподобие того, что существует в соседней Византии, призвано усилить безопасность страны и облегчить Римской империи тяготы по содержанию вдали от своих границ столь значительных военных сил. Впрочем, это было не совсем так: расходы по содержанию ромеев, находящихся на территории Армении, ложились тяжёлым бременем не на Византию, а на армянский народ. Теренций, конечно, понял намёк царя.

Что касается требования о миропомазании армянского католикоса, говорил Пап, то направление его в Византию, где до недавнего времени христианство исповедовалось наряду с язычеством, да и сейчас ещё сильны пережитки старой веры, может нанести вред общему делу христианской церкви и обидеть религиозные чувства верующих в Армении, где с язычеством уже давно покончено.

— Об этом, — заключил Пап, — стоит поговорить позже, после окончательного утверждения христианства для всей Восточной Римской империи.

Аргументы царя, казалось, убедили посла. Во всяком случае, Теренций не стал более настаивать на своём. Дальнейшее показало, однако, что посол понял лишь тщетность своих попыток. Теренций утвердился во мнении, что действия царя вышли из-под

контроля Византии. Семь лет правил Арменией Пап. Он взошёл на престол семнадцатилетним юношей. Тогда он казался послу осторожным, даже предупредительным правителем маленькой страны, зависимой от Византии. Теперь, в двадцать четыре года, он оказался хитрым, сильным политиком. Опираясь на создаваемое им самостоятельное войско, царь Пап всё менее нуждался в римских легионах. Более того, он тяготился их присутствием на армянской земле. Это предопределило судьбу царя. Вечером того же дня в разгар пиршества ничего не подозревавший Пап был вероломно убит. Убит подло, предательски. Охваченные яростью, воины царской охраны бросились по призыву Бада Сааруни на превосходящую по численности римскую стражу и перебили её. Население Карина взялось за оружие. Римскому отряду с трудом удалось выбраться вместе с послом из крепости.

Едва стали известны эти подробности, как по всей стране пронёсся клич: «Бей ромеев!» Предводительствуемые своими нахарарами, армяне взялись за оружие и стали изгонять из страны ненавистных легионеров. Наголову разбитые в Карине, Вжане, Арталесе и ещё двух-трёх соседних крепостях римские отряды, размещённые в других городах Армении, сочли за благо отступить в Византию, не принимая сражений.

Известие о постигшем страну несчастье застало братьев в их родовом владении Арцахе. Они немедленно отправились в Вагаршапат и отыскивали там Вараздата, прибывшего на два дня раньше.

— Вечером у католикоса соберутся нахарары. Многих, правда, не будет — они заняты очищением страны от ромеев. Но дожидаться всех нет времени. Дело не терпит отлагательства. Нужно посоветоваться. Вот, читайте! — с этими словами Вараздат протянул братьям письмо.

Развернув свиток, они увидели эмблему императора — миниатюру с изображением короны, трона и скипетра. Текст был краток:

«Самодержец Восточной Римской империи цезарь Феодосий Великий олимпионнику Вараздату августейший привет!

Несмотря на превратности судьбы, добрососедство Византии с Арменией не может ставиться под сомнение.

Приезд олимпионика в столицу империи станет лучшим тому подтверждением. Для армян речь идёт о деле государственного значения.

Год четвёртый 292-й олимпиады, месяц элафобелион, Константинополь».

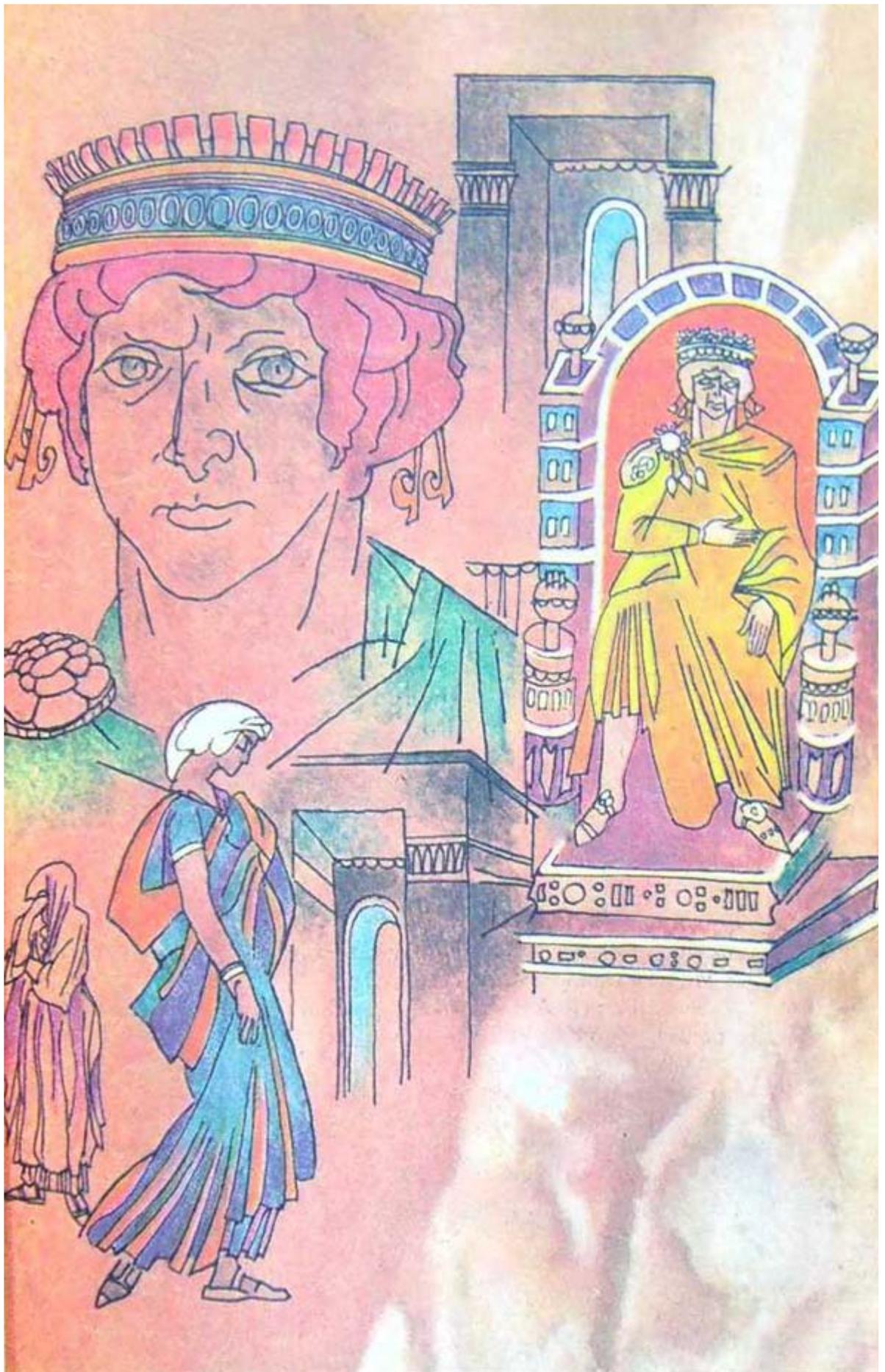
Сомнений у братьев не было.

— Надо немедленно ехать к Феодосию. Мы, конечно, тоже поедem с тобой, Вараздат.

Во взгляде Вараздата можно было заметить и благодарность и тревогу. Он не хотел навлекать беду на друзей. Если смысл приглашения был не совсем ясен, то опасность такого путешествия была очевидной. Ещё происходили вооружённые стычки между армянами и византийцами. Братья поняли без слов его колебания.

— Послание императора будет для нас лучшей охранной грамотой, — успокоил его Арсен.

Вечером состоялся совет нахараров. Мнения разделились. Приверженцы традиционной дружбы с Византией приняли сторону братьев. Странники союза с Персией, напротив, считали, что при нынешнем положении дел Вараздату ехать к Феодосию не следует. Дети убитого царя Папа были слишком малы, чтобы занять трон. А Вараздат, хотя и не был прямым наследником царственной ветви Аршакидов, мог стать регентом, а то и новым царём Армении. Поэтому, говорили они, страна не имела права рисковать им. Они предлагали немедленно отправить олимпионика к Шапуху — благо он хорошо знал Вараздата — и просить помощи персов.

Разногласиям положил конец католикос Усик. Это был умный, дальновидный человек, выходец из знаменитого рода Альбианос-нов. Бывший воин, он получил пост католикоса от царя Папа именно благодаря своей рассудительности.

— Если бы ромеи решились на войну с Арменией, — сказал он, — они это сделали бы без промедления, чтобы упредить приход к нам на помощь персидских войск. Но, идя войной на Армению, Византия сама толкнула бы нас на союз с её главным врагом — Персией. Феодосий сейчас занят важным внутренним делом — попыткой воссоединить обе Римские империи: Западную и Восточную. Война с Арменией вряд ли отвечала бы сейчас его интересам. Я думаю, что во имя интересов страны Вараздату следует ехать в Византию и выяснить намерения императора. Кстати, такой же совет нам даёт наш посол в этой стране Манук Басенци. — При этих словах Усик поднял над головой послание, привезённое гонцом перед самым совещанием.

И Вараздат поехал к Феодосию. Рядом с ним были нахарары Карен и Арсен, вот уже много лет делившие с ним все опасности. Для сопровождения Вараздату был придан небольшой отряд личной охраны во главе с уже знакомым ему Рубеном. По пути в Константинополь они встретили в окрестностях города Карин траурную процессию. Личный отряд царя Папа, возглавляемый храбрым нахараром Бадом Сааруни, в горестном молчании вёз в Вагаршапат тело молодого царя, предательски убитого Теренцием. До самого въезда в столицу Византии перед глазами олимпийца стояло обезображенное ударом меча лицо его царственного друга. В ушах Вараздата звучали суровые слова Бада Сааруни:

— Надо ли было дожидаться смерти царя, чтобы изгнать из Армении ненавистных легионеров? Это можно было сделать значительно раньше, сохранив при этом жизнь царя. Я не раз призывал его поднять меч на иноземных врагов, не раз призывал покончить и с предателями внутри страны. Я убеждал его не бояться крови. Но он был слишком мягок для нашего жестокого времени...

Невдалеке от крепости Ани, на самой границе с Византией, путникам преградила путь римская когорта. Ознакомившись с посланием императора, начальник отряда сообщил, что по всей границе отдан приказ встретить олимпийца, обеспечить охрану и препроводить его с почётом в столицу.

Встреча с Феодосием Великим была радушной. Император встал с трона, подошёл к склонившемуся перед ним в глубоком поклоне олимпийцу и, подняв его, сказал:

— Армения должна знать, что цезарь не имел отношения к коварным замыслам комеса Теренция и осуждает их. Этот военачальник оказался неподходящим для деликатной миссии посла. Он скрывается от императорского гнева, но будет наказан, как только объявится. Армянские нахарары должны поверить мне: всё происшедшее — результат трагического недоразумения. Я надеюсь, олимпиец, что ты в точности передашь им мои слова!

Вараздат молча внимал императору. И поверил бы ему, если бы не знал того, что скрывал император. Неутомимый Бад Сааруни обыскал резиденцию Теренция и нашёл в тайнике письмо, в котором Феодосий оставлял на усмотрение своего посла выбор любых средств для пресечения самостоятельной политики армянского царя, которая, по мнению Теренция (и это мнение он сообщал Феодосию), неминуемо приведёт к сближению Армении с Персией. «Да, — подумал Вараздат, — такая позиция посла была действительно препятствием для дружбы со страной, в которую он послан». В этом и только в этом Вараздат мог согласиться с императором. Отвечая своим мыслям, он кивнул Феодосию.

Император положил дружески руку на плечо олимпийца, подвёл его к стоявшему у окна большому дивану с круглыми восточными подушками и, усадив рядом с собой, продолжал:

— Армения лишилась царя, но, хвала богу, она имеет немало достойных мужей, могущих занять царский трон. И первым среди них я считаю тебя, олимпиец! Ты храбрый воин, выдающийся атлет, честный человек и просвещённый муж.

При этих словах Вараздат поднял глаза на императора и произнёс:

— Цезарю ведь известно, что я провёл большую часть своей жизни в Персии, при дворе врага римлян — царя Шапуха!

— Разумеется, олимпиец, — отвечал Феодосий, — но я знаю, что ты не испытываешь симпатии к персам, разорившим твою страну и разлучившим тебя на долгие годы с родиной. Я не сомневаюсь, — и тут Феодосий сделал многозначительную паузу, — что ты по достоинству оценишь моё к тебе благоволение и традиционную дружбу Византии с Арменией. Я уверен, что ты не позволишь Персии воспользоваться смертью царя Папа и твоим воцарением на престол для губительного союза с этой вероломной страной, нетерпимой к тому же в отношении христианской религии. На этом покоится моё решение о предоставлении тебе армянского трона... царь!

При этих словах Феодосий встал и хлопнул в ладоши. Из многочисленной свиты, окружавшей императора и стоявшей недвижимо в течение его разговора с Вараздатом, вышли три служителя, неся перед собой подносы. Карен, епископ Завен и начальник отряда Рубен Гнуни, сопровождавшие Вараздата на встрече с Феодосием, с удивлением разглядывали лежавшую на одном из подносов золотую корону, сверкающую драгоценными камнями.

Вараздат тоже поразился, увидев корону, но ничем не выдал своего волнения. Император взял её в руки и, подойдя к олимпийцу, молча надел на его голову. Затем снял со второго подноса скипетр и подал его Вараздату. По знаку императора один из царедворцев взял с третьего подноса порфиру — шитый золотом пурпурный плащ — и накинул его на плечи Вараздата.

— Данной мне божественной властью и именем христианской церкви я провозглашаю тебя, Вараздата Аршакуни, царём Армении!

Да, посланцы Армении были удивлены. Но не тем, что Вараздат был возведён на армянский трон. И, конечно, не блеском драгоценных камней в короне. А тем, что, ступив на армянский престол, Вараздат сразу же получил от Феодосия отличительные знаки царского сана. Пап, получивший трон Армении от римского императора, так и не удостоился вручения ему этих царских отличий. Довольный произведённым впечатлением, император поздравил сановников с новым царём.

Вечером был устроен большой пир. Столы ломились от угощений и напитков. Гремела музыка. Перед гостями танцевали красавицы рабыни. Но новому царю было не до веселья. Мысли его снова и снова возвращались к словам, сказанным императором как бы невзначай:

— Укреплению нашей дружбы, царь, способствовало бы восстановление существовавшего ранее порядка, при котором католикос Армении назначается с нашего согласия и одобрения. Проявляя великодушие, я и христианская церковь не возражаем против нынешнего католикоса Усика и ждём его приезда в Кесарию на миропомазание...

Второе возвращение Вараздата в Армению происходило в месяце мунихионе. Природа вновь пробуждалась к жизни. Зеленели виноградные лозы, цвели знаменитые армянские абрикосы и персики. Воспрянувшая после изгнания ромеев страна готовилась сеять, зная, что ни один мешок пшеницы, ни один карас вина не будет изъят для пропитания расквартированных на родине иноземцев.

Несмотря на хорошее настроение окружавших его воинов, гордых тем, что они сопровождают в Армению нового царя, сердце Вараздата щемило от боли. Причин тому было много. И гибель родного ему царя Папа, и тревога, связанная с предстоящими незнакомыми заботами и делами, и горечь от его последней встречи с Деметрой, состоявшейся накануне отъезда из Византии.

Они не виделись четыре года, однако Деметра тут же поспешила в Константинополь, узнав, что Вараздат в Византии. Вместе с ней была её верная Фату, согласившаяся наконец на вольную и ставшая свободной гражданкой империи. Молодая нубийка, долго и тяжело переживавшая утрату своего возлюбленного, вновь обрела способность улыбаться в обществе Арсена. В конце путешествия Арсен предложил Фату руку и сердце и уговаривал уехать в Армению. Фату, смеясь, соглашалась, но только при условии, что Деметра тоже поедет вместе с ними.

Насколько радостной была встреча Вараздата с гречанкой, настолько же печальным было их расставание. Деметра словно предчувствовала, что их надеждам не суждено сбыться. И когда настало время пуститься в обратный путь и Вараздату подвели коня, Деметра проговорила с горечью:

— Прощай, царь! Пусть хранят тебя боги Эллады и Армении в славных делах твоих. Пусть они всегда покровительствуют тебе так, как это было на Играх в Олимпии!

— До свидания, божественная Деметра, — отвечал Вараздат. — Наше расставание не будет длительным. Я не забыл твоего обещания приехать в Армению по первому моему зову. Помни его и ты!

Деметра кивнула, но лицо её оставалось печальным.

— Поздно, любовь моя, — прошептала она вслед удалявшемуся Вараздату. — В заботах царских, на троне далёкой Армении, вовлечённой в круговерть событий, ты позабудешь свою Деметру.

Вараздат снова с триумфом въезжал в Арташат. Именно здесь, а не в столице страны Вагаршапате, где ещё сохранялся траур, было решено устроить ему торжественную встречу. В памяти Вараздата были свежи впечатления от того приёма, который был оказан ему четыре года назад. Он ничем не уступал нынешнему. Новый государь ехал в богато убранной царской колеснице, осыпаемой цветами. Он был в развевающемся пурпурном плаще, подпоясанном золотым царским поясом, и в красных башмаках. На голове у него сверкала царская корона. На площади перед Главными воротами вновь произошла волнующая встреча. Но теперь к бронзовому возничему приближался не олимпиец, а царь. Остановившись на мгновение у памятника царю-олимпийцу, Вараздат поднял в приветственном жесте руку, мысленно давая клятву быть достойным памяти этого мудрого правителя. Затем колесница двинулась дальше. За ней ехали свита, телохранители, нахарары, военачальники.

Особенно ликовал простой люд. Горожане хорошо знали Вараздата-олимпийца, часто гулявшего по городу, заглядывавшего на рынок, в мастерские, показывавшего детям прямо на улице приёмы борьбы и кулачного боя. Им было приятно, что новый царь молод, красив и мужествен, что он завоевал на чужбине высокую награду, побив в бою на кулаках сильнейших богатырей из других стран. Им казалось, что такой человек должен быть несомненно честным, справедливым и умным царём. Могли ли они предположить, что писец католикоса, круглолицый старец Павстос, человек зоркий и наблюдательный, запишет в своих свитках, ставших впоследствии бесценными документами истории, следующие слова: «Новый царь отличался мужественной красотой, храбростью необыкновенной, но не превосходил благоразумием своих ближайших предшественни-

Впрочем, что имел в виду Павстос под словом «благоразумие»? Не отказ ли от надежд на достижение Арменией полной самостоятельности? Если это, то Вараздат действительно «не превосходил благоразумием» других армянских царей, мечтавших о независимости армянского государства от Византии и Персии.

Нахарары и духовенство с нетерпением ожидали первых шагов нового государя. Он ввёл в практику постоянные советы с узким кругом участников, куда входили католикос Усик, спарапет Мушег Мамиконян, управляющий дворцом Зенон Аматауни, начальник царского отряда Бад Сааруни и два советника царя, нахарары Карен и Арсен. На этих советах каждый из присутствовавших имел право открыто отстаивать свою точку зрения по всем обсуждавшимся вопросам.

Но все ждали Большого совета. И этот день наконец настал. Вагаршапат с утра походил на встревоженный улей. Нахарары, приехавшие вместе со своими телохранителями и слугами, приводили в порядок одежду, готовились к встрече с царём. Здесь были почти все большие и малые нахарары и бдэшхи¹ Армении, представители духовенства, военачальники. Всех интересовало, отменит ли новый царь реформы своего предшественника, вызывавшие не только недовольство церкви и князей, но и самого императора Феодосия, который возвёл на престол Армении олимпионика.

Входя в тронную залу, где обычно собирался совет, нахарары располагались не спеша, строго соблюдая порядок старшинства. Многие были в походном одеянии — в латах и при оружии. Другие, отдавая дань традиции, оделись в цветные кафтаны, накинули на плечи плащи, надели дорогие меховые шапки, нанизали на пальцы перстни. Впрочем, и они были при оружии — короткие мечи висели на широких, шитых серебром поясах. Нахарары приветствовали друг друга, шумно обменивались новостями.

Когда все расселись по местам, показался католикос. Рядом шла молодая женщина в траурном наряде. Следом за ними быстрым шагом вошёл Вараздат. Он был в военном одеянии, лишь на голове вместо шлема красовалась тиара. Он почтительно обратился к женщине, приглашая её занять место поблизости от католикоса. Нахарары поняли: царь неспроста пригласил на Большой совет вдову покойного государя, безутешную Зармандухт. Разговоры в зале стихли.

Все выжидательно смотрели на царя.

Сопровождаемый неразлучными братьями и Зеноном Аматауни царь подошёл к трону, установленному на некотором возвышении в конце залы, и сел на него. Он приветствовал нахараров и с убеждённой уверенностью сказал, что собранные в единый кулак разум, совесть и сила неодолимы.

— В управлении страной, — сказал царь, — я буду руководствоваться доводами своего разума, прислушиваться к голосу нашей совести — главе армянской церкви — и опираться на несокрушимую силу, которую являют собой наши доблестные нахарары! Да будет народ армянский жить в веках!

Последние слова Вараздата потонули в хоре одобрительных возгласов. Нахарары оценили признание царём их роли, а духовники — значения церкви. Новый царь, значит, не собирается возносить себя над ними, как это исподволь, незаметно и умело делал покойный царь Пап.

Но следующая часть речи подействовала на них отрезвляюще.

— Армения переживает тяжёлое время, друзья мои, — продолжал Вараздат. — Мы потеряли нашего дорогого царя Папа, и в этом есть наша с вами доля вины. Если бы объявленные царём реформы не наталкивались на скрытое противодействие нахараров и

¹ Бдэшхи — владельцы пограничных областей в Армении.

церкви, Армения давно была бы сильным государством, могущим постоять за себя в споре с такими гигантами, как Византия и Персия.

Царь обвёл взглядом нахараров и воскликнул:

— Издавна армяне говорят: «Какая бы ни начиналась война, первый её удар приходится на Армению!» Такова наша доля, наша судьба, наш рок! Конечно, с нами бог, но он помогает прежде всего тем, кто может помочь себе сам. Потому, молясь всевышнему, мы будем спешно создавать свою армию. Вознамерившись иметь постоянное войско, царь Пап не стремился стать сильнее нахараров. Добиваясь осуществления планов покойного государя, царь Вараздат также не стремится стать сильнее нахараров. Единственная цель, которую преследует царская власть, — это сделать Армению сильнее своих внешних врагов.

Вараздат замолчал на мгновение. Он не хотел вызывать недовольство нахараров и потому обдумывал каждое слово. Но искренность и прямота его натуры воина и атлета взяли верх над осторожностью. Он встал с трона и заговорил с чувством:

— Я не приучен хитрить и не хочу скрывать свои чувства, тем более что ратую за правое дело. И потому я буду говорить с вами откровенно. История не оставила армянам времени для того, чтобы терять годы на осознание очевидной истины. Находясь между Византией и Персией, как между молотом и наковальней, мы можем выжить только при условии, что будем крепки как алмаз. Для этого необходимо единство. Не может быть сильным наше государство, если нахарары трудятся над тем, чтобы ослабить царскую власть в своих корыстных интересах. Не могут думать об общей пользе люди, избравшие целью личную выгоду и считающие, что лучше жить свободным на чужбине, чем рабом в своём отечестве. Прикрываясь именем Армении, как щитом, используя, как охранную грамоту, широко известную славу её воинства, тысячи армянских юношей устремляются за границу и с лёгкостью получают службу в войсках Византии и Персии, в то время как родина остро нуждается в них здесь. Нашей молодёжи пора наконец призадуматься не над тем, какую выгоду можно извлечь из родины, а над тем, что можно сделать для неё!

Последние слова царь почти выкрикнул. Встретив предостерегающий взгляд братьев, Вараздат умолк, сел на трон и перевёл дыхание. Затем, обращаясь к католикосу Усику и сидевшим рядом с ним епископу Завену и другим духовникам, он сказал:

— Я знаю, что духовенство считает себя обделённым решением царя Папа, передавшего большинство их угодий в пользу государства.

Многие надеются, что я изменю это решение. Нет, этого не будет! Казне нужны деньги для содержания войска, для устройства государственных дел. Оставшихся у церкви богатств более чем достаточно, чтобы прокормить священнослужителей и позаботиться о духовной пище народа. Я знаю, что духовники хотели бы к себе того же уважения, каким пользовался святой Григорий Просветитель. Но они забывают, что он заслужил признание своими страданиями и трудами. Пусть наши священники посвящают больше времени устройству школ, больниц и другим богоугодным делам. Пусть церковь остаётся совестью народа, хранительницей семейного очага. Пусть она несёт людям просвещение, знание, грамоту.

Царь снова поднялся с трона и торжественно произнёс:

— Царская власть будет способствовать благотворным делам церкви, будет защищать её самостоятельность. Армянские католикосы никогда не будут ездить на миропомазание в Кесарию!

Он тяжело опустился на трон и промолвил:

— Я кончил. Пусть несогласные со мной возьмут слово и без опаски выскажут свои мысли.

В зале наступило долгое молчание. Нахарары понимали справедливость доводов царя, но были обескуражены его стремлением ускорить неуютное им дело создания постоянного войска. Это ослабляло их и усиливало царя. Церковники были рады, что царь, получивший корону из рук византийского императора, проявил верность заветам Папы и обещал не направлять католика на миропомазание в Кесарию. Для них это означало также, что доходы церкви не будут переправляться в Византию, что всё останется в стране. А это в значительной мере возмещало потери церкви от угодий, отобранных царём. Папа был мудрым царём, и Вараздат неспроста стремился сохранить и развить его начинания.

В залу вошли слуги с подносами, заставленными угощениями и напитками. Это было очень кстати. Пока слуги обносили едой, можно было поразмыслить над словами царя.

Первым поднялся католикос Усик. Он оправил свою серую рясу, подпоясанную тонким шерстяным шнуром, передвинул ближе к тмени шёлковую скуфью и начал говорить степенно и негромко. Католикос воздал должное дальновидным решениям царя и обещал умножить богоугодные деяния церкви.

— Однако, — сказал Усик, — мы должны помнить, что простое увеличение числа школ мало что даст. Обучать детей грамоте — значит обучать их греческому языку. От этого мало пользы. Разве что они смогут понимать богослужения на греческом языке. Но мы уже повсеместно переходим на наш родной язык, а для написания армянских церковных текстов пользуемся греческими письменами. Правда, они мало подходят к звукам нашей речи. Бог обделил наш богатый язык письменами. Однако мы не станем падать духом, мы будем продолжать распространение грамоты, используя буквы наших единоверцев из Византии, даже если это вызовет недовольство персов.

После католика слово взял владельный бдэшх Нихоракана. Это был крупный, грузный мужчина средних лет с бритой головой и приятным, мягким голосом.

— Не всё так просто, царь, — начал он. — Я говорю от имени тех нахараров и бдэшхов, чьи владения граничат с Персией. Мы чуть ли не каждый день сталкиваемся с ними. И скажу откровенно: лучше нам взять сторону персов. Это позволит нам сохранить наш народ. Иначе беда. Персы затаили на нас злобу за то, что мы приняли христианство, изменили языческой вере. И их можно понять. Ведь язычество пришло в Персию с незапамятных времён именно из Армении, жители которой называли, да и сейчас ещё называют, себя по привычке «аревортами» — сынами Солнца. И ещё скажу: людей своих в царское войско я отряжу, пока вокруг неспокойно. А потом надо будет подумать!

Едва он кончил говорить, как нахарары Кордуены, Нор-Ширака и других соседних с ними областей подали вразнобой голоса:

— Правильно он сказал!

— С персами можно договориться!

— Они уже не те, что раньше: считаются с нами!

Но когда в другом конце залы поднялась тощая и длинная фигура князя Багратуни, говорившие замолкли. Обведя взглядом присутствовавших, он покрутил свои длинные усы и, поправив меч, сказал:

— Мы тоже натерпелись от соседей. Правда, сейчас на нашей земле ромеев не осталось — все ушли за Евфрат. Казалось бы, можно вздохнуть свободно. Но покоя всё равно нет. Потому что, если они придут к нам с мечом, мы не устоим. Так не лучше ли нам держаться Византии. Её жители одной с нами веры. Там сильно развиты искусства, грамота. Мы даже используем их письмена. Спросите нахараров Даранали, Цопка, Андзита и других. Они подтвердят, что я прав. А насчёт войска — лучше его собирать, когда над страной нависает опасность. У нас и так не хватает людей. Самые лучшие служат в Византии.

- Князь дело говорит!
- Ромеи нас почитают за равных!
- Лучше дружить с дальним соседом, чем с ближним!

Шум постепенно затихал. Взгляд Вараздата упал на спарапета Мушега. Стройная фигура, курчавая борода, орлиный взгляд на энергичном лице делали этого зрелого мужа моложе своих лет.

— А ты что скажешь, спарапет? — И Вараздат внимательно посмотрел на Мушега.

— Моё дело командовать войсками в сражениях, — нехотя вымолвил Мушег. — Спарапеты всегда выполняют волю царей! — И, опустив голову, он стал задумчиво тереть бородавку, давая понять, что ему больше нечего сказать.

Царю не понравилось, что спарапет уклонился от обсуждения дел: Вараздат припомнил, что на узких совещаниях Мушег тоже всё больше отмалчивался, как если бы он был на кого-то обижен. Царь знал, что нахарары не приветствовали в его присутствии спарапета, потому что таков был обычай. Не это ли обижало Мушега? Мог ли знать царь, что причины лежали глубже?..

Впрочем, раздумывать над этим сейчас было некогда. В следующее мгновение вниманием царя завладел начальник его полка Бад Сааруни. Он был в полном боевом облачении, как если бы и сегодня ещё собирался биться с ромеями. Его голос звучал резко, страстно, заинтересованно.

— Зачем нам держаться одной из сторон? Мы избавились от ромеев ценой жизни царя Папа. А теперь нам предлагают позвать их назад или, хуже того, пригласить персов. Может, нам ещё и дочерей Шапуха просить в жёны? Благо их у него восемь — достанется всем желающим! Нет! Нам надо скорее создать постоянное войско и ударить — поочерёдно, разумеется, — и по ромеям, и по персам, да так, чтобы они надолго оставили нас в покое! — И Бад резко сел на своё место.

— Не горячись, Сааруни, — с улыбкой сказал царь. И, обращаясь к нахарарам, продолжил:

— Друзья мои, Бад прав, когда говорит, что незачем приглашать сюда чужестранцев. Мы останемся верны памяти царя Папа. В этом мы заверяем тебя, Зармандухт. — Царь сделал жест рукой в сторону вдовы покойного царя, сидевшей с низко опущенной головой. — Но и воевать с соседями нам ни к чему. Постоянное войско нужно нам не для того, чтобы нападать на соседей, а для того, чтобы удержать их от нападения на нас. Правы нахарары, которые жалуются на набеги персов и ромеев. Им трудно удержать своими силами врага. Если владельцы областей, расположенных в глубине страны, живут в достатке и спокойствии, то лишь потому, что бдэшки принимают удары врагов на себя. Вот поэтому нам надо иметь постоянное войско, чтобы защищать границы нашей страны. Это бремя должны нести не только те, кто живёт по соседству с Византией или Персией. Это наше общее дело. На том и порешим!

После Большого совета часть нахараров в тот же день разъехалась по домам. Те, кому предстоял долгий путь остались в столице, дожидаясь наступления рассвета.

Утром советники царя, Карен и Арсен, ввели к Вараздату человека могучего телосложения, с лысеющей, несмотря на молодость, головой. Это был Месроп Ацекаци, известный своими подвигами и храбростью в сражениях, что было неудивительным, если учесть, что он происходил из области Тарон и принадлежал к нахарарскому роду Мамиконянов. Месроп был очень образован, знал несколько языков, учился за границей. Поклонившись царю, он сказал:

— Я много думал, царь. А вчерашние разговоры на Большом совете утвердили меня в мысли, что армянам нужны свои собственные письмена. Надеюсь на бога, мы должны и сами искать наши письмена. Тогда мы сможем учить грамоте наших детей на родном

языке. Греческие буквы нам не подходят, как справедливо заметил их святейшество католикос Усик. К тому же их применение в Армении восстанавливает против нас персов. Я не знаю, где найти армянские письма. Но я твёрдо знаю, что сделать это надо. И хочу посвятить свою жизнь этому делу. Как? Ещё не знаю. Может, уйду в монахи или стану писцом. Буду бродить по свету. Бог укажет мне нужный путь!

Месроп умолк. Вараздат с уважением и интересом смотрел на этого рассудительного воина. Его слова прились ему по душе.

— Ты прав, Месроп! Надо искать! И дай бог найти такие письма, которые отличались бы и от кружевной вязи персидской грамоты и от строгой угловатости греческих букв. Живя в окружении этих двух народов, персидского и греческого, мы должны проявлять осторожность и осмотрительность во всём, даже в выборе букв, чтобы не вызывать недовольство наших соседей. Если тебе будет нужна какая-нибудь помощь, обращайся ко мне, Месроп, — сказал царь.

— Нет, государь! Помощи пока не нужно. Я даже не знаю, как подступиться к этому делу. Куда идти, где искать? — В голосе Месропа слышались одновременно и растерянность, и решимость.

— К тебе пришло озарение, друг мой, — промолвил Вараздат. — Ты видишь цель. А это главное! Человек, бредущий без всякой цели, бесполезно тратит свои силы. Тот, кто видит цель, рано или поздно достигнет её.

— Если бы нашлись подходящие письма, мы могли бы открыть, сначала тайно от всех, школу в Арцахе, чтобы испробовать их применительно к нашему языку. И лишь позже, убедившись в пригодности этих букв, объявить о них всенародно, — мечтательно сказал Арсен.

— Послушай, брат, — возразил Карен. — До открытия школ ещё очень далеко. Сначала нужно найти письма. Да пошлёт тебе бог удачу, Месроп.

Разговор с Месропом был для царя как сладкая музыка.

«Ах, если бы все Мамиконяны были бы так искренни, так открыты со мной, как этот благородный Месроп!» — не раз думал впоследствии Вараздат. Его беспокоила мысль о Мушеге.

Дело в том, что отношение спарапета Мушега к царю было двойственным. Здесь играли свою роль сложные мотивы. В течение всей обозримой истории Армении спарапетов стране поставляли Мамиконяны. Это был храбрый, воинственный род, сделавший для укрепления армянского трона, пожалуй, больше, чем все другие нахарарские династии, которые поддерживали царскую власть лишь тогда, когда это совпадало с их интересами. Мамиконяны защищали царские интересы, как свои собственные, иногда даже забыв о своих собственных интересах. Конечно, они защищали при этом честь, достоинство и само существование своей родины. Пройдут десятилетия, и один из представителей этого славного рода, Вардан Мами-конян, возглавит борьбу армянского народа за независимость, нанесёт сокрушительное поражение врагу в знаменитой Аварайрской битве и впишет в историю Армении своё имя появившимися к тому времени армянскими письмами, а ещё полторы тысячи лет спустя застынет в бронзе на летящем коне на одной из площадей столицы Советского армянского государства...

А в ту пору в стране, по существу, были две царские династии. Одна официальная — Аршакидов, другая неофициальная, но даже более мощная — Мамиконянов. На веку Мушега Мамиконяна сменилось уже три царя. Он стал во главе армянского войска в трагические для родины дни, когда персы обманом завлекли к себе армянского царя Аршака II и, заковав в кандалы, поставили перед ним в темнице бездыханное, набитое соломой тело его ближайшего соратника и друга спарапета Васака, отца Мушега.

Взошедшего на престол царя Папа Мушег принял почти по-отечески. Папу было тогда семнадцать лет, Мушегу — на десять лет больше. Спарпет оберегал Папа, верно служил ему, зная, что молодой царь нуждался в его покровительстве и помощи. Пап не был силен в воинской науке и не был крепок физически.

Другое дело Вараздат: Несмотря на свою молодость, Вараздат был уже зрелым мужем. Он участвовал в сражениях, знал цену жизни и смерти. Он и без спарпета мог сам в любое время возглавить армянское войско. Кроме того, Вараздат был окружён ореолом славы олимпийца. Не какого-то там, пусть даже очень быстрого, бегуна, что вряд ли имело бы большую ценность в горной Армении, а кулачного бойца, бесстрашного поединщика, одолевшего даже львов. Такой государь не нуждался в покровительстве спарпета, и потому умудрённый жизнью Мушег испытывал к молодому царю невольное чувство ревности и зависти.

Первые три года правления Вараздата прошли спокойно. Спарпет редко бывал в столице, а ромеи и персы не доставляли особых хлопот: то ли были заняты внутренними делами, то ли опасались созданного Вараздатом постоянного войска. Однако постепенно нахарары стали отзывать своих воинов, ссылаясь на то, что опасности отечеству нет, а люди нужны дома. Кроме того, царь в последнее время всё чаще испытывал на себе давление проперсидски настроенных князей. Тому была серьёзная причина.

Воспользовавшись уходом ромеев, царь Шапух стал усиленно уговаривать владельцев соседних с Персией армянских областей пойти на союз с ним, суля им приращение земель и другие блага. В качестве своего оружия Шапух избрал Манвела Мамиконяна, двоюродного брата спарпета Армении, служившего командующим армянской конницей в составе персидской армии. Свой выбор коварный Шапух остановил на нём не случайно.

Опираясь на свою силу и авторитет, отдельные представители рода Мамиконянов осмеливались иногда заявлять о равенстве с армянскими царями. Манвел не раз выказывал в кругу своих друзей притязания на управление страной, понося при этом царскую фамилию. И слухи об этом, конечно, дошли до царя.

Вараздат не стал бы придавать значения этим слухам, если бы не наглое письмо, полученное однажды им от Манвела.

«Мы, — писал царю Манвел, — никогда не были слугами царей армянских, но были равными с вами и даже познатнее вас, ибо предки наши были сами царями в Чинастане¹. Однако из-за раздора между братьями, вследствие которого произошло великое кровопролитие, мы покинули родину и пришли в Армению искать спокойствие». И далее Манвел подробно излагал Вараздату известное семейное сказание Мамиконянов о двух братьях Мамике и Конаке, которые были сыновьями «сатрапа Карнама, бывшего вторым по царе чинастанском».

После смерти Карнама его жена вышла замуж за китайского императора и родила ему сына Чинбакура. Потерпев неудачу в попытке избавиться от наследника, братья Мамик и Конак бегут к царю Парфии, который, не желая портить отношения с китайским императором, переправляет их к родственнику своему Аршакиду, царствовавшему в Армении. Воинственные братья получают от царя армянские области Тайк и Тарон и выдвигаются в спарпеты Армении, сделав благодаря своим заслугам эту должность наследственной. Такова была легендарная история рода Мамиконянов.

Вараздат не стал предавать это письмо широкой огласке и ответил Манвелу коротко и с иронией, что если он, Манвел, считает себя наследником династии китайских царей, то пусть едет в Чинастан и добивается там трона, а его, Вараздата, не беспокоит более

¹ Китае (арм.).

своими писаниями. Однако под влиянием этого письма Вараздат стал относиться всё хуже и хуже к своему спарапету. А тот двойственным поведением, отсутствием искренности в отношениях с царём лишь усиливал его подозрения.

Роковую роль в назревавшем конфликте сыграл Бад Сааруни, пользовавшийся уважением и доверием Вараздата. Сааруни при каждом удобном случае оговаривал спарапета. Аргументы Бада были неотразимы. Мушег чванлив, как и все Мамиконяны. Он смотрит на царей Армении, как на мальчиков, которые нуждаются в его советах. Он не считается с их мнением и поступает всегда по своему усмотрению. Не он ли отпустил на свободу взятого в плен царя агванцев Урнаира под лживым предлогом, что он, Мушег, не смеет поднимать руку на царственных особ? И это в то время, когда находившийся рядом Бад Сааруни отговаривал его от этого, напоминая, сколько смертей и горя принёс Урнаир, ворвавшись на армянскую землю! Не Мушег ли, взяв в плен весь царский гарем, отправил жён ненавистного Шапуха с почестями в Персию под предлогом того, что спарапету не пристало воевать с женщинами? Неужто забыл он, как персидский царь жестоко обошёлся с пленной армянской царицей и жёнами нахараров — предал их позорной смерти. Следует ли удивляться тому, что Шапух приказал изготовить кубок с изображением Мушега на тонконогом белом скакуне и, попивая из него на пиру, приговаривал: «Пусть белоконный тоже пьёт!» А где был Мамиконян, когда Теренций коварно расправился с царём Папом в Карине? Он уклонился от поездки под предлогом того, что спарапету надлежит оставаться с войском, чтобы обеспечить в случае опасности защиту страны. Лишь он, Бад Сааруни, отмстил византийцам за смерть царя! Да и кто таков вообще Мушег Мамиконян? Ведь это племянник человека, перешедшего в своё время на сторону персов и отдавшего страну на поругание персидскому царю Шапуху! А брат его поныне служит в Персии и уговаривает нахараров избавиться от Вараздата и заключить союз с персидским царём. В общем, вывод один: Мушегу доверять нельзя — он, несомненно, втайне зарится на трон. И если его не убрать, то быть беде.

И когда Карен и Арсен, удерживавшие царя от опрометчивых поступков, уехали на время в Арцах, Бад Сааруни принёс Вараздату письменные свидетельства того, что он именовал изменой спарапета.

Это была переписка Мушега с Манвелом, который призывал спарапета повлиять на царя Вараздата, вернуть его на путь дружбы с Персией или помочь убрать его с армянского трона.

Вот тогда-то Вараздат и совершил роковой шаг: отдал приказ об убийстве Мушега. С тех пор у Вараздата навсегда остался в ушах многократно повторенный крик смертельно раненного спарапета:

— За что, царь?!

И пока Мушег ещё мог дышать, он хрипел, повторяя свой вопрос: «За что, царь?!»

Оставаясь наедине со своими мыслями, царь признавался себе, что с момента расправы над спарапетом он всё больше терял нити управления страной. Уже все нахарары отозвали своих воинов из постоянного войска, обещая прислать их под командование царя лишь в случае возникновения войны. В мирное время они могли доверить своих людей лишь спарапету из рода Мамиконянов. Более того, нахарары всё чаще отказывались от участия в Большом совете, ссылаясь кто на недомогание, кто на опасность на границах княжества, а кто просто на исключительную занятость.

Конечно, царь имел достаточно власти, чтобы расправиться с теми, кто осмеливался ослушаться его. Но после трагедии с Мушегом он не хотел прибегать к силе. И хотя Вараздат считал, что с Мушегом нельзя было поступить иначе, смерть спарапета оставила в его сердце неисцелимую рану.

Царь всё чаще искал утешение в палестрах, выстроенных по его приказанию в столице и в других крупных городах страны. Здесь с помощью приглашённых из Ахайи педотрибов готовились борцы, панкратисты и кулачные бойцы, которым уже этим летом предстояло отправиться в Олимпию для участия в Играх...

Вот уже несколько дней царь пребывал в сильном беспокойстве. Лазутчики донесли ему, что Манвел переслал императору Феодосию письмо, в котором сообщал, что Вараздат собирается отвернуться от Византии и заключить договор с Шапухом и что в качестве доказательства серьёзности своих намерений он казнил верного Византии спарапета Мушега Мамиконяна. В подтверждение своих слов Манвел препроводил Феодосию подложное письмо, написанное будто бы по приказу Вараздата персидскому царю, в котором армянский царь просил у Шапуха руки его дочери Ормиздхут, обещая взамен отдать под длань Персии всю Армению.

И теперь в ожидании приезда нового спарапета Бада Сааруни, занявшего место Мушега, и нового католикоса Завена, седовласого старца из того же рода Альбианосянов, что Усик, Вараздат обсуждал вместе с советниками Кареном и Арсеном, управляющим дворцом Зеноном Ааматуни и Рубеном Гнуни, недавно назначенным начальником личного отряда царя, возможные последствия этого клеветнического поступка.

Вараздат ещё обсуждал историю с письмом Манвела к Феодосию, когда послышался конский топот и вошедший слуга доложил, что из Византии прибыл гонец, который привёз срочное послание императора Феодосия Великого.

Карен вышел к гонцу и вскоре вернулся с письмом в руках. Вараздат с нетерпением развязал шнур, которым было перевязано послание, запечатанное знакомой печатью византийского императора и, как всегда, украшенное затейливой миниатюрой. Царь мельком взглянул и попросил Арсена прочесть письмо вслух. Уже первая строчка напомнила царю Армении о безмерном могуществе и величии римского императора, сумевшего недавно совершить подвиг огромной важности: вновь объединить западную и восточную части страны в одну Великую Римскую империю.

«Самодержец Великой Римской империи августейший цезарь император Феодосий Великий царю армянскому олимпионику Вараздату привет и пожелания крепкого здоровья и полного успеха!

Традиционная дружба Рима с Арменией и интересы наших держав настоятельно требуют проведения совещания с царём дружественной Армении. По получении послания прошу без промедления выехать к императорскому двору. На границе Византии с Арменией царя будет ждать почётная когорта для сопровождения в столицу империи.

Год третий 293-й олимпиады, месяц антестерион.

Константинополь».

Царь молча посмотрел на нахараров. В его взгляде был вопрос.

— Ехать в Константинополь не следует! Это западня! — запальчиво воскликнул Арсен.

— Да, принимать приглашение нельзя! — подтвердил Карен. — Письмо подписано Феодосием, но почерк у византийских императоров один: пригласить, чтобы расправиться. Вспомни судьбу Папа, царь! — И добавил уже тише: — Поехать к Феодосию — значит погубить себя.

Зенон Ааматуни и Рубен Гнуни присоединились к мнению братьев.

— У римского императора есть много способов, чтобы погубить меня, — отвечал Вараздат, — особенно сейчас, когда многие нахарары отвернулись от меня и готовятся присоединиться к Манвелу Мамиконяну, собирающему силы, чтобы пойти с помощью персов на Армению. Без защиты Феодосия нам не обойтись. Я объясню ему, что стремление к независимости Армении не противоречит интересам Римской империи.

Сильная, независимая, но дружественная Риму Армения выгоднее Феодосию, чем слабая, которая не способна постоять за себя и в любой момент может пасть жертвой персидской агрессии. Достаточно вспомнить, чем кончилось нашествие Шапуха на мирную Армению времён Аршака II. Разве ромеи успели помочь нам тогда?

В этот момент вошли католикос Завен и спарапет Сааруни. Они вошли вместе, но отношения у них были очень натянутые: на руках Сааруни была кровь Мушега. Церковь, как и нахарары, не могла простить этого ему никогда. Возможно, Бад и был хорошим предводителем личного отряда царя, но для роли спарапета он не годился. Потому что хотя он был храбр и предан Армении, но у него не было и не могло быть того авторитета перед нахарарами, который имели спарапеты Мамиконяны.

— Не уезжай, Вараздат! — горячо воскликнул спарапет Сааруни, узнав о письме Феодосия. — Царь неуязвим, когда он находится на своей земле, когда его окружают верные ему люди. В Константинополе ты будешь беззащитен.

Спарапет говорил искренне, но каждый из присутствующих невольно подумал, что с отъездом царя Бад рисковал потерять своё место.

— Не надо спешить, — молвил католикос. — Предоставим это дело на усмотрение Большого совета. Пусть он примет решение исходя из интересов всей страны.

— Именно из интересов страны и её жителей я и исхожу, когда говорю, что склоняюсь к поездке в Константинополь. Ведь в противном случае Армении не избежать войны. Постоянной армии нет. Надеяться на нахараров тоже нельзя: они найдут отговорки, чтобы не прислать свои отряды. А это грозит серьёзными последствиями. Ромеям не составит никакого труда завоевать Армению и разграбить её. Пострадает прежде всего простой люд — опора нашего благоденствия. — И, как бы прекращая разговор, царь добавил: — Хорошо, я сообщу о своём решении позже. — И он жестом отпустил присутствующих, сделав знак задержаться своим советникам.

А когда они остались одни, Вараздат сказал, обращаясь к братьям:

— Я и сам понимаю, что Феодосий может лишить меня короны. Но сыновья Папа, Аршак и Вагаршак, всё ещё слишком малы, они нуждались бы в регенте. А подходящей кандидатуры регента всё равно нет. — Царь посмотрел на своих советников, ища у них подтверждения своим аргументам. И, не дождавшись ответа, продолжал:

— В любом случае моя жизнь вне опасности. Феодосий не посмеет посягать на неё. — И царь снова посмотрел на братьев.

— Византия, обгабившая руки кровью царя Папа, не остановится перед убийством царя Вараздата, — твёрдо сказал Карен.

— Я не только царь. Я — олимпиец, — гордо отвечал Вараздат.

— Это не остановит Феодосия, — поддержал брата Арсен. — Тем более что золотое время олимпийских состязаний уже в прошлом. Разве забыл ты, что предыдущие Игры носили только местный характер, а о предстоящих до сих пор нет никаких известий.

— Вы не правы, друзья мои, — возразил им царь. — Ещё никогда и никто не осмелился причинить вред олимпийцам. Даже если они попадали в плен во время войн. Вспомните историю — вы же образованные люди! Когда знаменитый панкратист-олимпиец Дорией, сын ещё более знаменитого Диагора с Родоса, многократного победителя Олимпийских игр, попал в афинский плен после морской битвы у Нотия, он был отпущен без выкупа, хотя при других обстоятельствах мог бы лишиться даже жизни. Семьдесят лет спустя после битвы при Иссе Александр Македонский сразу же освободил Дионисидора, вождя попавшего в плен фиванского посольства, когда узнал, что имеет дело с олимпийским победителем. Феодосий может лишить меня трона, но не жизни и свободы! Я еду в Константинополь. Это решение я принимаю один, чтобы не вваливать ответственность на членов Большого совета. Сообщите о моём решении католикосу,

спарапету и жителям Вагаршапата. Распорядитесь, чтобы сделали необходимые приготовления. Меня будут сопровождать мой личный отряд с Рубеном Гнуни и вы, друзья. Спарапет Сааруни останется в стране. Его присутствие здесь в этот трудный для Армении час нужнее.

Напрасно братья уговаривали царя отказаться от этого шага, высказывая со всей прямотой и откровенностью свои соображения.

— Мы боимся за тебя, Вараздат, — говорили они. — Примеры, которые ты приводил, относятся к седой древности. Ты ведь и сам чувствуешь, что Феодосий может лишить тебя короны. А раз так, то тебе незачем ехать на встречу с ним. Уж лучше тогда отречься от трона и предоставить нахарарам выбрать регента. А мы уедем с тобой в Арцах. Наш горный край неприступен, он никогда не был под властью чужеземцев. Ты будешь у нас в безопасности, Вараздат. Пройдёт время, и, если будет на то воля бога, ты вернёшься на трон Армении.

Но Вараздат был неумолим.

Глава X

Эдикт императора

Вдоль извилистых берегов Евфрата двигался огромный караван. Тысяча всадников, сверкая доспехами, вооружённая копьями, дротиками и мечами, двигалась по дороге огромной извивающейся змеей. Дорога то приближалась к реке, то отдалялась от неё. Это была хорошо укатанная древняя дорога, по которой в дни мира шли караванные пути из Китая, Индии и Персии через Армению к понтийским портам и далее в Византию, Галлию и Испанию. Во время войн эта дорога служила для передвижения войск. За многие века тяжёлые военные колесницы воюющих сторон спрессовали землю, и теперь даже ливневые дожди не могли размыть дорогу.

Впереди ехал отряд лучников. Их дальнобойное оружие виднелось из-за спин, а из свисающих сбоку колчанов мирно выглядывало пёстрое оперение стрел. В глаза бросалось дорогое убранство коней, цветные кожаные ремешки оголовья и такие же сафьяновые седла. Под стать была и одежда воинов, сильных, крепких, уверенно сидевших на своих боевых скакунах.

Как яркие цветы в горах скрашивают суровую природу Армении, так и разноцветная одежда сглаживала грозный вид вооружённых до зубов всадников. Это был личный отряд армянского царя. Сам царь ехал в середине каравана верхом на коне в окружении своих ближайших друзей и дворцовых сановников. Среди них выделялись своей величественной осанкой управляющий дворцом Зенон Алатуни, арцахские нахарары Карен и Арсен и молодой начальник царского отряда Рубен Гнуни. Сразу же за царём следовала его дорожная колесница, запряжённая шестёркой холёных коней, по два в ряд. Царь почти никогда не пользовался ею, предпочитая передвигаться более привычным способом — верхом.

Впереди каравана в окружении специальной охраны на белом широкогрудом жеребце ехал знаменосец. На острие его копья развевался личный флаг царя Армении. В конце каравана плёлся обоз со множеством слуг, которые на стоянках разбивали шатры, готовили и подавали еду, чистили одежду и седлали коней.

Торжественная поступь колонны, дорогие одежды всадников, перезвон бубенцов свидетельствовали о том, что отряд выступил не на войну. Тем не менее не было слышно ни смеха, ни шуток. Над всем караваном висело молчание. Пример подавал сам царь, погружённый в свои невесёлые думы. Будучи воином и атлетом, он привык встречать опасность с открытым забралом. Но дворцовым интригам нельзя было положить конец одним ударом, как на арене кулачного боя. Приходилось приспособливаться, а порой и хитрить самому. Но сейчас больше всего его волновала встреча с Феодосием.

Царь в сотый раз продумывал предстоящий разговор и слова в своё оправдание, призванные рассеять подозрения императора. Вараздат был убеждён, что заготовленные им аргументы неотразимы, потому что они были правдивы. Однако чувство тревоги не покидало его. Предательская расправа над отцом Папа, царём Аршаком, завлечённым обманом на пир к персидскому царю Шапуху, несчастная доля самого Папа — эти мысли не веселили.

Лишь однажды к царю вернулось хорошее настроение — когда проезжали ущелье Даранали. Он подозвал к себе Карена, и оба стали вспоминать, как подверглись нападению сирийского конного отряда и вооружённых разбойников.

Наконец наступил день, когда караван достиг первой византийской заставы. Извещённая часовыми, здесь спешно строилась в парадные порядки отборная римская когорта. Царя Армении приветствовал специально присланный Феодосием легат Аврелий. В полном боевом облачении, скрипя кожаными и металлическими латами, византиец поднёс правую руку к груди и, резко хлопнув по ней сжатым кулаком, учтиво наклонил голову.

Он не стал сгибаться в поклоне, как это делали армянские нахарары и как полагалось обычно приветствовать царей. Вараздат остался в седле и, глядя на лысеющую голову Аврелия, молвил:

— Я слушаю тебя, посланец цезаря!

Византиец поднял голову и в цветистых выражениях приветствовал армянского царя. Передав привет от императора, он сказал:

— Божественный цезарь примет друга своего, царя Армении, не в Константинополе, а в Риме, который он по случаю воссоздания Великой Римской империи решил сделать своей второй столицей. Мы направимся туда морем. Лучшее судно императорской флотилии ждёт в порту Константинополя. Гостя императора будет сопровождать почётная когорта римского легиона, имеющая опыт хождения на судах и закалённая в морских сражениях. Поэтому царю армянскому достаточно взять для сопровождения лишь свою свиту и небольшой отряд личной охраны.

Братья при этих словах обменялись быстрым взглядом. Толмачи переводили слова Аврелия тем, кто не понимал греческого. Таких в окружении царя было, правда, немного. Вараздат молча выслушал речь сатрапа. Ни один мускул не дрогнул на его красивом, суровом лице. Он молча кивнул византийцу и, повернувшись к управляющему дворцом, сказал:

— Зенон, выдели несколько слуг и отбери всё необходимое для предстоящего путешествия. В поездку со мной отправится Ота Апауни с подарками, предназначенными для императора, Рубен Гнуни с пятьюдесятью лучшими воинами из моего отряда и, конечно, оба арцахца — Карен и Арсен. Остальные пусть сейчас же возвращаются обратно. Командование ими я возлагаю на нахарара Мхитара.

Распоряжение царя выполнялось споро. Всадники перестраивались в образцовом порядке, без суеты. Вскоре Рубен и Мхитар уже докладывали, что оба отряда готовы к выступлению. Выслушав нахараров, царь направил коня сначала к отряду Рубена. Крепкие, загорелые всадники были все как на подбор. Но главное, в их глазах не было и тени страха. Для сопровождения царя Рубен отобрал только добровольцев.

С удовлетворением кивнув головой, Вараздат повернул коня к воинам своего личного отряда. Он подъехал к Мхитару и, не слезая с лошади, обнял его. Это был тот самый нахарар, чью дочь, Ануш, Вараздат принял за юношу в день своего возвращения на родину. Обращаясь к всадникам, царь поднял в прощальном жесте руку и крикнул:

— Передайте поклон родине! Да хранит вас бог!

И затем, помедлив, добавил:

— До скорой встречи!

Круто развернув коня, он придержал его на месте, как бы успокаивая, и тут же тронулся мягкой, неторопливой рысью. Карен, Арсен и Ота Апауни пристроились за ним. Вслед двинулся Рубен со своим небольшим отрядом. Шествие замкнули византийцы во главе с Аврелием, который не решился, а может, не захотел ехать рядом с царём. Мхитар и оказавшиеся под его началом воины царского отряда не спешили поворачивать назад. Они стояли до тех пор, пока Вараздат со свитой не скрылся из виду.

В Константинополе его встретил сын самодержца Аркадий, будущий император Восточной Римской империи, который сам проводил армянского царя на предназначенное для него судно. Это немного рассеяло тревогу Вараздата.

Путешествие морем оказалось приятным. Погода благоприятствовала путешественникам на всём протяжении пути. Пройдя Эгейское море, великолепная имперская трирема, подгоняемая лёгким ветром, свернула к Криту и взяла курс на Сицилию. Вараздат стоял на палубе, вдыхая солёный морской воздух, и до боли в глазах всматривался на проплывающий мимо берег полуострова Пелопоннес. Там, за серебристыми оливковыми рощами, лежала Олимпия. Этим было сказано всё.

Олимпионик вспоминал Священную дорогу, Деметру на колеснице, Альтиду с её алтарями, храм Зевса в окружении памятников олимпионикам, среди которых не было лишь статуи в честь его, Вараздата, победы.

Собственно говоря, статуя была уже давно готова, но Вараздат решительно воспротивился её посылке в Олимпию. Отлитая в полный человеческий рост, она имела большое портретное сходство. Арсен предложил установить эту статую на рыночной площади в Арташате, а для Олимпии изготовить другую, с некоторыми характерными чертами всемогущего Зевса. Так и поступили. Новую статую предполагалось отправить в Олимпию летом, вместе с пятью или шестью лучшими армянскими борцами и состязателями, среди которых главные надежды царь возлагал на талантливое поединщика Хорена из Эребуни.

Встреча в Риме была столь же учливой, что и в Константинополе. Пусть в ней не ощущалось особого радушия, но соблюдались все почести, какие обычно оказываются иноземному государю. Флавий Гонорий, сын Феодосия, сам проводил Вараздата в отведённые ему покои. По пути он даже показал ему Колизей и рассказал об устраиваемых там боях гладиаторов. Всё это несколько успокаивало армянского царя и его окружение, но всё же не могло заглушить чувство тревоги. Оно возросло ещё больше, когда утром следующего дня было объявлено, что император встретится со своим именитым гостем наедине. В то же утро Ота Апауни побывал во дворце и передал распорядителю римского двора подарки от царя Армении, предназначенные для императора.

На другой день Вараздат и сопровождавшие его нахарары — Карен, Арсен и Рубен — были препровождены к Феодосию. Главный распорядитель дворца провёл гостей в большую приёмную, расписанную фресками на темы военных сражений. Он усадил их перед инкрустированным серебром столиком из чёрного дерева, на котором стояли сосуды с вином и фруктами.

Оставив чужестранцев одних, распорядитель вскоре вернулся и торжественно возвестил:

— Цезарь ждёт царя Армении!

Затем он бросил многозначительный взгляд на пояс армянского царя, приглашая его отстегнуть оружие, и вежливо проговорил:

— Таков порядок.

Это было явной ложью. Такого порядка не существовало никогда. К счастью, этого не знали молодые нахарары, иначе дело могло бы кончиться бессмысленным кровопролитием. Это нарушило бы планы Вараздата, который надеялся переубедить императора.

Поэтому царь Армении и бровью не повёл. Он молча отстегнул висевший на поясе серебряный меч и, поцеловав, передал его нахарарам. При этом он ободряюще кивнул своим соотечественникам. Сердца четырёх чужестранцев бились в тревожном напряжении. Но внешне они ничем не выдавали своего волнения.

Царь не прощался со своими друзьями — прощание состоялось раньше, до приезда во дворец, без свидетелей. Тогда же было решено, что после свидания с Феодосием Арсен снова поедет в Олимпию и вместе с Деметрой присоединится к остальным в Константинополе. На сей раз для того, чтобы всем вместе отправиться в Армению. Разумеется, при условии, что встреча с императором окончится благополучно. Но об этом последнем обстоятельстве никто вслух не говорил. Это условие подразумевалось.

Император был не один. Одетый в лёгкий лиловый плащ Феодосий стоял в конце великолепной залы в окружении архиепископа миланского Амброзия, своего сына Гонория и ещё двух-трёх приближённых. Они не были знакомы Вараздату. Неузнаваем был и император. Вместо высокого, крепкого и энергичного цезаря с утончёнными манерами, привитыми в Испании, откуда он был родом, перед Вараздатом стоял оплывший жиром человек, одутловатое лицо которого свидетельствовало о неумеренности во всём.

Императора мучила, несомненно, и какая-то болезнь, от которой лицо его было в постоянном горестном напряжении. Зато архиепископ Милана держался важно и непринуждённо, и это более всего удивило Вараздата. Времена, когда римским императорам удавалось ограничить чрезмерное влияние церкви на дела государства, очевидно, остались позади. И действительно, после кровопролития в Фессалониках, где по вине Феодосия погибло пятнадцать тысяч жителей, церковь пригрозила поднять верующих против только что назначенного императора, если он не утвердит христианство в качестве единственной религии империи. Лишь в этом случае он мог получить отпущение грехов. Феодосий был вынужден подчиниться требованиям церкви и провозгласить христианство официальной религией государства. Это произошло на третьем году 289-й олимпиады.

Но церковь не думала ограничиться этой победой. Пользуясь тем, что император был снедаем тяжёлым недугом, она объявила ему, что его исцеление зависит от принятия им целого ряда мер в пользу христианства. Речь шла о запрещении на территории империи всех языческих обрядов, разрушении языческих храмов и памятников и отмене всех атлетических состязаний. Амброзий давно уже имел при себе текст такого эдикта и при каждом удобном случае напоминал императору Феодосию, что церковь ждёт его подписания.

— Самодержцу Великой Римской империи, божественному цезарю, императору Феодосию Великому привет! — И, приставив руку ко лбу и сердцу, царь Армении слегка наклонил голову. Вараздат не поклонился Феодосию, как этого следовало ожидать от главы государства, получившего корону из рук самого императора. Но Феодосий не обратил на это никакого внимания, возможно, даже не заметил этого. Не отвечая на приветствие армянского царя, он обрушил не него поток упрёков:

— Ты оказался недостойн моего доверия и доверия всего христианского мира, центр которого находится здесь, в моей империи! Как смел ты мечтать о независимой политике, создавать регулярную армию и отказываться от чести направить на помазание в Кесарию к византийскому митрополиту армянского католикоса, назначенного к тому же тобой без

нашего совета и согласия? Как смел ты вступать в сговор с моим заклятым врагом, царём персидским, обещая предоставить под его длань Армению, для которой так много сделал благородный Рим? Как мог ты просить в жёны дочь его?

— *Argumenta ponderantur, non numerantur*¹! — с достоинством парировал Вараздат.

Но Феодосий, сверля армянского царя заплывшими глазами и морщась от подтачивавшей его внутренней боли, продолжал:

— Мне советовали не принимать тебя во дворце и сразу же расправиться с тобой. Но я хотел сначала посмотреть в глаза неблагодарному вассалу, который, будучи всем обязан римскому императору, осмелился пренебречь его доверием!

По тону Феодосия и особенно по сорвавшимся с его уст угрозам Вараздат понял, что следует ожидать худшего. Но это не испугало его, напротив — вернуло ему самообладание. Так кулачный боец, испытывающий волнение перед поединком, обретает хладнокровие, выйдя на арену и обменявшись первыми ударами с соперником. Скрестив руки на груди, Вараздат молча ждал, пока император кончит говорить.

— Что же ты хотел, Феодосий, от варвара, проведшего всю жизнь в Персии и впитавшего в себя проклятую веру маздеизма? — вступил неожиданно в разговор архиепископ. — Может ли быть хорошим христианином человек, выступавший в бесстыдной наготе на языческих играх в Олимпии, проводимых во славу солнца и чужих богов?

— Божественный цезарь, — прервал архиепископа Вараздат, пропуская мимо ушей его замечание. — Великому Риму нужен сильный союзник на его восточных границах, союзник, могущий постоять за себя в случае нападения Персии, с тем чтобы доблестные византийские легионы могли бы схватиться с врагом, уже ослабленным войной с Арменией. Риму выгоднее иметь сильных союзников, чем слабых, точно так же, как достойный человек стремится окружить себя друзьями мудрыми, нежели недалёкими. И в общих интересах Рима и Армении я стремился к созданию сильного государства. Это обстоятельство, как и самостоятельность армянской церкви, не противоречит дружбе Армении с Римом! Что касается сведений о письме, посланном якобы мною царю персидскому, то это — подлог и навет. Не для того двадцать три олимпиады назад приняла Армения христианство, чтобы пойти затем в зависимости к иноверным персам. А для того, чтобы сохранить свой народ и стать ещё ближе к христианской Византии. Никогда в мыслях у меня не было брать в жёны персианку, тем более что моей наречённой является гречанка!

— Он лжёт, император! — воскликнул архиепископ. — Не слушай его! Что касается упомянутой им гречанки, то церковь знает о ней всё. Она ревностная язычница, участница атлетических игр, на которых выступала полуобнажённая, с оголёнными грудью и ногами и была отмечена милостью языческих богов. И брат её тоже участник языческих игр в Олимпии. Не слушай его, император!

— Я даю тебе, цезарь, своё слово царя! — воскликнул Вараздат, выведенный из себя подстрекательскими репликами архиепископа.

— Нет, ты не царь более, — отвечал Феодосий. — И слово твоё ничего не значит. Ты будешь отправлен на каторгу или, лучше того, казнён мечом простого римского воина.

— Ты можешь лишить меня короны царской, августейший Феодосий, — гордо отвечал ему взявший себя в руки Вараздат, — но ты не можешь лишить меня свободы или казнить, потому что я — олимпиец! Традиции Олимпийских игр восходят к самым истокам древности. И никогда за всю их историю ни один олимпиец не был лишён жизни или свободы, даже попав в руки врага во время войн!

¹ «Сила доказательств определяется по их вескости, а не по количеству!» — лат.

— Игры в Олимпии созданы богами язычников! — визгливо выкрикнул Амброзий.

— Нет, это жажда людей к миру и спокойствию создала преграду войнам и кровопролитию в виде Олимпийских игр! — убеждённо отвечал Вараздат. — Игры не принадлежат одной религии, одному народу или одной стране. Они принадлежат всему миру. И с каждым годом они будут привлекать к себе всё большее число участников. Потому что игры в Олимпии — это мир!

— Игры должны быть запрещены — таково требование церкви! Подготовка и участие в них противны учению христианской религии. Они отнимают время, столь необходимое для молитв. Всё, что делается для плоти, делается в ущерб духу — этому бесценному, ниспосланному нам свыше дару, которому предначертано вечное существование. Плоть лишь временное пристанище для души. Надо умерщвлять плоть и направлять все силы и время на возвеличивание духа. Надо заботиться не о здоровье тела — источника греховных помыслов, а о здоровье и укреплении духа! — высокопарно произнёс Амброзий, как если бы он выступал с проповедью перед огромной аудиторией.

— Здоровый дух может процветать лишь в здоровом теле! — спокойно парировал его доводы Вараздат.

— Феодосий Великий велит разрушить негодные богу языческие алтари и памятники Олимпии! — выкрикнул архиепископ, приглашая императора подтвердить его слова.

— Когда римский консул и полководец Меммий Луций подавил восстание греков и сжёг ахейские города, даже тогда он не тронул храмы Олимпии, — ответил Вараздат на новый выпад Амброзия.

— Августейший цезарь, верный сын христианской церкви, положит конец атлетическим играм язычников! — вновь визгливо закричал архиепископ, ища поддержки у Феодосия.

— На Игры в Олимпии покушались уже не однажды, — отвечал Вараздат, обращаясь к императору. — В истории Рима есть позорные страницы, когда некоторые императоры пытались перенести Игры в другое место, отложить их проведение или даже запретить их. Диктатор Луций Корнелий Сулла перевёз участников Игр 175-й Олимпиады в Рим, где и велел провести состязания. Но все последующие Игры снова проходили в Олимпии. Император Клавдий Цезарь Нерон в погоне за оливковым венком распорядился отложить Игры 211-й Олимпиады на два года. Но сам принимал в них участие и счёл за счастье быть провозглашённым олимпиоником. Твоя власть, Феодосий, велика, но ты не посмеешь посягать на Олимпийские игры, участвовать в которых считали для себя честью и другие римские императоры, например Германик!

— Игры будут запрещены, язычество будет искоренено, — решительно прервал его Феодосий. — Я приказал подготовить эдикт.

Архиепископ с готовностью развернул перед императором лист с текстом указа.

— Читай! — обратился Феодосий к писарю.

— Остановись, цезарь! Потомки проклянут твоё имя. Им арев¹! Этого не следует делать! — вскричал Вараздат, который только теперь понял, что всё уже потеряно. — Ты волен бороться против языческой религии, цезарь, но не запрещай Игры!

Из-за занавеса неожиданно появился Теренций. Он, несомненно, слышал весь разговор и теперь нашёл почему-то нужным вмешаться. Подойдя к императору, он быстро зашептал ему что-то на ухо.

— Как?! — вскричал Феодосий. И, обращаясь к Вараздату, грозно спросил: — Что означают армянские слова, которые ты произнёс только что? Теренций изучил ваш язык, и, мне кажется, не напрасно!

¹ Клянусь солнцем!

— Это клятва армян. Так клянутся самым дорогим на свете. Потому что это самое главное, самое бесценное и вечное достояние человека, и не одного, а всех жителей земли! — Тут только Вараздат понял, что изначальный смысл слов этой клятвы может окончательно погубить его. Однако, глядя прямо в вопрошающее лицо императора, он твёрдо сказал: — Да, это означает дословно «солнце моё»!

— Этот огнепоклонник выдал себя! И он смел похваляться тут, что в его стране христианство утвердилось намного раньше, чем в Риме! — вновь вскричал Амброзий. — Он остался язычником, как и вся его затерянная в горах страна, хотя её озаряет своим ослепительным светом верный христианству Рим!

— Архиепископ должен бы помнить, что именно Армения, приняв однажды без колебаний христианскую религию, сохранила ей навсегда свою преданность, в то время как Рим не раз склонялся с тех пор снова к язычеству, — произнёс Вараздат, обращаясь не к Амброзию, а к Феодосию. — Разве забыл он об эдикте императора Константина, который вновь позволил гражданам империи исповедовать языческую веру? И лишь позже эдикт «де фиде католика» вернул римские народы к истинной вере!

Услышав это, Амброзий замер в негодовании не в силах произнести ни слова. Император вновь повернулся к писцу, но Вараздат остановил его повелительным жестом:

— Не спеши, Феодосий, — твёрдо промолвил он. — Я сказал ещё не всё. Я хочу напомнить тебе, что твоим далёким предшественникам — Сулле и Нерону, посягнувшим в своё время на Игры в Олимпии, недолго пришлось править после этого Римом. Смерть унесла обоих ровно через год после подписания ими эдиктов, нарушивших освящённый веками порядок проведения олимпийских состязаний!

При этих словах сын императора Гонорий вынул меч из ножен, готовясь по первому знаку отца зарубить на месте наглого варвара.

— Довольно! Ты потерял рассудок, олимпионик! — гневно прервал его Феодосий. И, обратившись к писцу, он властно махнул рукой.

И прежде, чем Вараздат успел возразить, писец начал читать эдикт императора:

«Я, самодержец Великой Римской империи августейший цезарь император Феодосий Великий, данной мне божественной властью повелеваю:

I. С сего дня на всей территории империи воспретить кровавые жертвоприношения и поклонения языческим богам.

II. Все идольские храмы немедленно закрыть, а изображения ложных богов и их алтари разрушить.

III. Атлетические состязания, игрища, поединки и другие формы культа человеческой плоти, и прежде всего Игры в Олимпии, запретить!

IV. Языческое летоисчисление по олимпиадам отменить и ввести отныне отсчёт лет по индиктам — пятнадцатилетним налоговым периодам, введённым императором Константином Флавием Валерием.

V. Всякого, кто осквернит себя кровавой жертвой, кто переступит порог идольского капища, кто устроит в нём религиозную церемонию, кто примет участие в каких-либо атлетических играх язычников и кто посмеет вести летоисчисление по олимпиадам, подвергнуть уплате денежного штрафа, а при повторении перечисленных преступлений продать в рабство или казнить.

Издано в Риме, в месяце элафеболионе, в VII году VI индикта ».

Едва писец закончил чтение, как Амброзий, выхватил у него лист и поднёс его вместе с пером Феодосию. В зале воцарилась тишина. Над Играми в Олимпии нависла смертельная опасность.

— Memento mori, Caesar¹! — предостерегающе произнёс Вараздат.

В то же мгновение новый приступ боли исказил гримасой лицо императора. Но он медленно поднял руку с пером и поставил под эдиктом свою подпись.

— Аминь! Absolvo te²! — громко сказал Амброзий. В его торжествующем голосе звучало плохо скрытое ликование.

Вараздат со скрещёнными руками на груди молча ждал решения своей судьбы.

— Я всегда помню о смерти, — вдруг хрипло произнёс император, глядя сузившимися от боли глазами в лицо Вараздату. — Но физические муки страшнее, чем смерть!

Подлинный смысл этой фразы Вараздат понял только тогда, когда, обратившись к писцу, Феодосий приказал:

— Запиши моё повеление! Изменника Вараздата, бывшего царя Армении и олимпийца, — тут император помедлил, мучительно хмуря брови и страдальчески гримасничая, — сослать в Тунис на каторгу, в каменоломни.

И пока писец выводил слова императора, Феодосий смотрел через плечо на появлявшиеся под пером писца строки. Вдруг он гневно выхватил из рук дрожащего писца пергамент и крикнул:

— Что пишешь ты, несчастный?! Я сказал не Тулис, а Тунис. Тулис — это остров в океане, к северу от Испании и Галлии, у самой Шетландии. А Тунис находится на африканском берегу, рядом с Карфагеном

В этот момент боль, наверное, внезапно отпустила императора, потому что он вдруг успокоился и насмешливо добавил:

— Пусть выходец из армянского Карфагена доживёт свои дни в окрестностях Карфагена подлинного. — И Феодосий рассмеялся своей шутке. — Исправь, как велено!

— Не надо ничего переделывать, цезарь, — вкрадчиво заговорил архиепископ. — В римских легионах есть немало выходцев из Армении, и я не уверен, что среди них нет лазутчиков. Пусть писец допишет после слова «Тулис» — «остров в океане».

— Я не могу сослать его на землю, над которой не имею власти, — возразил Феодосий.

— Ты сошлешь его, как и решил, в Тунис. На все, кто попытается проверить тождественность обнародованной воли цезаря с её записью в приказе, смогут убедиться, что Вараздат для них недостижим и что могущество римского императора поистине не имеет пределов.

— Пусть будет так, — нехотя уступил Феодосий, хотя эта уловка была ему не по душе. Власть римского императора и так была безгранична, и она вовсе не нуждалась в обмане, чтобы быть возвеличенной.

— Как быть с отрядом и сановниками бывшего царя? — угодливо спросил Теренций.

— Будь великодушен, цезарь, не чини им вреда! — Это были последние слова Вараздата.

Феодосий внимательно и, пожалуй, впервые за всю встречу с уважением посмотрел на олимпийца.

— Обезоружить, посадить на торговое судно, направляющееся в Трапезунт, и выпустить там на свободу! Nos volo, sic jubeo³!

Такова была воля императора.

¹ «Помни о смерти, Цезарь!» — лат.

² Отпускаю грехи твои! — лат.

³ «Так хочу, так велю!» — лат.

* * *

Большое торговое судно выплывало из римского порта Остия. На его палубе стояло около полусотни смуглых молодых людей, без сомнения, чужеземного происхождения. Их выправка выдавала в них воинов. Но они были без оружия, явно в подавленном состоянии. Среди невольных путешественников были молодые нахарары Карен, Арсен и Рубен, бывший хранитель царских подарков Ота Апауни, а также воины личной охраны царя.

Тихо переговариваясь, они внимательно ошупывали взглядом стоявшие у причалов военные галеры. На одной из них сейчас как раз готовились к выходу в море.

Чужестранцы уже знали о решении Феодосия. Но их волновала не собственная судьба. Несмотря на положение затворников, в котором оказались, они сделали всё, чтобы узнать, что случилось с Вараздатом. Лазутчики из числа их соотечественников, служивших в византийской коннице, передали им, что Феодосий распорядился заковать цепями армянского царя и отправить его на далёкий остров Тулис, лежащий где-то в океане. Правда, чужестранцы не могли себе представить, как мог император сослать кого-либо на не принадлежавший ему остров. Но их заверили, что в приказе значит именно так.

Небольшая быстроходная галера, отдававшая концы в момент, когда торговое судно проплывало мимо неё, уже догнала парусник и устремилась в открытое море.

«Нет, не в этой, — разом подумали чужестранцы при виде галеры. — Слишком мала, чтобы выйти в океан. Ей под силу лишь плавание во Внутреннем море».

Между тем под нижней палубой галеры в железных цепях сидел Вараздат. Тяжёлые оковы больно саднили руки и ноги. Но Вараздат не пал духом. Он был ещё молод и силен, и положение отнюдь не казалось ему безнадёжным. Теперь он снова отвечал за себя одного, решал сам за себя, защищал только себя. Это было привычно. Почти как на песчаной арене стадиона. Прикованный к стене полутёмного трюма, он уже строил планы побега. Он знал, что путь его лежит недалеко. Он не думал сдаваться. И с надеждой смотрел в крохотное, величиной с кулак, окно. В этот момент галера обгоняла какое-то большое торговое судно, которое шло в другие моря, возможно даже в Понтийское.

Там, где-то за Понтой, находилась его родная Армения. Страна, которую он любил, к которой стремился все годы, проведённые на чужбине. Страна, в историю которой он вписал своё имя. Нет, не имя неудачливого царя Вараздата. А незапятнанное имя олимпийца из Артаксаты.

Эпилог

Арцах жил своей жизнью. Отрезанные от матери Армении труднопроходимым горным хребтом, жители этого края жадно ловили скупо просачивавшиеся к ним вести. В мире произошли большие перемены.

Место Варздата занял Манвел Мамиконян, брат убитого спарাপета Мушега. Поддержанный персами и некоторыми нахарарами, он вернулся в Армению и вот уже семь лет правил страной в качестве регента малолетних царевичей.

Внимание Рима было поглощено внутренними проблемами. Вскоре после отмены Игр в Олимпии не стало императора Феодосия. Направляясь в Галлию, он занемог в дороге и скончался в Милане. В том самом городе, архиепископ которого, Амброзий, обещал ему исцеление от всех недугов в обмен на запрещение олимпийских состязаний. Феодосий умер ровно через год после издания рокового эдикта, точно так же, как умерли до него два других правителя Рима, осмелившиеся посягнуть на священные Игры Олимпии, — Сулла и Нерон. Было ли это простым совпадением или мстью языческих богов Эллады?..

Со смертью Феодосия Великая империя ромеев вновь распалась, теперь уже навсегда, на Западную и Восточную. Хитрый Аркадий, вставший во главе восточной части империи, отправил послов к персам и, стремясь покончить с непокорным армянским государством, договорился о его разделе между Византией и Персией...

Сохранивший независимость Арцах жил своей жизнью. Его жители имели весьма смутное представление о событиях, происходивших за пределами края: войнах персидского царя Шапуха, походах римских императоров, интригах вокруг армянского престола, гибели царя Папа.

Зато историю царя Варздата, одолевшего в далёкой Византии львов и выигравшего кулачные состязания на всемирных состязаниях в греческом городе Олимпия, они знали в мельчайших деталях. Нередко матери рассказывали своим детям эту историю вместо сказки, призывая их вырасти такими же сильными и храбрыми, как Варздат. Подробности из жизни олимпийщика они узнали из рассказов сыновей главы рода — танутэра Самсона.

Но правду говорят, что иногда и сказка становится былью. В один прекрасный день в Арцах приехал некий карфагенянин по имени Иккос. Тот самый, что когда-то в далёкой Олимпии сражался с Варздатом на кулаках. Встреча Иккоса с друзьями была волнующей. Ведь они не виделись более десяти лет! Карфагенянин рассказал, что после Игр в Олимпии он долго не возвращался на родину, избегая насмешек своих сограждан, служил в византийской коннице и, лишь вернувшись недавно в Тунис, узнал от воинов, охранявших каменоломни близ Карфагена, что среди работавших там заключённых есть чужестранец, человек необыкновенной силы, будто бы даже олимпийщик. Иккос нашёл чужестранца. То был Варздат.

В глубокой тайне друзья разработали план бегства. Перед побегом Варздат попросил принести ему кусок телячьей кожи и перо, чтобы написать письмо. При этих словах Иккос достал из сумки свёрток и развернул его перед братьями.

«Олимпийщик Варздат славным нахарарам Арцаха Карену и Арсену привет!

Я буду краток, потому что надеюсь свидетельствовать с вами. Я верю в благосклонность богов и счастливый исход побега.

Я люблю нашу родину и горжусь тем, что смог хоть немного послужить ей. Обстоятельства не позволили мне стать хорошим царём. Но я хочу, чтобы вы знали, что я остаюсь преданным сыном Армении.

До меня дошло известие, что бог даровал армянам свои собственные письма. Но я не знаком пока с ними и поэтому пишу, как прежде, греческими буквами.

Я надеюсь, что вам не придётся читать эти строки, потому что Иккос передаст вам письмо только в том случае, если меня не будет в живых.

Второго дня, месяца мунихиона.

Третий год 295-й олимпиады.

Близ Карфагена ».

На лицах нахараров и их седовласого отца Самсона застыл немой вопрос. Иккос тяжело вздохнул:

— Побег был подготовлен хорошо. В полночь Вараздат перепилил оковы. Ударом кулака уложил пожилого стражника, но не стал его убивать — пожалел. Решил, что одного удара будет достаточно. Это было роковой ошибкой. Пока Вараздат пробирался к небольшому паруснику, который я купил, собрав все свои сбережения, стражник пришёл в себя и стал пускать стрелы с горящими наконечниками — знак тревоги. Дорога к берегу была одна. Охрана перекрыла её. Вараздат сражался храбро. Выбил меч у первого же воина и зарубил им семь человек. Силы его были на исходе, когда он показался на берегу. Подняв паруса, я сразу же подошёл поближе, насколько позволяло дно. Вараздат отбросил окровавленный меч и вошёл в воду. Не спеша омыл лицо. В этот момент в плечо ему воткнулась стрела. Её пустил, собрав последние силы, один из смертельно раненных стражников. Я прыгнул в воду и помог Вараздату взобраться на парусник. Впрочем, он не нуждался в помощи. Рана была пустяковая. Мы быстро взяли курс на Египет. Но Вараздату почему-то становилось всё хуже и хуже. Сначала я подумал, что это от потери крови. Но все его раны были, по существу, царапинами, и крови он потерял немного.

Тогда мы поняли, что стрела была отравлена. Он умер у меня на руках. Я свернул к берегу и похоронил его на высокой отвесной скале, у самого моря. В ясный день его душа сможет увидеть оттуда Армению.

Послесловие

Если тебе доведётся, читатель, побывать когда-нибудь в Армении, не поленись — съезди в Арташат. Подыши его напоенным историей воздухом, походи по земле, по которой ступали герои этой книги.

Древняя Артаксата находится где-то рядом под слоем земли, в холмах Хор-Вирапа. Сейчас там ведутся раскопки старинной цитадели и центральных кварталов города. Когда раскопают рыночную площадь, то найдут — я уверен, обязательно найдут — в числе прочих археологических ценностей бронзовую статую олимпийщика. Ту самую, что предназначалась для Олимпии, но была оставлена в Артаксате из-за её портретного сходства с поединщиком Вараздатом.

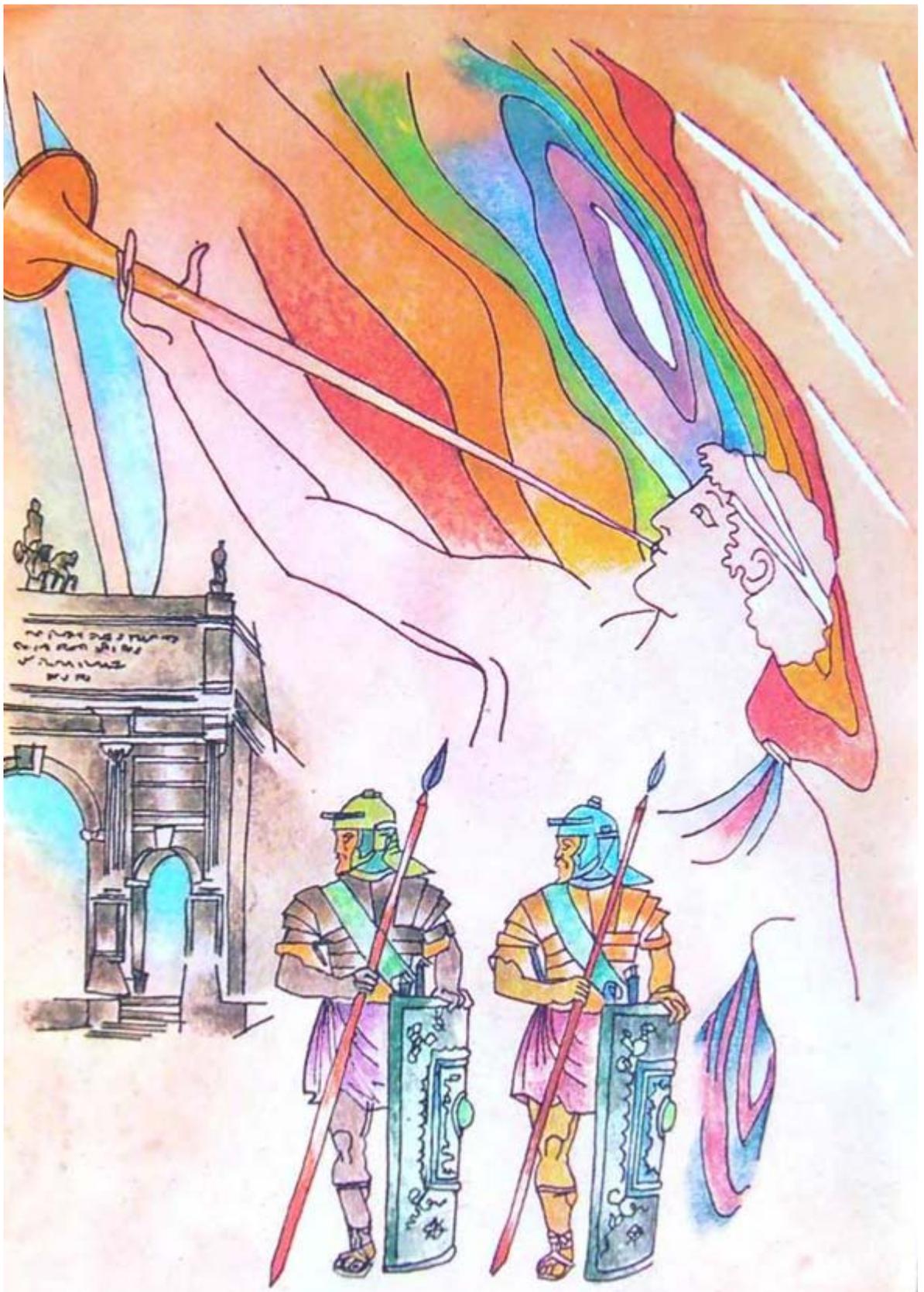
Он стоит на небольшой мраморной плите в полный рост. Его мускулистые руки, от кисти до самых локтей, обвязаны крепкими кожаными ремнями и кольцами — сфайрами. В высоко поднятом над головой правом кулаке — пальмовая ветвь победителя. Курчавые волосы и лоб схвачены шерстяной лентой. Красивое мужественное лицо обращено к солнцу, а взгляд устремлён в будущее. На плите надпись по-гречески: «Олимпийщик Вараздат, сын Аноба из Артаксаты. Игры ССХСI Олимпиады».

Жители Арташата не станут прятать статую в музей. Они выставят памятник этому выдающемуся атлету античности на одной из площадей своего города для всеобщего обозрения.

«А если археологи не найдут древнюю статую? — спросит меня пытливым читатель. — Что тогда?»

Всё равно, поезжай в Арташат. Я уверен, что рано или поздно там появится памятник олимпийщику. Его поставят в честь именитого горожанина жители Арташата или боксёры Советской Армении.

И это будет справедливо. Кто знает, может, именно победа Вараздата дала толчок развитию бокса в Армении, где и сегодня немало отличных кулачных бойцов, наследников атлетической славы олимпийщика из Артаксаты.

75 коп.

